

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Региональный учебно-научно-практический Юридический центр

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 28 мая 2021 г.)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
ПГУ
2021

УДК 347.77/.88(082)
ББК 67.404я43

Рекомендован к изданию советом юридического факультета
Полоцкого государственного университета
(выписка из протокола № 8 от 27.10.2021 г.)

Редакционная коллегия:

В. А. БОГОНЕНКО, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);
Н. А. БЕСЕЦКАЯ, кандидат юридических наук, доцент;
В. П. ШАРИКОВА, кандидат юридических наук, доцент

Рецензенты:

В. Н. ГОДУНОВ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, директор учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»;
А. Ю. КОРОЧКИН, кандидат юридических наук, доцент, Председатель Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов»

Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). ISBN 978-985-531-781-5.

Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых, специалистов, в которых рассматриваются вопросы использования объектов интеллектуальной собственности и их правовой охраны, в том числе способы защиты исключительных прав, а также проблемы применения законодательства об интеллектуальной собственности.

Конференция проведена в формате баркемпа. Баркемп – это инновационная неформальная образовательная конференция, открытая для всех, проходящая в формате докладов, лекций, тренингов, презентаций, обсуждений, мастер-классов, питчей и деловых игр.

Издание может быть использовано в научной, учебной, практической деятельности и рекомендуется всем, кто интересуется правовыми вопросами интеллектуальной собственности.

211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-04-08, e-mail: v.bogonenko@psu.by

№ госрегистрации 3101918415

ISBN 978-985-531-781-5

© Полоцкий государственный университет, 2021

Для создания текстового электронного издания «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» использованы текстовый процессор Microsoft Word и программа Adobe Acrobat XI Pro для создания и просмотра электронных публикаций в формате PDF.

Текст воспроизводится по: **Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики** : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – 212 с. ISBN 978-985-531-780-8.

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 28 мая 2021 г.)

Технический редактор *А. А. Прадидова*.
Компьютерная верстка *А. А. Прадидовой*.
Компьютерный дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*.

Подписано к использованию 18.11.2021.
Объем издания: 2,07 Мб. Тираж 3 диска. Заказ 756.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

211440, ул. Блохина, 29,
г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-95-41, 59-95-44
<http://www.psu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богоненко В.А., Гончарова Т.В., Каминский Д.В.</i> Особенности правовой охраны компьютерных программ в Республике Беларусь (на примере опыта Полоцкого государственного университета)	6
<i>Боровская Е.А.</i> Стоимость электронных объектов интеллектуальной собственности: реальная или виртуальная?.....	12
<i>Борулёва Е.Д.</i> Современный визуальный тренд – виртуальная одежда как объект интеллектуальной собственности.....	16
<i>Бурханова Л.М.</i> Вопросы совершенствования правового регулирования нематериальных благ как особого объекта гражданского права в проекте новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан	19
<i>Бшоян Л.Д.</i> Защита авторских прав в Instagram для коммерческих страниц.....	23
<i>Горшкова С.А.</i> Проблема регулирования правоотношений в сфере виртуальных объектов в сравнении с опытом зарубежных стран	27
<i>Долгая К.С.</i> Актуальные проблемы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в трансграничной электронной торговле	32
<i>Затирахин В.Д.</i> Защита персональных данных в системе правовой охраны некоторых объектов интеллектуальной собственности	40
<i>Зозулин А.С.</i> Способы осуществления личных неимущественных прав автора в соответствии с законодательством Российской Федерации	45
<i>Иванова Д.В.</i> Перспективы развития системы права интеллектуальной собственности Республики Беларусь	51
<i>Иванкович А.Д.</i> Правовая природа биотехнологии: отечественный и зарубежный опыт	57
<i>Кириенко А.С.</i> Аспекты интеллектуальной собственности в технологическом бизнесе при коммерциализации настольной игры «Угадай, что я сделаю?»	65
<i>Ландо Д.Д.</i> Служебные результаты интеллектуальной деятельности: тенденции развития правового регулирования	71
<i>Леанович Е.Б.</i> Международная охрана интеллектуальной собственности в условиях современных технологических вызовов.....	76
<i>Лосев С.С.</i> Актуальные проблемы системного развития права интеллектуальной собственности в Беларуси	81
<i>Максуров А.А.</i> Структуры авторского правоотношения как следствие содержания его понятия	90
<i>Мехмонов К.М.</i> Правовая защита объектов промышленной собственности	95
<i>Недвецкий Д.И.</i> Правовая охрана традиционных знаний с использованием иных объектов интеллектуальной собственности.....	103
<i>Покровская А.В.</i> Содержательные аспекты процедур патентования за рубежом.....	108
<i>Савицкая К.Д.</i> Понятие и признаки сложного объекта в авторском праве	113
<i>Сатвалдиева Ю.Х.</i> Вопросы ответственности за нарушение патентных прав на промышленный образец	117
<i>Семёнова Т.В.</i> Доменное имя как объект гражданских прав	121

Скурьят Э.В. Соблюдение принципов «зелёной экономики» как стратегический приоритет для успешной репутации бренда	131
Хаменок К.В. Гражданско-правовые основы интеллектуальной собственности: использование товарных знаков в фармацевтической промышленности	138
Янтикова Е.В. Вопросы определения размера убытков исходя из дохода нарушителя при нарушении исключительного авторского права.....	145
Vahabava M. The problem of digitalization in the field of intellectual property on the basis of the UE’s Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA)	150
Сведения об авторах.....	157

В.А. Богоненко, Т.В. Гончарова, Д.В. Каминский

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
(НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье рассматривается порядок регистрации компьютерных программ. Анализируется законодательство Республики Беларусь. Описывается процесс подготовки заявки и содержание заявки, а также приводится описание и характеристика документов и сведений, необходимых для регистрации компьютерной программы. В заключении работы делаются выводы по теме исследования, а также формулируются предложения, направленные на совершенствование действующего законодательства об интеллектуальной собственности.

Информационно-коммуникационные технологии являются неотъемлемой составляющей современного общества. Информационные технологии значительно расширяют возможности развития всех отраслей промышленности и позволяют реализовать новые направления инновационной деятельности. С развитием уровня технологий получает развитие их компьютерное обеспечение с превращением академических компьютерных программ в объект коммерческого использования.

В Республике Беларусь Реестр зарегистрированных компьютерных программ ведётся с 23 января 2008 года. Регистрацию компьютерных программ осуществляет Национальный центр интеллектуальной собственности (далее – НЦИС) по заявлению правообладателя на основе представляемых им сведений.

С 23.01.2008 по 30.06.2021 зарегистрировано 1418 программ. Из них 184 программы зарегистрировали учреждения образования или учреждения, которые входят в их структуру. Юридическая составляющая является важной основой этих процессов. В национальном законодательстве различных стран закреплены нормы, регулирующие создание, использование и охрану компьютерных программ (далее – КП). Правовую основу регулирования отношений, связанных с созданием, охраной и использованием компьютерных программ, составляют нормы Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» и Гражданского Кодекса Республики Беларусь. Отдельные нормы содержатся в иных кодифицированных и некодифицированных актах. Следует подчеркнуть, что в Республике Беларусь отсутствует специальный закон, который бы регулировал отношения по поводу создания и использования компьютерных программ.

Ниже приведены ключевые ссылки на статьи нормативных правовых актов (таблица).

Таблица. – Ссылки на статьи нормативных правовых актов

1	2	3
Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»	Статья 4. Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения	Компьютерная программа – представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. Частью компьютерной программы являются включенные в компьютерную программу документы, детально описывающие функционирование компьютерной программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами

Окончание таблицы

1	2	3
	Статья 13 Авторское право на компьютерную программу	Охрана компьютерных программ распространяется на все виды компьютерных программ (в том числе на операционные системы), которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код
	Статья 39. Свободное использование компьютерных программ и баз данных	<p>Лицо, правомерно владеющее экземпляром компьютерной программы или базы данных, вправе изготовить копию компьютерной программы или базы данных при условии, что эта копия предназначена только для архивных целей или замены правомерно приобретенного экземпляра в случаях, когда оригинал компьютерной программы или базы данных утерян, уничтожен или стал непригодным для использования.</p> <p>При этом такая копия компьютерной программы или базы данных не может быть использована для иных целей и должна быть уничтожена в случае, если владение экземпляром этих компьютерной программы или базы данных перестанет быть правомерным.</p> <p>Лицо, правомерно владеющее экземпляром компьютерной программы, вправе адаптировать компьютерную программу, то есть настроить компьютерную программу без изменения ее исходного кода исключительно в целях ее функционирования на технических устройствах пользователя и обеспечения совместной работы с другими компьютерными программами, либо внести в компьютерную программу изменения в случае, если компьютерная программа была поставлена вместе с открытым исходным кодом и (или) такому лицу было предоставлено право на ее переработку, а также осуществлять действия, необходимые для функционирования такой программы в соответствии с ее назначением, в том числе запись и хранение в памяти компьютера (одного компьютера или одного пользователя компьютерной сети), если иное не предусмотрено договором с автором или иным правообладателем, при условии, что полученная при выполнении указанных действий информация не будет использоваться для создания других компьютерных программ, аналогичных адаптируемой, или для осуществления любого действия, нарушающего авторское право</p>
Гражданский Кодекс Республики Беларусь	Раздел V Интеллектуальная собственность	Глава 61. Авторское право и смежные права. Статья 993. Произведения, являющиеся объектами авторского права. В приведенном перечне компьютерные программы отнесены к объектам авторского права
Уголовный кодекс Республики Беларусь	Статья 201. Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности	Уголовная ответственность наступает за незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности
Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях	Статья 10.15. Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности	Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности

Также положения, касающиеся программного обеспечения закреплены в договоре ВОИС по авторскому праву [1], участником которого является Республика Беларусь, а также в ст. 10 Соглашения о коммерческих аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), подписанного в 1994 году странами-членами Всемирной торговой организации [2].

В практической деятельности всегда возникает вопрос о выборе способов и средств защиты разработанного объекта программного обеспечения, особенно для дальнейшей его коммерциализации. Одним из средств является регистрация КП в соответствующих организациях. Для этого нужно четко понимать те преимущества, которые получит правообладатель для защиты и использования принадлежащих ему прав наиболее полным образом. Прежде всего, это доказательство авторства на произведение. В случае спора суд признает лицо, зарегистрировавшим КП, его автором, если не будет доказано иное. Кроме того, регистрация КП может принести экономическую выгоду, т.к. возникает возможность передачи имущественных прав на КП третьим лицам на выгодных условиях.

Авторам программы, как и авторам любых объектов авторских прав, принадлежат два вида прав: личные неимущественные и имущественные права. Авторами являются физические лица, творческим трудом которых создано произведение, которым всегда принадлежат личные неимущественные права, неотделимые от личности автора. Что касается имущественных прав, то они могут принадлежать как физическому, так и юридическому лицу.

Основаниями принадлежности исключительного права на КП являются:

- собственно создание КП заявителем, вариант для физических лиц, потому, что произведение создается только автором;
- переход исключительного права на служебное произведение, т.е. если программа, создана работником в порядке выполнения обязанностей, обусловленных трудовым договором (в том числе по заданию нанимателя);
- переход исключительного права по договору, т.е. для правообладателей, которые получили права по условиям, например, договора уступки исключительного права;
- правопреемство в отношении исключительного права, т.е. при переходе прав по наследству или при реорганизации юридического лица.

В Республике Беларусь регистрация компьютерных программ осуществляется НЦИС добровольно по усмотрению автора или иного обладателя исключительного права на компьютерную программу (далее – правообладатель) в порядке оказания услуг правообладателям на основе представляемых ими сведений (материалов, подтверждающих создание компьютерной программы и принадлежность исключительного права на такую компьютерную программу конкретному лицу).

Достаточно большой интерес вызывает практика регистрации КП. В собственности Полоцкого государственного университета имеются компьютерные программы, которые созданы как инициативно, так и по служебному заданию сотрудниками университета. На одном из примеров можно рассмотреть этапы создания и регистрации программы. При выполнении хоздоговоров с промышленными предприятиями по диагностике оборудования при исследовании структуры металла возникла необходимость избежать ошибки человеческого фактора и тем самым повысить точность и достоверность результатов. Взаимодействие ученых в области машиностроения и информационных технологий привело к созданию КП «MGSoft - программное обеспечение для анализа изображений микроструктуры металлов». Адекватность полученных результатов была подтверждена успешным прохождением КП межлабораторными сличениями, проводимыми РУП «Белорусский государственный институт метрологии». Анализ возможных рынков спроса на этот продукт показал перспективность его коммерческой реализации. На этом основании было принято решение о регистрации, необходимые документы были направлены в НЦИС.

Осуществляемая НЦИС регистрация не является основанием или условием возникновения и осуществления авторского права на компьютерную программу и производится для целей дополнительного удостоверения факта существования компьютерной программы,

принадлежности авторского права и других фактических обстоятельств в объеме сведений, содержащихся в заявке на регистрацию компьютерной программы и прилагаемых к ней материалах [3].

Проведение процедуры по регистрации компьютерной программы предусматривало подачу заявки установленной формы, которая включала следующие сведения:

1. Описание компьютерной программы
2. Распечатка исходного текста компьютерной программы
3. Распечатки основных экранных форм.
4. Компьютерная программа в электронной форме на электронном носителе.
5. Копии трудовых договоров (контрактов) с авторами.
6. Копию должностных инструкций авторов.

В результате проверки документов заявленная компьютерная программа занесена в Реестр Национального центра интеллектуальной собственности, свидетельство № 1417 «MGSoft - программное обеспечение для анализа изображений микроструктуры металлов», правообладатель - учреждение образования «Полоцкий государственный университет». Материалы компьютерной программы депонируются в НЦИС в течение пятилетнего периода, с возможностью продления на тот же срок, и могут впоследствии быть использованы для подтверждения необходимых правообладателю обстоятельств.

Обобщенный опыт по регистрации КП и дальнейшему ее продвижению выявил следующие особенности.

1. При подготовке документов для регистрации КП следует обратить внимание:

- на название программы.

Варианты возможны как с аббревиатурой (MGSoft), так и с дополнительным текстом (MGSoft - программное обеспечение для анализа изображений микроструктуры металлов);

- на правильное указание заявителя.

Заявителем считается только правообладатель, даже если он работает через представителя. Иногда в качестве заявителя могут указывать именно представителя, что считается ошибкой.

- на правильное указание правообладателя.

В соответствии со статьёй 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» правообладателем считается физическое и (или) юридическое лицо, обладающее исключительным правом на объект авторского права или смежных прав в силу факта его создания, правопреемства, на основании заключенного договора или ином основании, определенном настоящим Законом. Иногда правообладателем указан филиал, который в соответствии с пунктом 3 статьи 51 Гражданского кодекса не является юридическим лицом, а значит, не может быть правообладателем по смыслу статьи 4 Закона «Об авторском праве и смежных правах». В таком случае правообладателем считается само юридическое лицо, а договор возмездного оказания услуг по регистрации компьютерной программы может подписать директор филиала по доверенности, выданной юридическим лицом;

- на правильное указание основания в разделе заявки «Основание принадлежности исключительного права на компьютерную программу»:

- а) если заявителем является автор программы, следует выбрать в соответствующем разделе «Создание компьютерной программы заявителем»;

- б) если заявителем является юридическое лицо, работники которого в соответствии с законодательством создали служебное произведение, следует выбрать «Переход исключительного права на служебное произведение». В соответствии со статьёй 4 Закона «Об авторском праве и смежных правах» служебным считается произведение науки, литературы,

искусства (его часть, имеющая самостоятельное значение), созданное автором по заданию нанимателя или в порядке выполнения обязанностей, обусловленных трудовым договором.

в) если заявителем является физическое или юридическое лицо, которые приобрели права на программу вследствие заключения гражданско-правового договора (например, в соответствии с Гражданским кодексом (договор уступки исключительного права, ст. 984¹), следует выбрать «Приобретение исключительного права по договору».

г) если заявитель получил права на программу в результате, например, реорганизации юридического лица или получения наследства, следует выбрать «Правопреемство (в т.ч. наследование) в отношении исключительного права».

– *на перечень прилагаемых документов.*

Перечень прилагаемых документов зависит от лица, которое заключает договор, и от основания принадлежности исключительного права.

2. Действующее законодательство Республики Беларусь обеспечивает простоту и доступность правовой охраны КП в связи с чем, все права возникают с момента создания КП, как объекта авторского права. Но даже введение регистрации КП не является надежным средством защиты. Объясняется это специфическими особенностями КП, где основным функциональным элементом является алгоритм, определяющий новизну, оригинальность и эффективность программы, но, несмотря на его первооснову, авторским правом он не охраняется. Учитывая многообразие языков программирования, можно беспрепятственно заимствовать разработанный алгоритм, создавая на его основе другие КП. Таким образом, авторское право защищает компьютерную программу лишь от незаконного копирования и распространения, а не от создания аналогичных программ, имеющих ту же направленность и выполняющих те же функциональные операции. В этом случае резко снижается коммерческая ценность объекта интеллектуальной собственности.

Проблемы правовой защиты КП рассматривались в отдельных работах. Авторами было предложено:

1. Для надежной правовой охраны как формы, так и содержания компьютерных программ, возможно использовать не только авторско-правовую охрану, но и охрану нормами патентного права, а также законодательства о коммерческой тайне и товарных знаках [4].

2. При регистрации КП в НЦИС заносить в реестр ее исходный код, а также внести изменения в процедуру регистрации, а именно, ввести проведение экспертизы КП на оригинальность и степень заимствования, и соответственно, урегулировании данной процедуры в законодательстве, что будет способствовать предупреждению преступлений и правонарушений в сфере авторских прав [5].

3. Внесение изменения в законодательство с целью исключения алгоритмов КП из числа объектов, не подпадающих под патентную защиту. В таком случае КП, как конкретное уникальное произведение, охраняется авторским правом, а ее алгоритм может охраняться патентом [6].

4. Ввести государственную регистрацию КП и баз данных с целью их идентификации и официального уведомления общественности о законных правах в отношении этих объектов [7].

5. Предлагается комплексный подход к защите прав на КП, а именно, кроме способа защиты КП как объекта авторского права, ввести использование патентной охраны как объекта промышленной собственности [8].

Таким образом, действующее в Республике Беларусь законодательство регулирует отношения, связанные с созданием, охраной и использованием компьютерных программ. Вместе с тем, заслуживает внимания вопрос о возможности внесения в законодательство

норм, которые бы выделили правовую охрану компьютерных программ в самостоятельный объект авторского права. Кроме того, считаем целесообразным проанализировать возможность охраны содержательной части компьютерных программ нормами патентного права для обеспечения полноты и эффективности защиты разработанных объектов программного обеспечения.

Представляется, что более эффективным следует считать кодификацию законодательства об интеллектуальной собственности, в рамках которой структурировать на уровне кодифицированного акта нормы о компьютерных программах. В качестве временного решения может быть предложен вариант, при котором рассматриваемые отношения будут регулироваться специальным некодифицированным законом, например, Законом «О компьютерных программах».

Список источников

1. Договор ВОИС по авторскому праву [Электронный ресурс]: заключен в г. Женева, 20 дек. 1996 г. // КонсультантПлюс: ТехнологияПроф / ООО «ЮрСпектр». – М., 2009.
2. Соглашение ТРИПС (Торговые аспекты прав интеллектуальной собственности) // Авторское право и смежные права. Законы, конвенции, договоры и соглашения : сб. материалов / под ред. С. А. Сударикова. – Минск, 1998. – С. 160–187.
3. Регистрация компьютерных программ [Электронный ресурс] // Нац. центр интеллект. собственности. – 2021. – Режим доступа: <https://нцис.бел/avtorskie-i-smezhnye-prava/registraciya-kompyuternyh-programm/>. – Дата доступа: 01.06.2021.
4. Дубицкий, В. М. Правовая охрана компьютерных программ: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] / В. М. Дубицкий. – Режим доступа : <http://center.gov.by/pravovaya-ohrana-kompyuternyh-programm-problemy-i-puti-ih-resheniya>. – Дата доступа: 16.08.2021.
5. Просолович, Д. И. Проблемы защиты компьютерных программ как объектов авторского права [Электронный ресурс] / Д. И. Просолович. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160415104338_Prosolovich.pdf. – Дата доступа: 19.08.2021.
6. Бригадин, Д. П. Особенности компьютерного программного обеспечения как объекта интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Д. П. Бригадин. – Режим доступа : http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160415104338_Prosolovich.pdf. – Дата доступа: 17.08.2021.
7. Боровская, Е. А. Правовая охрана компьютерных программ и баз данных / Е. А. Боровская [и др.]. – Минск : ТОППРИНТ, 2010. – 245 с.
8. Стовба, Е. О. компьютерной программе как объекте интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Е. Стовба. – Режим доступа: https://biz.ligazakon.net/ru/analitycs/195871_kompyuternye-programmy-i-ikh-registratsii-byt-ili-ne-byt. – Дата доступа: 26.08.2021.

Е.А. Боровская

**СТОИМОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
РЕАЛЬНАЯ ИЛИ ВИРТУАЛЬНАЯ?**

В статье раскрываются вопросы формирования стоимости на результаты инициативных научно-технических работ и особенности ее определения при материальной и электронной формах представления. Определены виды затрат, которые формируют первоначальную стоимость объектов интеллектуальной собственности как нематериальных активов организаций, а также раскрыты особенности определения отдельных видов затрат, включая косвенные затраты. В статье рассматривается стоимость такой категории, как экземпляр объекта интеллектуальной собственности, дается перечень затрат, формирующих его стоимость.

Развитие IT-технологий приносит в нашу жизнь комфорт и ускорение информационного обмена, которые формируют привычку создания электронных документов и обмена ими посредством сети Интернет. Мы нажимаем кнопку «Отправить» и документ улетает куда-то в невидимое и неведомое пространство. И многие из нас на вопрос: материально ли виртуальное пространство? – наверняка ответят: «Нет».

Улетающий в виртуальное пространство документ содержит сведения, знания, мысли, идеи, которые родились в сознании ученых, технологов, конструкторов, писателей, преподавателей и всех тех специалистов, результатом деятельности которых являются объекты интеллектуальной собственности (ОИС).

И если мы признаем электронную форму ОИС такой же реальной, как и печатную, то значит и стоимость объекта в электронной форме тоже должна быть реальной. Но из чего же она формируется?

Следует различать сведения, которые по своей сущности являются ОИС, то есть новыми произведениями или научно-техническими решениями, признаваемыми таковыми в соответствии с белорусским законодательством и международными актами, и сведения, которые являются рабочей информацией, не содержащей элементов творчества и новизны. Если экономический оборот первой группы объектов регулируется законодательством об интеллектуальной собственности и нематериальных активах, то вторая группа относится к рабочей (управленческой, производственной или технической) информации и затраты на ее создание включаются в текущие затраты организации. Речь идет о тех ОИС, которые создаются в ходе выполнения специалистами своих функциональных обязанностей, без заказа сторонней организации, так называемые инициативные объекты.

Инициативные ОИС создаются в разных целях:

А) Для использования в собственной деятельности.

Б) Для передачи другим лицам.

Оба варианта являются комплексными.

Вариант А:

Использование в собственной деятельности может подразумевать использование в процессе производства – как необходимую для производства продукции или оказания услуг документацию, в управлении – как новые методы обработки информации, организации производственной деятельности, рабочих мест, своеобразные решения внутренних финансово-экономических проблем и многое другое.

Новые решения могут быть представлены разными видами ОИС: изобретениями, секретами производства, компьютерными программами, базами данных, конструкторской документацией, произведениями и другими. Однако вид ОИС оказывает влияние на стоимость объекта только в части законодательно установленных платежей – патентных пошлин и платежей за регистрацию в НЦИС: для тех ОИС, для которых установлены обязательные платежи, их сумма увеличивает стоимость создаваемого объекта.

Базу стоимости объекта формируют другие затраты:

1. Оплата труда специалистов с начислениями.

Наиболее сложным в определении суммы заработной платы, принимаемой для определения стоимости объекта, является распределение рабочего времени между работой, результатом которой стал ОИС, и всей остальной выполненной специалистами работой. Неочевидность этого распределения приводит к тому, что каждый конкретный случай рассматривается как задача, которую необходимо решить только здесь и сейчас.

Решение такой задачи может базироваться на тех временных затратах (выраженных в часах, днях или в месяцах), которые совершает научно-технический персонал при выполнении аналогичной, а при ее отсутствии – схожей работы. Для этого необходимо установить условную единицу работы и рассчитать среднюю заработную плату специалиста, приходящуюся на выделенную единицу, а затем определить реальное время выполнения работы. Условность выполненных расчетов, безусловно, высока, но это лучше, чем отсутствие такого важного вида затрат, как заработная плата разработчиков.

2. Стоимость использованных сырья и материалов.

Весь спектр естественнонаучных и технических разработок требует отработки предлагаемых решений на опытных образцах. Совокупная сумма затрат, необходимых для создания и проведения испытаний первоначально предложенных вариантов решений, увеличивает стоимость самого решения, то есть ОИС. Величина этой суммы не нормируема в принципе и может достигать больших значений. В результате возникает вопрос: так все ли суммы можно включать в стоимость ОИС или все же следует установить ограничение? Ограничением может быть только возможность признания опытного образца объектом, пригодным для самостоятельной работы: либо в качестве объекта основных средств, либо в качестве готовой продукции, которую можно продать покупателям. Если таких вариантов использования не предвидится, то вся сумма затрат на изготовление опытных образцов и проведения на них отработки конечных решений увеличивает стоимость ОИС.

3. Амортизация используемого оборудования.

Вопрос отнесения сумм амортизационных отчислений оборудования, используемого при выполнении работ, результатом которых стали инициативные ОИС, методически схож с вопросом распределения затрат на оплату труда. Задача аналогичная: распределить общее время работы оборудования между временем, затраченным на создание и доработку ОИС, и временем, затраченным на другие объекты. В соответствии с распределенным временем осуществляется разделение суммы амортизационных отчислений. Единой методики выполнения такого разделения нет и быть не может, так как оборудование столь же специфично и во многих случаях уникально, как и специалисты, которые работают с ним.

Все перечисленные затраты создают основу стоимости. Возможна аналогия с термином «себестоимость», применяемым для обозначения базовой стоимости готовой продукции, работ или услуг. Только в отношении ОИС речь идет о первоначальной стоимости, по которой объект будут идентифицироваться как нематериальный актив.

Много дискуссионных вопросов возникает вокруг необходимости включать в первоначальную стоимость нематериального актива, созданного инициативно, затраты косвенного характера (то есть затраты, которые во многих калькуляциях значатся как накладные расходы).

Ответ на этот вопрос лежит в области учетной политики организации: если научно-техническая деятельность, проводимая в инициативном порядке, является видом деятельности, то косвенные расходы включаются в стоимость полученных результатов; если же инициативные работы являются побочными по отношению к основной деятельности, то нет.

Стоимость ОИС увеличивают затраты на доведение полученных результатов работ до возможности практического использования. Не всегда первоначальный вариант полученного результата является конечным, возможны его изменения и дополнения после проведенных апробаций и испытаний. Порой изменения и дополнения требуют времени и затрат не меньше, чем разработка первоначального варианта.

Также стоимость ОИС увеличивают затраты на патентные услуги, услуги по оценке их стоимости, консультационные услуги. Под патентными услугами понимаются услуги патентных поверенных по проведению патентного поиска и оформлению соответствующих документов. При этом патентные пошлины и платежи за регистрацию ОИС составляют отдельный вид затрат – это законодательно установленные затраты по подтверждению имущественных прав. В последнее десятилетие появился еще один вид платежей – это платежи, связанные с депонированием и регистрацией компьютерных программ, осуществляемые Национальным центром интеллектуальной собственности Республики Беларусь. И совсем новым видом услуг и, соответственно, платежей стали депонирование и регистрация секретов производства, осуществление которых взяла на себя Торгово-промышленная палата Республики Беларусь.

Рассмотренный перечень затрат формирует первоначальную стоимость объекта интеллектуальной собственности, а точнее – стоимость имущественных прав на него. И в какой форме представлено содержание объекта: печатной или электронной, - значения не имеет.

Форма документа играет роль при создании экземпляра ОИС, в основном это относится к компьютерным программам, базам данных и произведениям. Необходимо различать объект интеллектуальной собственности с установленными имущественными правами на него и экземпляр объекта, в котором отображается объект, но при этом он не является нематериальным активом.

Материальная форма экземпляра необходима в следующих основных ситуациях:

- при хранении экземпляра с целью его доступности разным специалистам, работающим с ним;
- при передаче экземпляра сторонним пользователям;
- при создании резервной копии.

Вторая ситуация соответствует варианту Б (по цели создания инициативных ОИС).

Вариант Б:

Идентификация документов с помощью электронной цифровой подписи еще не повсеместно укоренилась в нашей деловой практике, скорее сегодня можно говорить лишь о начале внедрения этого инструмента. Поэтому представление документов в печатном виде является незаменимым, электронный документ рассматривается как приложение к материальному.

Передача экземпляра ОИС может осуществляться как в рамках лицензионного договора, так и вне его.

При заключении лицензионного договора в центре внимания стоимость передаваемых имущественных прав, при этом стоимость экземпляра дополняет стоимость прав, за исключением случаев, когда передаваемых экземпляров больше одного и за них устанавливается отдельная плата. Такая ситуация характерна для комплексных договоров, сочетающих в себе элементы лицензионного договора и договора на продажу (передачу) экземпляров.

При продаже экземпляра как самостоятельного объекта стоимость имущественных прав на ОИС включается в стоимость экземпляра в качестве амортизационных отчислений от его первоначальной стоимости как объекта нематериальных активов.

Стоимость экземпляра формируется из затрат следующих видов:

1. Амортизационные отчисления от стоимости объекта нематериальных активов.
2. Сумма заработной платы специалистов, осуществляющих изготовление экземпляра, с начислениями.
3. Стоимость материального носителя, причем материальным носителем может являться как бумага, так и оборудование – диск, USB-флеш-накопитель.

При необходимости стоимость экземпляра можно представить в виде калькуляции, включив в нее сумму косвенных затрат организации, распределенную по нормам, принятым в организации. Однако определенная по такому правилу стоимость вряд ли будет высокой, наиболее значимой статьей затрат здесь будет амортизация нематериального актива, стоимость которого может оказаться достаточно большой, в следствие чего и сумма амортизационных отчислений тоже. Возможно существенное различие в сумме и по затратам на распечатку: если для того, чтобы распечатать документ на пару десятков страниц, нужны копейки, то распечатка объемной конструкторской документации составит весомую сумму. Можно констатировать, что стоимость электронного экземпляра ОИС будет отличаться от стоимости вещественного экземпляра на стоимость самого материального носителя.

Таким образом, электронная форма представления информации – всего лишь оболочка, в которую упакованы передаваемые сведения. Значит, стоимость будет иметь не сама оболочка, а заключенные в ней сведения.

Е.Д. Борулёва

**СОВРЕМЕННЫЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ ТРЕНД – ВИРТУАЛЬНАЯ ОДЕЖДА
КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

В данной научной работе автор рассуждает о возможности причислить к объектам интеллектуальной собственности такой товар, как виртуальная одежда. Рассмотрены аспекты правового регулирования и возможность закрепления данного объекта в законодательстве. В том числе приведены некоторые решения проблемы правового регулирования, связанные с рассматриваемым объектом.

В современных условиях развития социальных сетей, реализации жизнедеятельности посредством Instagram индустрия моды вышла на новый уровень – создание виртуальной одежды. Развитию моды в Интернете послужила, в первую очередь, ситуация ограничений, связанных с пандемией, – общество активно начало взаимодействовать с окружающими через социальные сети.

Сегодняшние возможности компьютерной графики и 3-D программы позволяют модной индустрии развивать новое дорогое направление диджитал-одежды. Первый показ цифровой коллекции скандинавского бренда Carlings «Carlings Launches Digital» был проведён агентством Virtue: он включал в себя блестящие пластиковые штаны, пуховики оверсайз – этот показ стал толчком для развития виртуальной одежды международными модными домами. Например, такие модные дома, как Peter Pilotto, Miss Sixty, Balmain, Versace и Balenciaga, уже провели свои первые показы цифровой женской и мужской одежды.

Представляем вашему вниманию пример виртуальной одежды (рисунок).

Рисунок. – Цифровая коллекция бренда Carlings «Carlings Launches Digital»

Первым же дизайнером цифровой одежды в России стала Регина Трубина, которая говорит о том, что диджитал-одежда выполняет функцию самопрезентации личности.

Популярность тренда цифровой одежды обусловлена не только новизной и необычностью, а также повлияет на всю модную индустрию: увеличение производства и его экологичность. Создание визуальной одежды предусматривает использование компьютерных

программ и распространение дизайна через соцсети, а воплощение в жизнь такого предмета одежды осуществляется с помощью 3-D принтера. Такое производство также говорит об экологичности при использовании материалов.

Виртуальная одежда стала новым популярным и дорогостоящим трендом, который активно развивается в модной индустрии. В связи с этим, встал вопрос о правовой основе данного понятия и правовом регулировании.

Законодательством Российской Федерации и иных стран не закреплено юридическое понятие цифровой одежды. Однако мы можем сказать, что виртуальная одежда или диджитал-одежда представляет собой 3D-изображение дизайна предметов гардероба, созданное автором при использовании специальных цифровых программ.

В связи с этим возникает вопрос правового регулирования такого объекта гражданского оборота. Можно ли признать виртуальную одежду объектом интеллектуальной собственности?

Чтобы ответить на данный важный вопрос, необходимо понять, чем является диджитал-одежда и являются ли её составляющие объектами авторского права.

Следует сказать, что виртуальная одежда представляет собой дизайн – творческую деятельность человека. Таким образом, виртуальной одежде как предмету дизайна присущи соответствующие особенности.

Во-первых, произведения дизайна – сумки, верхняя одежда, свитшоты, джинсы и т.д. – могут позиционироваться в качестве промышленного образца. Однако законодательством многих стран предусмотрена различная трактовка определения промышленного образца. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации даются только существенные признаки: «признаки, определяющие эстетические особенности внешнего вида изделия, в частности форма, конфигурация, орнамент, сочетание цветов, линий, контуры изделия, текстура или фактура материала изделия» [1].

Согласно Закону Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», под промышленным образцом понимается «художественное или художественно-конструкторское решение изделия, определяющее его внешний вид и являющееся новым и оригинальным» [2]. Общими в определениях является критерий новизны и оригинальности изделия, что становится возможным благодаря творческому труду.

Во-вторых, дизайн – это произведение определённого автора, что говорит о возникновении авторского права на такое творческое произведение, т.е. возникающие правоотношения относятся к отношениям в сфере права интеллектуальной собственности. Согласно статье 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации, произведения дизайна являются объектами авторского права, и соответственно защищаются этим правом от различного рода посягательств.

В силу отнесения виртуальной одежды к дизайну (объекту авторского права), стоит отметить права автора произведения или иного правообладателя, поскольку по гражданскому законодательству Российской Федерации они могут распоряжаться произведением по своему усмотрению в пределах закона, в том числе посредством публичного показа произведения и сообщения в эфире.

Таким образом, виртуальной одежде как произведению дизайна присущи особенности, с помощью которых мы можем говорить о создании интеллектуальной собственности и возникновении авторского права. Виртуальная одежда представляет собой итог творческой деятельности человека, что подчеркивает новизну и оригинальность каждого элемента диджитал-одежды.

При рассмотрении возникающих правоотношений и судебных споров, юристы должны обращать внимание именно на творческий элемент – дизайн того или иного визуального предмета гардероба, что позволит удостоверить авторство.

Следует отметить также использование цифровых технологий при создании виртуальной одежды. Дизайнеры модной индустрии и дома моды используют специальные 3-D программы для создания дизайна любых предметов гардероба. В модную индустрию давно вошла практика использование 3-D моделей и графики при создании одежды в натуре. Свои полномочия дизайнеры осуществляют в полной мере – предусмотрена сохранность персональных данных, регулирование отношений в сфере публикации информации в сети.

Правовое регулирование в сфере виртуальной одежды особенно актуально при ведении соответствующего тематики модного бренда аккаунта в соцсетях, сейчас масштабное развитие происходит именно в Instagram. Это обусловлено возможностью защитить свои исключительные права не только на контент аккаунта, но и содержимое фотографии и текста – для модных домов это дизайн предметов гардероба.

Таким образом, распространяя дизайн виртуальной одежды в Интернете и соцсетях, автор или дом моды имеет возможность защитить свой дизайн при оговорке запрета распространения контента в Интернете, что также регламентировано законодательством, как сохранность элементов контента в социальных сетях. К тому же, как в Российской Федерации, так и в других странах, суды имеют достаточно обширную практику рассмотрения споров, касающиеся посягательства на авторские права в Интернете, а также выработали и используют коллизионную привязку *lex loci delicti commissi*, которая также применима при неправомерном распространении и использовании виртуальной одежды. Из этого следует, что на предметы цифровой одежды при их рекламе в интернете распространяются цифровые и авторские права.

Принимая во внимание вышеизложенные доводы, мы можем говорить, что виртуальная одежда – это объект интеллектуальной собственности, поскольку ей присущи индивидуальность дизайна, творческий подход автора и новизна. Особенности виртуальной одежды схожи со сложившимися в правовой практике отличительными чертами дизайна предметов гардероба и цифровой графики. Можно даже утверждать, что правовые признаки виртуальной одежды являются синтезом правовых признаков дизайна и цифровой графики.

Законодателем, в том числе в международных правовых актах, должно быть урегулировано понятие «виртуальной одежды» либо должна быть оговорка существования такого объекта интеллектуальной собственности. Если мы говорим про российское законодательство, то в статью 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» необходимо включить виртуальную одежду как результат интеллектуальной деятельности.

Мы предлагаем внести данное определение в соответствующее законодательство: виртуальной одеждой признается результат творческой деятельности человека, созданный при использовании 3D цифровых программ для воплощения дизайна в визуальной и материальной среде.

Также для эффективной реализации правового регулирования правоотношений в данной сфере, необходимо качественно обозначить правовые аспекты при конструировании диджитал-одежды и перенесения ее из компьютерной среды в материальную, что также способствует большему внедрению и предупреждению возможных судебных споров.

Список источников

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. ст. 5496.
2. Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» № 160-03 от 16 декабря 2002 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: Закон РБ О патентах Закон Республики Беларусь О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы от 16 декабря 2002 г. № 160-3 - Законодательство Беларуси 2021 год (kodeksy-by.com).

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ
КАК ОСОБОГО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ПРОЕКТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

В свете разработки проекта новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан разработаны новые определения понятий, регулирующих нематериальные блага: результатов интеллектуальной деятельности, служебной и коммерческой тайны, личных неимущественных прав. Так же рассмотрены вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации, осуществления и защиты личных неимущественных прав граждан, а также перспектив развития и совершенствования этих прав в законодательстве Республики Узбекистан. Определено, что права, относимые к нематериальным объектам, представляющим собой результаты интеллектуальной, творческой деятельности определены в структуре гражданского права так как имеют определенную имущественную ценность. Рассмотрены признаки служебной и коммерческой тайны как разновидностей нематериальных благ, а также особого вида объекта гражданских прав - информации. Проанализированы такие личные неимущественные права и нематериальные блага как жизнь и здоровье, честь и достоинство личности, личная неприкосновенность, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, частная и семейная тайна, право на имя, право на изображение, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

В Республике Узбекистан правовому регулированию нематериальных благ уделено должное внимание. Правовое регулирование этого специфического объекта гражданского права закреплено нормами Гражданского кодекса Республики Узбекистан, в главе 8 «Нематериальные блага» которого определено правовое регулирование результатов интеллектуальной деятельности (статья 97), служебной и коммерческой тайны (статья 98), личных неимущественных прав и других нематериальных благ (статья 99), защиты чести, достоинства и деловой репутации (статья 100) [1]. Правовому регулированию отношений, связанных с нематериальными благами, посвящены и нормы ряда специальных законов.

Но в системе актов гражданского законодательства Республики Узбекистан основное место уделено Гражданскому кодексу, являющемуся кодифицированным законом, определяющим важные принципы и правила гражданско-правового регулирования общественных отношений, определяющим правовую основу для развития и функционирования рыночной экономики в стране. Проведенный анализ хода реализации экономических реформ позволил выявить в Гражданском кодексе Республики Узбекистан существенные недостатки и пробелы, которые негативно отражаются на дальнейшем углублении рыночных реформ, формировании благоприятного инвестиционного климата и деловой среды, улучшении позиции страны в международных рейтингах.

В целях модернизации гражданского законодательства в соответствии с принципами рыночной экономики и международными стандартами, формирования современной гражданско-правовой основы для дальнейшего углубления экономических реформ и развития рыночной экономики в стране, а также во исполнение задач, определенных в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах была принято Распоряжение Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан», в Приложении № 1 к распоряжению Президента Республики Узбекистан от 5 апреля 2019 года № Р-5464

была сформулирована Концепция совершенствования гражданского законодательства Республики Узбекистан [2], в которой определены основные приоритетные направления дальнейшего совершенствования гражданского законодательства Республики Узбекистан, которыми являются систематизация и унификация норм гражданского законодательства, обеспечение их гармонизации с лучшими зарубежными практиками, а также имплементация передовых международных стандартов в данной сфере; установление эффективных гражданско-правовых механизмов обеспечения гарантий неприкосновенности частной собственности, защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, особенно предпринимателей; четкое разграничение норм публичного и гражданского права, исключение устаревших, утративших свою значимость положений, основанных на командно-распорядительных принципах управления экономикой; обеспечение правового регулирования современных гражданско-правовых институтов и форм экономических отношений.

В соответствии с Распоряжением Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан» была образована Межведомственная комиссия по совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан, а также рабочие группы по совершенствованию гражданского законодательства из числа ведущих специалистов в области гражданского права. В одну из таких групп был привлечен профессорско-преподавательский состав кафедры «Гражданское право» Ташкентского государственного юридического университета и поручена работа над предложениями для проекта новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан по подразделу 3 «Объекты», включающего главу 6 «Общие положения», главу 7 «Материальные блага» и главу 8 «Нематериальные блага».

Для разработки предложений новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан по подразделу 3 «Объекты» главы 8 «Нематериальные блага» бы проведен анализ норм гражданского законодательства, регулирующего аналогичные отношения, Модельного гражданского кодекса стран СНГ, Российской Федерации, Республики Казахстан, Украины и других стран содружества. Такой анализ позволил сформулировать оптимальные предложения по совершенствованию норм главы 8 «Нематериальные блага» проекта новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан. Такие предложения включают следующие моменты.

Первое. В статье 97 «Результаты интеллектуальной деятельности» Гражданского кодекса Республики Узбекистан определено, что в случаях и в порядке, установленных настоящим Кодексом и иными законами, признается исключительное право гражданина или юридического лица на объективно выраженные результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, продукции физического или юридического лица, выполняемых ими работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и т. п.).

Использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые являются объектом исключительных прав, может осуществляться третьими лицами только с разрешения правообладателя.

Данную статью целесообразно дополнить следующим положением «Результаты интеллектуальной деятельности и прочие объекты права интеллектуальной собственности создают гражданские права и обязанности в соответствии с нормами Гражданского Кодекса и других законов». Это объясняется тем, что в соответствии со статьей 3 раздела I. «Унификация и систематизация гражданского законодательства» Концепции предусматривается совершенствование норм, допускающих различное применение на практике, поэтому необходимо определить, что нормы ГК не являются исчерпывающими при регулировании результатов интеллектуальной деятельности и прочих объектов права интеллектуальной собственности, которые создают гражданские права и обязанности так же и в соответствии с нормами основных законов в области интеллектуальной собственности.

Второе. В статье 99 «Личные неимущественные права и другие нематериальные блага» Гражданского кодекса Республики Узбекистан не дано определение таких нематериальных благ как неприкосновенность жилища, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства. Поэтому целесообразно включение указанных видов нематериальных благ в часть 1 статьи 99 Гражданского кодекса Республики Узбекистан и изложить ее в следующей редакции: «Жизнь и здоровье, честь и достоинство личности, личная неприкосновенность, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, частная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, право на имя, право на изображение, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, не отчуждаемы и не передаваемы иным способом».

Включить в указанную статью часть вторую, в которой определить, что «Личные неимущественные права и другие нематериальные блага защищаются в случаях, в соответствии и в порядке, предусмотренных настоящим Кодексом и другими законами, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 11) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения.

Это объясняется тем, что в соответствии со статьей 3 раздела I «Унификация и систематизация гражданского законодательства» Концепции предусматривается совершенствование норм, допускающих различное толкование либо требующих разъяснения по вопросам их применения на практике, поэтому целесообразно дополнить перечень личных неимущественных прав и других нематериальных благ, а также и тем, что в соответствии со статьей 5 раздела I «Унификация и систематизация гражданского законодательства» Концепции предусматривается устранение правовых пробелов в гражданском законодательстве, препятствующих эффективной защите прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, поэтому целесообразно включить положение, предусматривающее случаи, способы защиты и последствия нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ.

Третье. Дополнить новую редакцию Гражданского Кодекса Республики Узбекистан статьей 100-1 «Право на охрану тайны личной жизни», в которой определить следующие положения. «1. Гражданин имеет право на охрану тайны личной жизни, в том числе тайны переписки, телефонных переговоров, дневников, записок, частной жизни, усыновления (удочерения), рождения, врачебной, адвокатской тайны, тайны банковских вкладов. 2. Раскрытие тайны личной жизни возможно лишь в случаях, установленных законодательством. 3. Если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. 4. Не являются нарушением сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле. 5. Стороны обязательства не вправе разглашать ставшую известной им при возникновении и (или) исполнении обязательства информацию о частной жизни гражданина, являющегося стороной или третьим лицом в данном обязательстве, если соглашением не предусмотрена возможность такого разглашения информации о сторонах. 6. Неправомерным распространением полученной с нарушением закона информации о частной жизни гражданина считается, в частности, ее использование при создании произведений науки, литературы и искусства, если такое использование нарушает интересы гражданина. 7. В случаях,

когда информация о частной жизни гражданина, полученная с нарушением закона, содержится в документах, видеозаписях или на иных материальных носителях, гражданин вправе обратиться в суд с требованием об удалении соответствующей информации, а также о пресечении или запрещении дальнейшего ее распространения путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих соответствующую информацию, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно. 8. Право требовать защиты частной жизни гражданина в случае его смерти имеют дети, родители или переживший супруг такого гражданина».

Это целесообразно сделать, так как в соответствии со статьей 5 раздела I «Унификация и систематизация гражданского законодательства» Концепции предусматривается устранение правовых пробелов и коллизий в гражданском законодательстве, препятствующих эффективной защите прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, поэтому целесообразно дополнить ГК: положениями, регулирующими право на охрану тайны личной жизни, которые отсутствуют в ГК; понятием, определяющим, что входит в личную жизнь; положениями, регулирующими тайну личной жизни, а так же сбор, хранение, распространение и использование любой информации о частной жизни гражданина без его согласия, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни; перечнем случаев, связанных с распространением полученной с нарушением закона информации о частной жизни гражданина, а так же их правовые последствия; гарантий права требовать защиты частной жизни гражданина в случае его смерти детьми, родителями или пережившим супругом такого гражданина.

Разработка и принятие новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан, совершенствование норм гражданского законодательства в области регулирования нематериальных благ будет способствовать созданию правовых основ дальнейшей либерализации рыночной экономики; улучшению деловой среды и инвестиционного климата; повышению позиций страны в международных рейтингах; решению иных задач, определенных в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. № 163-1[Электронный ресурс]. – в ред. от 24.05.2019 г. № 03/19/542/317/ Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (www.lex.uz). – Режим доступа: <http://www.lex.uz/acts/111181>. – Дата доступа: 15.05.2021 г., № 03/20/602/0052.
2. Распоряжение Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан» от 5 апреля 2019 г., № Р-5464. Приложение № 1 к распоряжению Президента Республики Узбекистан от 5 апреля 2019 года № Р-5464 Концепция совершенствования гражданского законодательства Республики Узбекистан. Национальная база данных законодательства, 06.04.2019 г., № 08/19/5464/2891.

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В INSTAGRAM ДЛЯ КОММЕРЧЕСКИХ СТРАНИЦ

Социальные сети стали частью нашей жизни. Они теперь не только инструмент для общения, но и механизм для создания или продвижения бизнеса. Их значимость повышается с каждым их нововведением. Они охватили все секторы торговли. Instagram стал хорошей площадкой для запуска бизнеса. В данной статье рассматривается защита авторских прав в Instagram для владельцев коммерческих страниц. Автором приводятся способы защиты авторских прав в Instagram. Также даются рекомендации, когда можно публиковать чужой контент и указаны варианты, по которым можно взыскать с нарушителя компенсацию за нарушение авторского права.

На сегодняшний день такая платформа, как Instagram (Инстаграм) набирает большие обороты. С повышением роли данной социальной сети в жизни человека, возникает потребность правового регулирования такого рода отношений. Особенно это стало заметно из-за ситуации сложившейся во время пандемии Covid-19. Для продвижения проектов люди стали переходить на электронную площадку, используя бизнес аккаунты Instagram. Социальная сеть стала хорошей платформой для получения прибыли, хотя изначально это не являлось целью создания. Почему в нормативных актах коммерческие страницы в Инстаграм не закрепляются как объект интеллектуальной собственности? Можно ли вообще признать страницу в Instagram интеллектуальной собственностью? Объекты интеллектуальной собственности раскрыты в статье 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии со данной статьей «объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства», применительно к Instagram – тексты постов, фотографии, видео и музыка, использованная в видеороликах. Создавая страницу в этой социальной сети люди создают контент, который является их «произведением искусства». Выстраивая ленту, создавая фотографии для профиля, различные съемки, написание постов все это можно назвать производением искусства. В целях поиска потенциальных клиентов и повышения лояльности существующих клиентов интернет-компании, большое количество денежных средств вкладывают в развитие Instagram страницы: контент, реклама, ведение аккаунта, оплата за работу специалистов. Ведение блога компании уже выделилось в отдельное направление маркетинговой деятельности (social media marketing – SMM) [1]. Интеллектуальное право автора в Российской Федерации распространяется на все сферы творческой деятельности человека, туда входят как профессиональные, так и любительские виды деятельности.

Как и в любом бизнесе, будь то онлайн продажи или офлайн, бывают правонарушения. С использованием сети Instagram происходит плагиат, незаконная торговля объектами прав интеллектуальной собственности, торговля контрафактной продукцией через интернет-магазины. Это проблемы, с которыми старается бороться Инстаграм. За период всемирного карантина было заблокировано множество коммерческих аккаунтов, которые занимались онлайн продажами реплик различных брендов. Одна из проблем, которая бьет по правам брендов, – это низкий уровень юридической грамотности пользователей социальных сетей, а также тех, кто пытается строить с их помощью свой бизнес. Также множество нарушений в использовании музыкального произведения в видео, которое опубликовано на странице, даже если оно приобретено с iTunes, такое использование будет считаться нарушением. Согласно Условиям использования и Руководству сообщества Instagram разрешается размещение только того контента, который не нарушает права на интеллектуальную собственность других лиц. Instagram дает такой совет: «Лучший способ оставаться уверенным, что

контент, который вы публикуете в Instagram, не нарушает закон об авторском праве, – публиковать контент, созданный вами». Есть также определенные случаи, когда можно публиковать чужой контент:

1. Перед публикацией произведения в Instagram рекомендуется получить письменное разрешение от автора.
2. Также можно использовать чьи-то материалы в Instagram, если получили на это разрешение, например лицензию.
3. Можно использовать чужой контент, если он является объектом общественного достояния, на него распространяются принципы добросовестного использования или иное исключение из закона об авторском праве.

Следует отметить, что Instagram заинтересован в защите интеллектуальной собственности, это четко прописано в Условиях использования и в Руководстве сообщества Instagram. Данная сеть заинтересована в том, чтобы помогать пользователям и организациям защищать их права на интеллектуальную собственность. Условия использования Instagram не допускают размещения материалов, нарушающих права на интеллектуальную собственность третьих лиц, включая авторские права и товарные знаки. Это значит, что при выявлении случаев продажи контрафакта и неправомерного использования интеллектуальной собственности нужно оповещать об этом администрацию соцсети – для этого в Instagram есть специальная форма. Также дается определение контрафакта – это несанкционированная имитация или воспроизведение продукта с товарным знаком первоначального владельца прав. Эти продукты создаются для введения в заблуждение относительно источника, спонсорства и связи продуктов с целью получения коммерческой выгоды от репутации владельца товарного знака [2]. Инстаграм со своей стороны старается проводить все меры для борьбы с правонарушителями и защитить авторские права коммерческих страниц. Какими актами защищены владельцы авторских прав? Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) статьи 1484 п. 3 «Никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения.» [3]

За незаконное использование товарного знака законодательством предусмотрена гражданская (ст.1515 ГК РФ), административная (ст.14.10 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 180 УК РФ). Также, нарушителю может грозить штраф до 1 млн. руб. и даже лишение свободы сроком до шести лет, а также другие виды наказания (ч. 3 ст.180 УК РФ). Многие пользователи забывают, что Гражданский кодекс Российской Федерации гласит: «отсутствие запрета не считается согласием» [4], размещение любых результатов интеллектуальной деятельности в открытых источниках совершенно не означает, что такой результат можно использовать, интеллектуальная собственность отдельного пользователя в любом случае находится под защитой закона [5].

Как защитить авторские права коммерческим страницам? Здесь возможно три пути решения проблемы: первый способ – досудебное урегулирование конфликта, второй – написать жалобу в Instagram и ждать ответа, и третий – судебное разбирательство. Выбрав первый путь, для начала следует написать нарушителю права письмо-претензию. Можно написать в Direct Instagram или использовать другие методы для связи, если они указаны на странице у правонарушителя. Третий путь достаточно сложный, для начала нужно будет зафиксировать нарушение, обратиться в суд за возмещением убытков, а также в полицию для привлечения к уголовной ответственности, если нанесен ущерб в крупном или особо крупном размере. Одно из быстрых решений – это второй путь, то есть написать в Instagram. Администрация Instagram может принять решение об удалении аккаунта, что значительно

может повлиять на пользователя с большим количеством подписчиков. Существует более мягкая альтернатива – изъятие противоправного контента из доступа. Устранить нарушения в любом случае можно, ведь Instagram заинтересован в том, чтобы ничьи права не были нарушены.

На практике же, когда решить конфликт в досудебном порядке не удастся, дело доходит до суда. Большинство случаев, когда иски получают владельцы страниц при продаже кондитерских изделий с изображением героев популярных мультфильмов. Так многие российские пекари-предприниматели получили иски о нарушении авторского права. Они осуществляли незаконную продажу тортов с изображением. Договоры с правообладателями они не заключали. Много на заказах тортов не заработаешь, чтоб потом покрывать суммы, которые установит суд. Так же происходит торговля контрафактными изделиями, обычно у правообладателей есть представители – юридические компании, которые работают по доверенности. В Instagram же у компаний есть свои менеджеры, которые «ловят» злоумышленников, проводят нотариальный осмотр сайта. А далее либо блокируют страницу, либо обращаются в суд.

Хочется отметить, тот факт, что право авторства нужно доказывать. Пока существует три возможных варианта, по которым можно взыскать с нарушителя компенсацию:

1. Взыскать все причиненные убытки, если их размер можно доказать;
2. Взыскать двойную стоимость использования ваших изображений;
3. Взыскать фиксированную компенсацию от 10 тысяч рублей до 5 миллионов рублей за каждое нарушение (за каждую фотографию на чужом сайте).

Instagram, как социальная сеть, создает все возможные условия для защиты авторских прав правообладателей. Однако не одна сеть, не один юрист не будет заинтересован в защите авторских прав, если в этом вы сами не будете заинтересованы.

В качестве рекомендаций в целях будущей успешной защиты своих прав можно предложить следующие превентивные меры:

1. иметь свидетельство на товарный знак, ведь вкладываются большие деньги в развитие бренда, контента;
2. фиксировать документально и учитывать все расходы на создание страницы;
3. предпринимателям же не вести бизнес с недобросовестными поставщиками контрафакта. Также следует на законодательном уровне установить, что к ответственности должны привлекаться также те лица, которые поставляют контрафактные товары.

Данные советы смогут помочь в доказывании своей правоты. Даже при добросовестном использовании социальной сети, ваши права могут нарушить. Однако Instagram заинтересован в защите интеллектуальной собственности. Это подтверждается различными механизмами блокировок публикаций и видео, данное нововведение очень активно работает и весьма успешно. В эпоху технологий, информационное право следует развивать, ведь в российском законодательстве отсутствует специальный раздел о применении авторского права в цифровую эпоху. Нужно внедрять в киберпространство законы. Для того чтобы обеспечить защиту авторских прав в достаточной мере, необходимо применять целый комплекс мер, в которые включаются не только правовая защита, но и программная или техническая защита. Не стоит забывать, что любая сеть существует не только в мире Интернета, но и в так называемом «юридическом мире», которые отличаются друг от друга.

Список источников

1. Митягин К.С. Правовая природа страницы социальной сети. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5.

2. Руководство сообщества / Справочный центр Instagram. URL: <https://help.instagram.com/> (дата обращения: 03.10.2021).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. 08.12.2006 // СЗ РФ. 2006. Ст. 1484.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. 08.12.2006 // СЗ РФ. 2006. Ст. 1484.
5. Витюкова А.О. Проблемы существования авторского права в социальной сети «ВКонтакте». // Вопросы Российской Юстиции. 2019. № 3. С. 327.

С.А. Горшкова

**ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ
В СРАВНЕНИИ С ОПЫТОМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Интеллектуальная собственность (IP) относится к творениям разума, таким как изобретения, литературные и художественные произведения и так далее, используемые в коммерческой деятельности. Видеоигры быстро становятся одним из самых популярных средств массовой информации. В скором будущем рынок видеоигр существенно вырастет в разы, так как подобные игры уже были затронуты в качестве образовательных процессов. При этом, правовая база для защиты видеоигр становится все больше и больше. В этой статье рассматривается ряд аспектов права интеллектуальной собственности, защита прав в цифровых видеоиграх и примеры защиты интеллектуальных прав в области виртуальных объектов на примере опыта зарубежных стран. Помимо этого, было проведено сравнение законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, на примере которых видны различия и пробелы в законодательстве нашей страны.

В настоящий момент, информационные технологии широко развиваются и становятся все более популярными, в том числе популярность приобретают и компьютерные игры, такие как PUBG Mobile, CSGO и SIMS. В сети Интернет буквально на каждом шагу можно встретить рекламу данных игр, но регулирование этой сферы интеллектуального права оставляет желать лучшего, ведь нарушить права в виртуальном мире достаточно просто. По мере того, как виртуальная реальность становится все более распространенной, в области права интеллектуальной собственности начинают возникать новые проблемы.

Виртуальная реальность – это искусственная виртуальная среда, созданная с помощью программного обеспечения. Именно такое определение дают Джованни Казуччи и Серена Спадавеккья в своей статье [1].

Казалось бы, виртуальная реальность – это еще одна новая технология, требующая разработки новых технических решений, а не новые правовые подходы к его регулированию, но есть ряд причин, по которым это не так. Следует подчеркнуть, что с каждым годом такие технологии становятся все более реалистичными. 3D пространство в специальных шлемах виртуальной реальности становится лучше спроектированы и более четко очерчены, в то время как костюмы обратной связи становятся более изысканными, так как имитируют прикосновения к телу. 4 D Большой реализм может сделать виртуальную реальность более привлекательной для широкой аудитории буквально в любой отрасли. Самые последние разработки технологий могут даже имитировать реалистичный половой акт, с имитацией физического контакта для пользователей, находящихся в разных частях мира.

Особенность виртуальных объектов, о которой также следует помнить, - это низкая безопасность гаджетов виртуальной реальности и программное обеспечение в контексте их кибер-уязвимости. Согласно исследованиям некоторых ученых, большинство популярных гаджетов имеют низкий или средний уровень защиты от кибер-угроз, чего явно недостаточно для защиты человеческого мозга и психики против «взлома», который может нанести непоправимый ущерб не только репутации человека, но и его жизни в целом (разрушить круг друзей, самооценку человека и т.д.).

Эксперты по безопасности без труда взломали популярное приложение, предназначенное для деловых и личных встреч в виртуальной реальности, где они могли добавлять себя в любую комнату (даже частную), виртуального пространства и отправлять им вредоносные приложения среди прочего [2].

Таким образом, виртуальная реальность – это эффективный способ проецирования воздействия на человеческое сознание и подсознание, которое может стать доступным для хакеров, кибер-сил иностранных правительств, а также производителей программного и аппаратного обеспечения.

Виртуальные объекты, по своей природе, являются копией реальных предметов или совершенно новым предметом. Такая реальность помещает пользователей в среду, имитирующую внешний вид, звук и ощущения реального мира [3]. Просто надев специальное оборудование виртуальной реальности, например, очки, пользователь может погрузиться в созданный компьютером трехмерный мир. Такие предметы виртуальных миров могут существовать только в формате этих самых виртуальных миров, в частности, в формате многопользовательских онлайн-игр. Закрепления в законодательстве конкретного термина «виртуальный объект» нет, но существует закон N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором говорится о регулировании отношений в сфере информационных технологий. Например, игроки могут купить за указанную сумму денег определенный донат, который впоследствии реально будет применить в игре для удовлетворения потребностей игрока. Так как вся игровая платформа создана с использованием творческого подхода, то и все объекты, находящиеся на ней, являются итогом творческой деятельности человека: все-таки все объекты в виртуальном мире были изначально нарисованы рукой человека.

Исследователь, К.Е. Коган считает, что максимально приближенным к практике является подход, по которому виртуальные объекты приравниваются к уже нормативно закреплённым объектам, например, базам данных или программному обеспечению для ЭВМ, т.е. правовой режим их устанавливается методом аналогии права [4].

Если же возникают споры касательно вопроса о посягательствах на нематериальное благо, то можно использовать статьи 1251 Гражданского кодекса Российской Федерации («защита личных неимущественных прав»), в которой говорится о возможности восстановления положения, путем признания права, в случае нарушения личных неимущественных прав, где также предусмотрена защита чести, достоинства и деловой репутации автора произведения виртуальной реальности [5].

Можно использовать еще и статью 1252 («защита исключительных прав»), которая подробно рассказывает о пути предъявления иска, о порядке обеспечения этого самого иска и о конкретных случаях возможного нарушения интеллектуального права [6].

Если идет разбирательство касательно изображения граждан, то данное дело будет переквалифицировано по части уже авторских прав.

Лишь некоторая часть игр позволяет игрокам свободно покупать, обменивать и продавать виртуальную собственность, но остальная часть – такого не предусматривает, то есть игроки не получают никаких юридических прав собственности на виртуальную собственность в обмен на свои деньги. Согласно Гражданскому кодексу, а именно – статье 128 (объекты гражданских прав), объектами гражданских прав могут быть имущественные права (включая, цифровые права). Данная статья дает закрытый перечень объектов, проведя анализ, мы можем сделать вывод о причастности виртуальных объектов к данной статье, выраженных в термине «цифровые права».

Статья 1225 («охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации») Гражданского кодекса, говорит об имеющихся неимущественных и интеллектуальных правах пользователей онлайн платформ, которые могут существовать и применяться в отношении охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, а также средств индивидуализации.

Применение положений об играх и пари — это один из главных подходов к решению судебных дел по вопросам виртуальных объектов в отечественной судебной практике. В соответствии с пунктом 1 статьи 1062 ГК РФ требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением требований лиц, принявших участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари, а также требований, указанных в пункте 5 статьи 1063 настоящего Кодекса.

Однако, термин, который может быть применим к объектам виртуальной реальности, - компьютерной информации регулируется соответствующими нормативными и правовыми актами. В соответствии с содержанием статьи 272 УК РФ, под «компьютерной информацией» следует понимать данные, которые представлены в виде электронных сигналов, вне зависимости от средств и способов хранения, поиска и передачи.

Не стало исключением и право: в Европейских странах уже давно идет внедрение компьютерных технологий в профессию юрист – замена бумажных документов электронными версиями (вместо листов А4 становится актуальным использование планшетов). Если говорить о внедрении искусственного интеллекта с виртуальной реальностью в право, то вот яркий пример: Эстония на основе искусственного интеллекта планирует создать «судью-робота», который занимался бы рассмотрением мелких споров. К тому же, известный футуролог Раймонд Курцвейл прогнозирует, что уже к 2029 году уровень развития искусственного интеллекта будет примерно равен человеческому, что позволит составить еще более точную картинку виртуальных объектов, возможно, даже создать «скелет» человека в виртуальной реальности, который мог бы спокойно мыслить или проявлять иные признаки, присущие человеку.

Интересен опыт европейских стран. Сроки наказания в Великобритании за информационные преступления вполне сопоставимы с санкциями гл. 28 УК РФ, то есть лишение свободы сроком до 5 лет. В 2006 г. в Великобритании был принят The Police and Justice Act, в котором увеличивается максимальный срок тюремного заключения за правонарушения, связанные с несанкционированными действиями, умышленно или по неосторожности препятствующими нормальной работе компьютера. Максимальное наказание по данной статье - до 10 лет тюремного заключения.

«Права на виртуальные предметы часто изложены в расширенных условиях лицензии для конечных пользователей, которые некоторые игроки не обязательно будут читать заранее», - сказал представитель TIGA в своем заявлении [7]. Под конечным пользователем в сети обычно понимают лицо, которое в конечном итоге использует продукт или намерено его использовать. При этом важно заметить, разработчики скорее всего не захотят рисковать, удаляя виртуальную собственность игроков.

Безусловно, достаточно часто возникают споры по данному вопросу. Так, например, по поводу программного обеспечения Take-Two Interactive подали иск в суд касательно добросовестного использования татуировок баскетболистов из команды NBA 2K. Данное разбирательство закончилось тем, что использование татуировок компанией Take-Two является минимальной частью видеоигры, это было разрешено, и это представляет собой добросовестное использование. И скорее всего, таких споров станет еще больше, если

законодательство будет стоять на месте. Как говорил Джейкобс Фонд – «я думаю, что в течение следующего десятилетия мы увидим экспоненциальный рост торговли виртуальными товарами» [8].

Благодаря виртуальной реальности пользователи погружаются почти в реалистичный опыт, аналогичный реальному, пропадает некое ощущение того, где границы реальности и виртуальных объектов. Поскольку виртуальная реальность продолжает развиваться, следует не только с осторожностью использовать интеллектуальную собственность, принадлежащую другим, но и знать свои права и обязанности как обладателя интеллектуальным объектом. И поскольку цифровое пространство является самой инновационной и стремительно развивающейся средой, то безопасность пользователей, свобода выражения, защита авторских и интеллектуальных прав, требует активного, на данный момент, законодательного регулирования.

Быстрое формирование технологий никак не могло не сказаться на образовательной среде. Также несмотря на это технологические процессы виртуальной реальности уже не считаются чем-то новым и инновационным, в сфере воспитания их начали использовать сравнительно не так давно. Они позволяют создать среду, которая воспринимается человеком через органы ощущения. Фактически, такие технологии позволяют смоделировать комфортные условия для получения новых знаний, а особенно – для обучения детей, подростков и молодежи. За обучающегося никто не размышляет, он сам переосмысливает всю воспринимаемую информацию. Самым ярким примером можно считать издательство Tokyo Shoseki и их серию учебников английского языка, и мобильное приложение, которое поддерживает дополненную реальность на смартфоне [9]. Компания предлагает по-новому взглянуть на привычный мир обучения и не списывать со счетов старые книжки, объединив привычные вещи и современные технологии. Основная суть данных учебников: если непонятна информация, можно навести смартфон и получить пояснение (чтобы услышать диалог), а для более комфортного и продуктивного изучения есть возможность поговорить с вымышленными персонажами в виртуальной реальности. Однако и в данной сфере законодательство не развито. Глядя на данный пример, можно сделать вывод, что имеются все предпосылки для признания виртуальных объектов самостоятельными объектами гражданских прав. Целесообразно обратиться к теоретическим характеристикам объектов гражданского оборота. С.С. Алексеев давал следующую дефиницию объекта прав: «Предметы материального и духовного мира, т.е., иными словами, разнообразные материальные и нематериальные блага, способные удовлетворять потребности субъектов» [10]. Кроме того, допустимо говорить о потенциальной возможности юридической привязки, выражающейся в возможности закрепления виртуальных объектов за субъектами гражданского права [11].

В заключение следует сказать, что:

- виртуальные объекты – не только уже обыденное развлечение, но и новая ступень в образовании;
- для полной защищенности объектов виртуальных пространств, необходимо проделать огромный пласт работы, так как законодательство применяется лишь на примерном основании;
- индустрия виртуальных объектов растет не только на территории России, но и на территории зарубежных государств, соответственно, можно просто брать практику зарубежных стран, так как концепции похожи и споры, соответственно, тоже;
- в то же время нельзя не учитывать одной существенной детали: виртуальное пространство игнорирует территориальные границы государств, что, в свою очередь, ставит вопросы определения юрисдикции при возникновении споров и применимого права.

Список источников

1. Italy: Virtual Reality And Trademark/Patent Law [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mondaq.com/italy/trademark/853204/virtual-reality-and-trademarkpatent-law#footnote1>. (дата обращения: 04.05.2021).
2. Hacking Virtual Reality – Researchers Exploit Popular Bigscreen VR App. <https://thehackernews.com/2019/02/bigscreen-vr-hacking.html>.
3. Марк Лемли и Юджин Волох, Закон, виртуальная реальность и дополненная реальность. (Апрель 2018 г.).
4. Коган, К. Е. К вопросу о правовом режиме виртуальных объектов права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы частноправового регулирования: Материалы международной VI научной конференции молодых учёных (г. Самара, 28–29 апреля 2006 г.) — Самара: «Универс-групп», 2006. с. 307–309.
5. П.3 ст.1251 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021).
6. Статья 1252 "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021) ГК РФ.
7. Virtual goldmine: In-game goods fuel debate over digital ownership [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-global-videogames-property-analysis-t-idUSKBN1Y0032> (дата обращения: 05.05.2021).
8. AR教育：立体化的书本教学 业务咨询 // URL: <https://www.sightp.com>.
9. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 155-156.
10. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник в 2 т. Т. 2 / М.: Юрид. лит., 1982. 354 с.

К.С. Долгая

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ

В настоящей статье автором рассмотрено понятие и значение трансграничной электронной торговли на современном этапе развития цифровой экономики. Рассмотрены проблемы, связанные с защитой прав на объекты интеллектуальной собственности в контексте трансграничной электронной торговли, выделены их виды; нормативные правовые акты в области регулирования интеллектуальной собственности; лицензионные соглашения как способ продажи и приобретения прав, их использование на объекты интеллектуальной собственности в мировой торговле.

Электронная торговля является одним из самых динамичных и важных секторов экономики. С развитием электронной торговли по всему миру внезапно возрос спрос на трансграничную электронную торговлю. Электронная трансграничная торговля основана на продаже товаров клиентам, находящимся за рубежом. Однако она связана с рядом проблем, таких как высокая стоимость и длительное время доставки, языковые барьеры, различные правовые и налоговые условия и т.д. Основываясь на современных реалиях, считаем, что достаточно большой процент мировой торговли приходится на товары, содержащие интеллектуальную собственность. В свою очередь, быстрый рост торговли результатами интеллектуальной деятельности становится важнейшим фактором современного этапа углубления международных экономических отношений.

Электронная торговля — это совокупность сделок, совершаемых с помощью компьютерных сетей. Эти сделки чаще всего касаются покупки или продажи товаров и услуг, заказанных электронным способом, но оплата и доставка товаров или услуги могут быть выполнены в любой форме (также вне сети). Наиболее популярным методом осуществления таких сделок является сеть Интернет, отсюда и название — электронная торговля. Начало правового регулирования данного вида правоотношений в Республике Беларусь было положено в Законе «О торговле» от 28 июля 2003 г., который на сегодняшний день утратил силу. В нем говорилось, что электронная торговля — оптовая, розничная торговля, характеризующаяся заказом, покупкой, продажей товаров с использованием информационных систем и сетей. При осуществлении электронной торговли договор купли-продажи заключается путем оформления электронного документа в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 года «Об электронном документе» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000 г., № 7, 2/132). Одна из трактовок нашла своё отражение в Модельном законе «Об электронной торговле», принятом на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 25 ноября 2008 года. Обратившись к энциклопедии Кольеера, мы получили следующее толкование: операции и сделки, выполняемые посредством сети Интернет и частных сетей связи, в ходе которых совершаются покупки и продажи товаров и услуг, а также переводы денежных средств [1]. Иными словами, под электронной торговлей подразумевается деятельность экономических субъектов, связанная с реализацией коммерческих операций с использованием электронных средств обмена информацией [2]. Электронная торговля может существовать как на национальном уровне, так и за рубежом. Отсюда появляется новый этап становления и развития современной экономики — трансграничная электронная торговля.

Трансграничная электронная торговля определяется как процесс торговли при помощи глобальной сети Интернет или продажи между двумя организациями: субъектами торговли, осуществляющими торговлю через интернет-магазины (далее — продавец), и покупателем (или потребителем), которые находятся в разных странах. Данная торговля набирает большие обороты, поскольку клиенты смотрят за пределы своих стран в поисках лучших предложений и широчайшего ассортимента товаров. Говоря о трансграничной электронной торговле, мы подразумеваем международную онлайн-торговлю.

Основное различие между трансграничной электронной коммерцией и национальной торговлей заключается в том, что в первом случае покупки совершаются у продавцов, расположенных за рубежом.

Трансграничная электронная торговля дает преимущества как покупателям, так и продавцам. Продавцы (как розничные торговцы, так и бренды) могут расширять свой бизнес за пределы своего часто насыщенного внутреннего рынка и выходить на новые рынки. Продажа за границу также дает возможность использовать потенциал различных ассортиментов продукции по сравнению с внутренним рынком. Это также выгодно, когда дело касается международной экспансии и доходов [3].

Международная экспансия: интернет-провайдеры-торговцы с безграничным миром и возможностью расширяться на международном уровне с меньшими усилиями, чем от них потребовалось бы для создания местного отделения в стране.

Увеличение дохода: увеличивая свою аудиторию, продавцы получают больше продаж и, следовательно, больше доходов.

Покупатели также могут воспользоваться преимуществами более конкурентного рынка. Отечественные игроки улучшат свои бизнес-стратегии, чтобы оставаться конкурентоспособными, и покупатели (и рынок в целом) от этого выиграют.

Наконец, преимущества заказа продуктов на зарубежных веб-сайтах часто воспринимаются как лучшая цена и доступность продуктов, которых нет на внутреннем рынке. Кроме того, потребители часто предпочитают делать покупки непосредственно в интернет-магазине предпочитаемого ими бренда.

Данный режим электронной торговли позволяет онлайн-продавцам продавать товары клиентам по всему миру. Итак, если мы посмотрим на это с точки зрения клиентов, они могут «упаковывать» продукты, которых нет в их собственной стране. Кроме того, продавцы могут продавать товары покупателям во многих категориях; таких как одежда, мода, дети, игрушки и т. д.

В дополнение к этому трансграничная электронная торговля успешно устанавливает глобальную связь между продавцами и покупателями. Электронная торговля, как и сеть Интернет, характеризуется отсутствием границ, благодаря чему клиенты могут совершать покупки через Интернет из самых отдаленных уголков мира. Хотя большинство покупателей, совершающих покупки онлайн, все же выбирают национальные интернет-магазины, покупки в магазинах, расположенных за рубежом, пользуются все большей популярностью. Таким образом, для продавцов, желающих расширить свой охват, трансграничная электронная торговля — это оптимальная альтернатива для продвижения своего бизнеса среди иных конкурирующих брендов, выхода на мировые рынки, привлечения большей аудитории и, следовательно, увеличения дохода, что особенно актуально, в том числе, и в сложившейся ситуации эпидемиологических ограничений.

Однако существуют и определенные моменты предпринимательского риска в трансграничной электронной торговле, которые необходимо учитывать. Прежде, чем начинать вести свой бизнес, необходимо ответить себе на важные вопросы. Например, какие рынки

предлагают разумные шансы создать прибыльный бизнес в разумные сроки? Инвестирование для внедрения на новые рынки является опасным? Часто очевидный выбор — например, крупные рынки электронной коммерции, такие как Великобритания или Германия — не единственные варианты: истинный потенциал для отдельных игроков вполне может быть расположен на более мелких или развивающихся рынках. Не существует универсального подхода. Чтобы выбрать правильные рынки для онлайн-экспансии, необходимо профилировать целевые страны, чтобы определить их потенциал. Продавцы также должны включить анализ частоты поиска продуктов, которые они хотят продавать на новых рынках. Еще один важный шаг — сравнение цен на товары.

Необходимо учитывать и риски трансграничной электронной торговли. Продажа на новом рынке требует инвестиций. Чтобы стать прибыльным в разумные сроки, необходимо принять ряд мер, включая локализацию веб-сайта, обеспечение языковой поддержки клиентов и оптимизацию логистических процессов, включая возврат. Очень важным риском в трансграничной электронной торговле является мошенничество. Мошенничество может стоить розничным торговцам денег по-разному: потеря товаров, возврат средств по мошенническим транзакциям, упущенная прибыль от подлинных заказов, заблокированных программным обеспечением для обнаружения мошенничества, и деньги, потраченные на защиту от мошенничества в целом. Предотвращение мошенничества, конечно, не должно превышать стоимости самого мошенничества.

Правовые различия могут представлять высокий риск для интернет-магазинов на разных уровнях. Во-первых, иметь дело с властями в чужой стране дорого и нежелательно из-за несоблюдения правил. С другой стороны, некоторые правительства применяют строгие штрафы в случае, если интернет-магазины не соблюдают местные правила. В Германии, например, если юридические условия неверны, любой может нанять юриста и отправить Abmahnungen (предупреждение) оператору сайта. Обычно для разрешения спора владелец сайта должен заплатить определенный штраф. Иногда конкуренты просматривают новые сайты в поисках подобных недостатков, чтобы навредить новым игрокам.

Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», предусмотрено, что цифровая трансформация рынка товаров и услуг приведет к значительному упрощению торговых процедур путем перехода в цифровую форму, активному использованию электронной торговли, а также к эффективной реализации и использованию механизмов «единого окна» в сфере экономики. Это потребует проведения дальнейшей гармонизации в сфере правил ведения трансграничной электронной торговли, стимулирования ведения бизнеса в цифровой форме, координации действий в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка, а также включения вопросов регулирования сотрудничества в сфере цифровой экономики в повестку дня торговых переговоров Союза с третьими странами [4].

Одним из наиболее характерных явлений XXI века является интеллектуализация мировой торговли, то есть рост доли «интеллектуальной» составляющей в товарах и услугах. Права интеллектуальной собственности (далее — ИС) давно стали важным элементом экономического роста в развитых странах, именно эта группа стран наиболее активно выступает за усиление охраны прав ИС в рамках как двусторонних, так и региональных и многосторонних договоров. Большинство развивающихся стран, в отличие от развитых, исторически не уделяли особого внимания формированию системы защиты прав ИС, однако, углубляющаяся интернационализация мировой экономики привела к чрезвычайному регулированию прав ИС в рамках многосторонней торговой системы [5].

Точно так же, как гражданское право защищает права собственности на имущество, право интеллектуальной собственности направлено на защиту результата умственного труда людей. Защита интеллектуальной собственности призвана стимулировать творческие способности человеческого разума на благо всех, гарантируя, что преимущества, полученные от использования творения, приносят пользу создателю. Это будет стимулировать творческую активность и позволит инвесторам в исследования и разработки получить справедливую отдачу от своих вложений. Существует несколько способов защиты интеллектуальной собственности (Таблица 1).

Таблица 1. Способы защиты интеллектуальной собственности

Виды защиты ИС	Тематика	Основные сферы применения
Патенты	Новые, неочевидные, промышленно применимые изобретения	Все отрасли промышленности, например, химическая, фармацевтическая, пластмассовая, двигатели, турбины, электроника, научное оборудование, оборудование связи и т.д.
Товарные знаки	Знаки или символы для идентификации товаров и услуг	Все отрасли
Типография полупроводниковых изделий	Дизайн оригинал-макетов	Микроэлектронная промышленность
Авторское право	Оригинальная авторская работа	Публикации, фото, видео, трансляции и т.д.
Смежное право	Оригинальное авторское произведение	Выступление артистов, производителей фонограмм, вещательных организаций и т.д.
Коммерческая тайна (ноу-хау)	Техническая и иная ценная информация	Все отрасли

Согласно ст. 981 ГК Республики Беларусь, правовая охрана объектов интеллектуальной собственности возникает в силу факта их создания либо вследствие предоставления правовой охраны уполномоченным государственным органом в случаях и в порядке, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами. Статьей 983 ГК Республики Беларусь предусмотрено, что права на объекты интеллектуальной собственности являются исключительными. Это означает, что использование другими лицами объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых их правообладателю принадлежит исключительное право, допускается только с согласия правообладателя. Во втором пункте ст. 983 ГК Республики Беларусь сказано, что обладатель исключительного права на объект интеллектуальной собственности вправе передать это право другому лицу полностью или частично, разрешить другому лицу использовать объект интеллектуальной собственности и вправе распорядиться им иным образом, если это не противоречит ГК или иному закону. Исключительные права на объект интеллектуальной собственности, принадлежащие правообладателю, могут быть переданы им полностью или частично другому лицу по договору, а также переходят по наследству и в порядке правопреемства при реорганизации юридического лица — правообладателя. Говоря о личных имущественных и неимущественных правах, следует отметить, что они принадлежат авторам результатов интеллектуальной деятельности в отношении этих результатов. Так, в случае предоставления исключительных прав другому лицу на ограниченное время, применяются правила о лицензионном договоре, предусмотренным ст. 985 ГК Республики Беларусь, если же речь идет о полном объеме на весь срок действия исключительного права, применяются правила о договоре уступки исключительного права (статья 984¹) [6].

В качестве современного обходного пути для правила первой продажи многие поставщики онлайн-контента, вместо того, чтобы продавать копию произведения, просто предлагают лицензионные соглашения, которые разрешают только конкретное использование защищенного контента. Использование лицензионного соглашения защищает права собственности владельца интеллектуальной собственности, одновременно предоставляя кому-либо другому разрешение использовать собственность в течение определенного периода времени или для определенной деятельности или цели. Эти подходы к охране интеллектуальных произведений относительно новы и, по-видимому, основаны на уже существующих системах авторского права. В Республике Беларусь существует проект Закона «О лицензировании», внесенным Советом Министров Республики Беларусь 19.10.2020. Это свидетельствует о том, что данная тема является актуальной и разрабатывается по сей день.

Например, с помощью лицензионных соглашений, гарантирующих различные уровни последующего доступа. Так, модели Creative Commons и Copyleft стремятся расширить общие мысли и выражения. Владелец может разрешить другим использовать защищенное произведение при условии, что «новое» произведение аналогично доступно или пригодно для использования. Стоит обратить внимание на то, что моральная обязательность этих контрактов / соглашений предполагает предшествующие права. Например, если ни одна из сторон лицензии Copyleft не владеет или не имеет законного права собственности на интеллектуальную работу, о которой идет речь, то итоговое соглашение / лицензия не будет иметь обязательной силы. Таким образом, модели Creative Commons и Copyleft фактически построены на претензиях на право собственности или прав на интеллектуальные произведения.

Еще одним примером послужит судебное разбирательство между UsedSoft GmbH («UsedSoft») и Oracle International Corp. («Oracle») в отношении сбыта компанией UsedSoft использованных лицензий на компьютерные программы Oracle. Суд ЕС принял решение с использованием принципа исчерпания, который до этого момента применялся только к физическим товарам, хотя это дело относилось исключительно к загрузке и хранению программного обеспечения на компьютерах клиентов. В деле Usedsoft Суд ЕС признал права собственности (традиционно относимые только к физическим товарам) в отношении программного обеспечения и, соответственно, расширил принцип исчерпания, разработанный в рамках правил свободного перемещения товаров, на программное обеспечение. Этот вывод был основан на установлении Судом ЕС широкого определения термина «продажа» — соглашение, по которому лицо, в обмен на оплату, передает другому лицу свои права собственности на предмет или материальную или нематериальную собственность, принадлежащую ему. После рассмотрения дела суд ЕС постановил, что автор программного обеспечения не может препятствовать перепродаже лицензий на программное обеспечение, даже если в тексте лицензионного соглашения содержится прямой запрет на такую перепродажу. «Эксклюзивное право на распространение копии компьютерной программы, которая покрывается данной лицензией, исчезает после первой продажи», — сказано в решении суда.

Таким образом, право на распространение копии компьютерной программы исчерпывается, если правообладатель, который разрешил, даже бесплатно, загрузку этой копии из Интернета на носитель данных, также предоставил в обмен на оплату сбора, предназначенного для получения ему вознаграждения, соответствующего экономической стоимости копии работы, владельцем которой он является, право использовать эту копию в течение неограниченного периода времени. В случае перепродажи пользовательской лицензии, влекущей за собой перепродажу копии компьютерной программы, загруженной с веб-сайта

правообладателя, эта лицензия, первоначально предоставленная этим правообладателем первому приобретателю на неограниченный период в обмен на оплату сбора, предназначенного для того, чтобы правообладатель мог получить вознаграждение, соответствующего экономической стоимости этой копии его работы, второму приобретателю лицензии, а также любой последующий его приобретатель сможет полагаться на исчерпание права на распространение в соответствии со статьей 4 (2) директивы, и, следовательно, считаться законными приобретателями копии компьютерной программы в значении статьи 5 (1) этой директивы и пользоваться правом на воспроизведение, предусмотренным в этом положении [7].

Поскольку область права интеллектуальной собственности является сложной, в силу относительно узкой сферы применения, появления в настоящее время новых форм результатов таковой деятельности, заинтересованные стороны вынуждены прибегать к помощи специалистов для составления лицензионных соглашений по интеллектуальной собственности. Однако такое соглашение должно быть составлено сторонами соглашения простым и понятным языком. Вопросы, которые важно включить в лицензионное соглашение, включают:

1. Объем лицензии. Поскольку лицензия предоставляет ограниченное право на использование интеллектуальной собственности для определенной цели, очень важно, чтобы точный характер этой цели был изложен в письменной форме. Владелец ИС («лицензиар») должен сохранять права собственности, указывая, разрешено ли «лицензиату» воспроизводить, продавать или иным образом использовать объект и может ли это право быть передано другому лицу. Что именно разрешено лицензионным соглашением, зависит от сторон, но следует указать очень конкретно.

2. Доход от лицензионного продукта. Конкретное указание того, как лицензиар должен получать оплату за соглашение о лицензировании его прав интеллектуальной собственности, имеет жизненно важное значение. Независимо от того, предоставляется ли лицензия за фиксированную плату или лицензиар должен получать процент от прибыли, полученной от использования лицензии лицензиатом, детали зависят от сторон, но должны быть очень конкретно указаны в соглашении. Другие важные темы, которые следует включить в лицензионное соглашение, включают:

- Срок действия договора
- Запрещенное использование
- Право на исходный код
- Гарантия
- Защита лицензиата от претензий о нарушении
- Процедуры приема, тестирования и обучения
- Дополнительные услуги, предоставляемые лицензиаром
- Ограничение ответственности лицензиара
- Соглашение о неразглашении
- Требования к расторжению договора
- Исполнение лицензионного соглашения

Право интеллектуальной собственности играет важную роль в продвижении инноваций и защите инвестиций, особенно в цифровой и зеленой экономике. Защита и обеспечение соблюдения интеллектуальной собственности имеют решающее значение для способности ЕС стимулировать инновации и конкурировать в мировой экономике. ЕС стремится улучшить защиту и соблюдение прав интеллектуальной собственности в третьих странах. Он преследует эту цель по-разному:

1. Эффективный режим правоприменения: ЕС принял пересмотренную Стратегию по защите прав интеллектуальной собственности в третьих странах, которая включает

конкретные действия по решению проблем защиты прав интеллектуальной собственности и правоприменения, влияющих на европейские предприятия, торгующие и инвестирующие за рубежом.

2. Многосторонние соглашения: ЕС является частью Всемирной торговой организации и Всемирной организации интеллектуальной собственности с целью улучшения защиты и обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности. ЕС является ключевым сторонником Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

3. Двусторонние торговые соглашения: ЕС ведет переговоры и уже заключил ряд двусторонних торговых соглашений, которые включают подробные главы о правах интеллектуальной собственности. Насколько это возможно, главы права интеллектуальной собственности должны обеспечивать такие же уровни защиты, как и в ЕС. Тем не менее, ЕС принимает во внимание уровень развития соответствующей страны.

4. Другая двусторонняя деятельность: Комиссия участвует в регулярных встречах по вопросам ИС (таких как диалоги по ИС, рабочие группы по ИС и т. д.) с приоритетными странами-партнерами по всему миру [8].

Интеллектуальная собственность также является ключевым рычагом поддержки устойчивости ЕС и восстановления экономики во время кризиса. Но в то же время доступ к ИС должен быть облегчен на справедливых условиях. Комиссия Европейского союза разработала правовую основу и систему интеллектуальной собственности, которая предлагает компаниям ЕС стимулы инвестировать в предоставление товаров и услуг с высокими стандартами качества, новаторства, дизайна и творчества [7].

В ноябре 2020 года Комиссия приняла Сообщение «Максимальное использование инновационного потенциала ЕС — план действий в области интеллектуальной собственности для поддержки восстановления и устойчивости ЕС». В плане действий представлены предложения по конкретным мерам в пяти ключевых областях.

1. Улучшение защиты прав интеллектуальной собственности с помощью: поддержания быстрого внедрения единой патентной системы; оптимизации сертификатов дополнительной защиты; модернизации системы защиты конструкции; продвижение использования новых технологий (таких как блокчейн и искусственный интеллект).

2. Повышение уровня восприятия и использования ИС, особенно малыми и средними предприятиями (МСП).

3. Содействовать лицензированию и совместному использованию ИС с помощью обеспечения доступности критически важной интеллектуальной собственности во время кризиса; поддержание развития качественной «инфраструктуры авторского права»; содействие доступу к данным и совместному использованию путем уточнения Директивы о коммерческой тайне и пересмотра Директивы о базах данных.

4. Обеспечение более эффективного правоприменения и борьба с нарушениями прав интеллектуальной собственности посредством разъяснения обязанностей онлайн-платформ в Законе о цифровых услугах; запуска набора инструментов ЕС по борьбе с контрафакцией; усиления роли Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF) и других органов власти в борьбе с контрафакцией и пиратством.

5. Продвигать честную игру на глобальном уровне, путем разработки глобальных стандартов ИС; пресечения недобросовестной практики, а также выступать единым фронтом по интеллектуальной собственности [9].

Как показывают многочисленные исследования, трансграничная торговля будет одним из ключевых факторов, способствующих развитию электронной торговли во всем мире. Благодаря достижениям в области решений и разработок для электронной торговли,

международные покупки стремительно развиваются. Это лучшее решение, если вы планируете продавать на международных торговых площадках. Трансграничная электронная торговля имеет много преимуществ, но они могут превратиться в недостатки, если отсутствуют подходящие продукты для торговых площадок. Следовательно, необходимо провести исследования в соответствующих отраслях трансграничной электронной торговли.

Развитие трансграничной торговли будет способствовать продвижению продуктов интеллектуальной собственности, что сейчас является наиболее актуальным в мировой экономике и повседневной жизни людей.

Республика Беларусь, являясь участником многочисленных международных договоров, в целях повышения инвестиционной привлекательности нашей страны, развития деловой инициативы, принимает активное участие в формирующемся рынке интеллектуальной продукции, так как именно интеллектуальная собственность, в настоящее время, является основой функционирования рыночной экономики.

Список источников

1. Collier Encyclopedia [Electronic resource]. – 2021 Mode of access: <https://entsiklopediya-kolera.slovonline.com/11970> // – Date of access: 22.09.2021.
2. Статистические данные исследовательского агентства «GfK» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-za-205-god-internet-audit-orija-v-rossii-uvelichilas-eskena-4-mln-chelovek/ – Дата доступа: 23.09.2021.
3. Cross-Border Ecommerce [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: <https://www.ecommerce.wiki.org/topics/7/cross-border-ecommerce/> – Date of access: 21.09.2021.
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.;
5. The world market of intellectual property objects and interest of national security of countries [Electronic resource]. – 2021 Mode of access: file:///D:/THE_WORLD_MARKET_OF_INTELLECTUAL_PROPERTY_OBJECTS_.pdf // – Date of access: 21.09.2021.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 17 декабря 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 // КонсультантПлюс. Законодательство Республики Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
7. Директива 2009/24 / ЕС [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=124564&doclang=EN>. – Дата доступа: 22.09.2021.
8. Intellectual Property [Electronic resource]. – 2021 Mode of access: <https://ec.europa.eu/trade/policy/accessing-markets/intellectual-property/> // – Date of access: 22.09.2021.
9. Intellectual Property [Electronic resource]. – 2021 Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/intellectual-property_en/ // – Date of access: 23.09.2021.

В.Д. Затирахин

**ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

В статье рассматриваются проблемы защиты персональных данных в контексте правовой охраны некоторых объектов интеллектуальной собственности в условиях стремительного развития информационных технологий. Освещены появившиеся проблемы, связанные с доступностью информации о персональных данных, а также правовые основы их защиты. Анализируется содержание правовой регламентации персональных данных и баз данных, которые включают сведения о персональных данных, а также об отнесении персональных данных к объектам интеллектуальной собственности. В статье проведен сравнительный анализ к подходам законодательства при отнесении объектов смежных прав базы данных на территории Республики Беларусь и Российской Федерации. Выявлены некоторые возможные проблемы в правоприменительной практике при организации защиты персональных данных. Подчеркнута актуальность и важность необходимости правового регулирования трансграничной передачи персональных данных.

Активно развивающиеся цифровые технологии в Республике Беларусь привели к возникновению огромного пласта информационного ресурса. Его активное использование стало важным условием развития общества, реализации социальных, экономических, политических и других функций государства. Вместе с тем, развитие информационных технологий породило ряд серьезных проблем по защите конституционного права гражданина на неприкосновенность частной жизни, и ее производную категорию «персональные данные». Доступность персональных данных в информационном пространстве создало и проблему неконтролируемого использования персональных данных о гражданах, возможность сбора, хранения и распространения информации о частной жизни гражданина без его согласия, их предпочтениях. Наряду с общественной пользой развития информационных технологий наблюдается увеличение преступлений в информационной сфере, опасных явлений для общества, таких как мошенничество, хищения и других посягательств на охраняемые законом права граждан.

Правовая регламентация института защиты персональных данных гражданина закреплена в Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», опубликованном 14 мая 2021 г. и вступившим в силу с 15 ноября 2021 года. Названным законом дано понятие термину «персональные данные». Персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Персональные данные подразделяются на биометрические данные (информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое)); генетические персональные данные (информация, относящаяся к наследуемым либо приобретенным генетическим характеристикам человека, которая содержит уникальные данные о его физиологии либо здоровье и может быть выявлена, в частности, при исследовании его биологического образца). Специальными персональными данными являются персональные данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, членства в профессиональных союзах, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, привлечения к административной или уголовной ответственности, а также биометрические и генетические персональные данные [1].

Субъектом персональных данных является физическое лицо, в отношении которого осуществляется обработка персональных данных, т.е. любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных. При этом, Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» предусмотрено, что физическое лицо, которое может быть идентифицировано, это физическое лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности через фамилию, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности.

Предметом правового регулирования названного закона являются отношения, связанные с защитой персональных данных при их обработке, осуществляемой:

- с использованием средств автоматизации;
- без использования средств автоматизации, если при этом обеспечиваются поиск персональных данных и (или) доступ к ним по определенным критериям (картотеки, списки, базы данных, журналы и другое).

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/179 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» от 17 декабря 2018 года призывает все государства рассмотреть вопрос о разработке или продолжении и обеспечении выполнения на основе сотрудничества со всеми соответствующими заинтересованными сторонами, включая гражданское общество, надлежащего законодательства, предусматривающего эффективные санкции и соответствующие средства правовой защиты, для защиты людей от нарушений и ущемлений права на неприкосновенность частной жизни, заключающихся в противоправном и произвольном сборе, обработке, хранении или использовании персональных данных физическими лицами, правительствами, коммерческими предприятиями и частными организациями (подпункт «f» пункта 6) [2].

Институт защиты персональных данных в Европейском союзе известен более 25 лет назад. В Общем регламенте о защите персональных данных от 27 апреля 2016 года для охраны и защиты права на неприкосновенность частной жизни в условиях автоматизированной обработки личных данных о гражданах предусмотрена возможность ограничения прав, установленных указанным регламентом, при условии, что такое ограничение соответствует сущности основных прав и свобод и является необходимой и пропорциональной мерой в демократическом обществе для обеспечения национальной безопасности; обороны; общественной безопасности и др. (статья 23) [3].

В Решении Высшего Евразийского экономического союза от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» уделено особое внимание вопросам надежной защиты персональных данных, которым отмечено, что глобальная цифровая трансформация создает широкий спектр вызовов для стран Евразийского экономического союза, экономик государств-членов, их хозяйствующих субъектов и граждан, что вызывает необходимость более надежной институциональной формы защиты персональных данных, с соблюдением баланса защиты в условиях их трансграничного обмена [4].

Поскольку основной проблемой при защите персональных данных являются развитие информационных технологий и их особенности выражения и обработки в том числе и в информационном ресурсе, то такие процессы могут привести к созданию объектов интеллектуальной собственности.

Компьютерные программы, используемые при обработке и систематизации персональных данных, являются объектами авторского права (пункт 10 ст. 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь) [5]. Охрана компьютерных программ распространяется на все

виды компьютерных программ (в том числе операционные системы), которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код (пункт 2 ст. 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Правовой режим базы данных как объекта интеллектуальной собственности раскрывается в Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах». При этом термин «база данных» определяется как «совокупность данных или другой информации, выраженная в любой объективной форме, представляющая собой по подбору или расположению этих данных или другой информации результат творческого труда» [6]. По моему мнению, фраза «результат творческого труда» лишена смысловой последовательности с филологической точки зрения, но не противоречит смысловому содержанию нормы. Статьей 14 Закона Республики Беларусь № 262-З установлено, что авторское право на базу данных охраняется как составное произведение. Охрана, предоставляемая базе данных, не распространяется на содержащиеся в ней данные или другую информацию. К правам на базу данных применяются положения правовой охраны как на составное произведение. В национальном законодательстве база данных не является объектом смежных прав.

Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает схожее правовое регулирование такого объекта интеллектуальной собственности как база данных, но база данных в части охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов (пп.4 п. 1 ст. 1304 ГК РФ) рассматривается как объект смежных прав. Такой подход является более логичным для установления правового режима охраны баз данных, обеспечивающих несанкционированное использование и повторное воспроизведение созданной информации о персональных данных, поскольку смежные права признаются и действуют независимо от наличия и действия авторских прав на программу ЭВМ, используемую для обработки и систематизации персональных данных.

Предоставление правовой охраны базе данных законодательством Республики Беларусь обеспечивается защита исключительных прав как ее структуры, так и содержание от незаконного извлечения, последующего воспроизведения базы данных. Вместе с тем, сами персональные данные, составляющие содержание базы данных, охраняются специальным законодательством и не являются объектом интеллектуальной собственности, поскольку эти сведения принадлежат субъекту персональных данных – гражданину.

Оценивая важность сформированной с применением автоматизированных систем создания, обработки, хранения персональных данных в коммерческих, статистических и иных целях, следует обратить внимание, что Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» обоснованно установлено, что обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц. Обработка персональных данных должна производиться с согласия физического лица, в отношении которого осуществляется обработка персональных данных. Такое согласие представляет собой свободное, однозначное, информированное выражение его воли, посредством которого он разрешает обработку своих персональных данных. Оно может быть получено в письменной форме, в виде электронного документа или в иной электронной форме. Субъекту персональных данных предоставлено право в любой момент отозвать свое согласие на обработку персональных данных. Обработка персональных данных ограничивается достижением конкретных, заранее заявленных законных целей. При этом, не допускается обработка персональных данных, не совместимая с первоначально заявленными целями их обработки. Если возникает необходимость изменения первоначально заявленных целей обработки персональных данных, необходимо получить согласие соответствующего физического лица.

Хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей идентифицировать субъекта персональных данных, не дольше, чем этого требуют заявленные цели обработки персональных данных. Оператор обязан принимать правовые, организационные и технические меры по обеспечению защиты персональных данных от несанкционированного или случайного доступа к ним, изменения, блокирования, копирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных, а также иных неправомерных действий в отношении персональных данных (статья 17 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных»).

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» имеет небольшую правоприменительную практику в сравнении с другими государствами, в частности с Российской Федерацией, в которой данный правовой институт урегулирован Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 15-ФЗ «О персональных данных».

К примеру, белорусская организация использует электронную проходную для своих работников. Информация в базе электронной проходной содержит фотографии работников в электронной форме для осуществления пропускного режима. Работник организации на входе сличает фотографию из базы данных с личностью предъявителя пропуска. Являются ли указанные действия обработкой биометрических персональных данных? Если исходить из буквального содержания определения биометрических данных, приведенного в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных», то характеристики лица и его изображение являются биометрическими персональными данными. Следовательно, обработка указанных персональных данных (действия или совокупность действий администрации организации, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, использование, удаление персональных данных) подпадает под правовой режим обработки персональных данных.

Ранее в Российской Федерации указанные действия работодателя при организации пропускного режима квалифицировались как обработка персональных данных. Однако в последнее время эксперты и регуляторы Российской Федерации придерживаются противоположной позиции. Чтобы данные, используемые для идентификации, признавались биометрическими персональными данными, идентификация субъекта персональных данных должна осуществляться с использованием специализированных технических средств, например, таких, как система распознавания лиц.

В каком направлении будет развиваться практика применения защиты персональных данных в Республике Беларусь по приведенному примеру покажет время с учетом установленной статьей 16 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» обязанности оператора разъяснять субъекту персональных данных его права, связанные с обработкой персональных данных, а также уведомлять уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных о нарушениях систем защиты персональных данных незамедлительно, но не позднее трех рабочих дней после того, как оператору стало известно о таких нарушениях, за исключением случаев, предусмотренных уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных.

Немаловажную проблему защиты персональных данных создает трансграничная передача персональных данных, запрещенная статьей 9 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», если на территории иностранного государства не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных, за исключением случаев, когда:

— дано согласие субъекта персональных данных при условии, что субъект персональных данных проинформирован о рисках, возникающих в связи с отсутствием надлежащего уровня их защиты;

- персональные данные получены на основании договора, заключенного (заключаемого) с субъектом персональных данных, в целях совершения действий, установленных этим договором;
- персональные данные могут быть получены любым лицом посредством направления запроса в случаях и порядке, предусмотренных законодательством;
- такая передача необходима для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или иных лиц, если получение согласия субъекта персональных данных невозможно;
- обработка персональных данных осуществляется в рамках исполнения международных договоров Республики Беларусь;
- такая передача осуществляется органом финансового мониторинга в целях принятия мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения в соответствии с законодательством;
- получено соответствующее разрешение уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных.

Уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных определяет перечень иностранных государств, на территории которых обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных и доводит до сведения субъектов персональных данных.

Серьезность проблемы и масштаб трансграничной передачи персональных данных виден на примере крупнейшей мировой социальной сети Фейсбук.

Одним из путей разрешения обозначенных проблем является развитие международно-правового регулирования отношений, связанных с защитой персональных данных в условиях стремительного развития информационных технологий и использования сети Интернет, а также унификации законодательства с формированием эффективной системы защиты прав авторов и правообладателей в праве интеллектуальной собственности.

Список источников

1. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З// Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь https://pravo.by/upload/docs/op/H12100099_1620939600.pdf.
2. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху [Электронный ресурс] : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/179 от 17 декабря 2018 года// <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/179>.
3. О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46 / ЕС (Общие правила защиты данных) [Электронный ресурс] : Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года// <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679>.
4. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года) [Электронный ресурс] : Решение Высшего Евразийского экономического союза от 11 октября 2017 г. № 12// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г.// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

А.С. Зозулин

**СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ АВТОРА
В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В данной статье были рассмотрены личные неимущественные права автора произведения, их особенности, а также вопросы, связанные с их осуществлением. Так, был рассмотрен вопрос классификации личных неимущественных прав, который является наиболее важным в данной теме. Он заключается в том, что в современном гражданском законодательстве отсутствует определение личных неимущественных прав автора, что мешает отграничению данных прав от иных прав автора. Вместе с этим проводилось сравнение отечественного закрепления способов осуществления указанных прав и иностранного, что способствовало более комплексному изучению темы. Отдельно отметим, что одним из ключевых вопросов, поднимаемых в данной теме, является вопрос наследования личных неимущественных прав автора произведения. В связи с этим было определено, что в действующем законодательстве предусматривается возможность перехода некоторых таких прав по наследству с различными ограничениями, например, право на обнародование произведения.

Ст. 44 Конституции РФ гарантирует свободу литературного, художественного, научного и иного творчества [1]. Для реализации этих гарантий гражданское законодательство предусматривает различные способы охраны и осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе и личных неимущественных прав автора.

Исследование способов осуществления личных неимущественных прав автора является достаточно актуальным в связи со следующими обстоятельствами. Во-первых, личные права автора закреплены в различных международных актах, например, в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений [2]. Поскольку Российская Федерация в 1995 году присоединилась к данной конвенции, соответствие гражданского законодательства её положениям является важной частью развития авторского права в России. Во-вторых, автором может являться любой гражданин, например, студент, написавший научную работу. Таким образом, осуществление личных неимущественных прав автора актуально для достаточно большого круга лиц. В-третьих, многие правоведы отмечают, что действующий механизм осуществления и охраны личных неимущественных прав автора имеет ряд пробелов и противоречий. Поэтому существует необходимость в рассмотрении данного механизма и выделении основных вопросов его реализации.

Объектом исследования являются личные неимущественные права автора.

Предметом будет являться способы осуществления личных неимущественных прав автора.

Как уже было сказано ранее, ключевой проблемой осуществления личных неимущественных прав автора является несовершенство действующего законодательства. Многие юристы отмечают, что в ч. 4 ГК РФ [3] существует ряд пробелов и внутренних противоречий, которые необходимо решить для повышения эффективности осуществления и охраны личных неимущественных прав автора.

В связи с вышесказанным, целью работы является исследование института осуществления личных неимущественных прав автора, а также предложение способов его усовершенствования.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- выделить классификацию личных неимущественных прав автора;
- исследовать способы осуществления личных неимущественных прав автора;
- определить вопросы в закреплении способов осуществления личных неимущественных прав в российском законодательстве.

В данном исследовании были использованы следующие методы: логические приемы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. С помощью логических приемов анализа и синтеза были рассмотрены нормы ч. 4 ГК РФ, и на основании этого были выделены основные противоречия и проблемы в законодательном закреплении личных неимущественных прав автора. Формально-юридический метод использовался, в частности, при определении способов осуществления личных неимущественных прав автора, закрепленных в гражданском законодательстве. При помощи сравнительно-правового метода было произведено сравнение действующего российского законодательства в сфере личных неимущественных прав автора и Бернской конвенции для выявления противоречий.

Личные неимущественные права автора являются значимой частью авторского права. Это утверждение подтверждается тем, что данные права закреплены в международных правовых актах и с их помощью осуществляется индивидуализация результатов интеллектуальной деятельности автора. Вместе с этим, личные неимущественные права являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, что подчеркивает их важность. Однако, в отличие от Закона РФ от 09.07.1993 N 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» [4] (далее – Закон об авторском праве) в ч. 4 ГК РФ, данное понятие законодатель решил не уточнять, что создает трудности в понимании указанного термина в настоящее время. Это, в свою очередь, мешает четкому выделению всех способов осуществления данных прав.

Наиболее целесообразным видится следующая квалификация личных неимущественных прав автора, предложенная Лутковой О.В. [5, с. 105] Данная классификация выборочно относит различные права из ч. 2 и ч. 3 ст. 1255 ГК РФ к личным неимущественным правам автора. Таким образом, к ним относятся: право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения, право на отзыв, право на вознаграждение за служебное произведение. Детально рассмотрим способы их осуществления.

Прежде всего необходимо указать, что понимается под осуществлением. Так, осуществлением является реализация возможностей, которые заключены в содержании права [6, с. 155].

В ст. 1265 ГК РФ указывается, что правом авторства является право признаваться автором. Оно не может быть отчуждено. Вместе с этим право авторства не передается даже при передаче исключительных прав на произведение другому лицу.

Федотова М.А. и Лосева О.В. дают более подробное определение данного права. Таким образом, под правом авторства следует понимать право автора на признание своего авторства на созданное им произведение и на исключение возможности признания на данное произведение авторства других лиц [7, с. 25].

В этой же статье законодатель дает определение и праву автора на имя. Так, указанное право предполагает возможность автора выбирать под каким именем будет использоваться произведение. Можно выделить следующие варианты:

- под своим именем;
- под вымышленным именем, т.е. под псевдонимом;
- без указания имени, т.е. анонимно.

Стоит отметить, что опубликование произведения под псевдонимом или анонимно имеет свои особенности. Так, издатель будет считаться представителем автора. Исходя

из этого он может защищать права автора, в том числе и личные неимущественные, а также обеспечивать их осуществление. Однако это справедливо до тех пор, пока автор произведения не раскроет свою личность и не заявит свое авторство.

Понятие «право на неприкосновенность произведения» закреплено в ст. 1266 ГК РФ. Там указано, что без согласия автора не допускаются следующие действия:

- изменение произведения;
- сокращение произведения;
- дополнение произведения;
- снабжение произведения иллюстрациями;
- снабжение произведения предисловием;
- снабжение произведения послесловием;
- снабжение произведения комментариями или другими пояснениями.

Укажем, что исправление орфографических и грамматических ошибок, ошибок в названии географических объектов, датах и т.д. не требует согласия автора.

При всем этом в ГК РФ разрешается авторам давать свое согласие на внесение изменений, дополнений и сокращений в будущем. Это возможно если автор публично заявит о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему произведения или он заключит договор открытой лицензии.

Интересной особенностью данного права является тот факт, что после смерти автора лицо, которое обладает исключительными правами на произведение, имеет возможность давать разрешение на внесение определенных изменений в него. Однако это допускается лишь в следующих случаях:

- не искажается замысел автора;
- не нарушается целостность произведения;
- не противоречит воле автора (она в любой письменной форме).

Данное положение ГК РФ вызывает вопрос о природе данного права. Некоторые правоведы считают, что поскольку право на неприкосновенность произведения переходит после смерти автора к другому лицу, то четко выраженного личного характера данное право не имеет. Это приводит их к выводу, что указанное выше право относится к исключительным правам. Однако, по нашему мнению, это не так. Поскольку право на неприкосновенность произведения является неотчуждаемым и непередаваемым, а также действует независимо от исключительного права, то оно относится именно к неимущественным правам [8, с. 175]. На это также указывает п. 90 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 "О судебной практике по делам о наследовании" [9], где сказано, что при наследовании у обладателей исключительного права могут возникать и иные интеллектуальные права, имеющие неимущественный характер.

Ст. 1268 ГК РФ указывает, что автор произведения имеет право обнародовать его. В данном случае под «обнародованием» понимается совершение действия или же дача согласие на его совершение другим лицом, направленного на опубликование, публичное исполнение, публичный показ, сообщение в эфире или по кабелю произведения, то есть в результате оно впервые становится доступным для всеобщего сведения. Список способов обнародования не является исчерпывающим.

Можно выделить следующие особенности реализации права автора на обнародование своего произведения:

- данное право может быть реализовано лишь один раз;
- его реализация влечет осуществление того или иного исключительного права автора;
- реализовать данное право может не только сам автор, но и лицо, которому он дал свое согласие [5, с. 111].

При этом в связи со смертью автора лицо, обладающее исключительным правом на произведение, имеет право самостоятельно обнародовать его. Однако данное утверждение справедливо при условии, что это не противоречит воле автора произведения, выраженной в письменной форме.

Говоря о наследниках, стоит сказать, что в современном гражданском законодательстве нет точного ответа на вопрос о возможности наследника обнародовать произведение, в отношении которого автор ранее воспользовался правом на отзыв [10, с. 124]. По нашему мнению, в данном случае необходимо опираться на то, что наследник не может опубликовать произведение, если это противоречит воле автора. Поскольку автор осуществил отзыв, то таким образом он выразил свою волю. Но это справедливо, если реализация права на отзыв была зафиксирована автором в письменной форме. Тем не менее специальная ответственность за указанное деяние не предусмотрена.

В ст. 1269 ГК РФ указано, что автор обладает правом на отзыв, т.е. отказаться от решения обнародовать произведение до его фактического обнародования. В данном случае автор должен будет возместить лицу, которому было отчуждено исключительное право на произведение или предоставлено право использования произведения, все убытки, причинные отзывом.

Среди правоведов неоднократно обсуждался вопрос о необходимости законодательного закрепления права на отзыв. Во-первых, реализация указанного права на практике встречается достаточно редко. Во-вторых, в Бернской конвенции оно никак не закреплено, а в законодательстве ряда стран право на отзыв отсутствует в целом, например, на Украине. С другой стороны, ряд правоведов считает, что закрепление указанного права в гражданском законодательстве дополняет право автора принимать решение об обнародовании произведения [11, с. 32]. Нам видится, что право на отзыв - это важная часть личных неимущественных прав автора, однако в настоящее время оно недостаточно урегулировано законодательством. Например, в ч. 4 ГК РФ не указана взаимосвязь между осуществлением автором права на отзыв и расторжение договора о передаче или использовании авторских прав.

Отметим, что реализация права на отзыв в Российской Федерации не связана с наступлением тех или иных условий. Так, в Испании для осуществления этого права необходимо наличие изменений интеллектуальных или моральных убеждений автора [11, с. 31].

Вместе с этим право на отзыв невозможно осуществить в отношении: программ для ЭВМ, служебных произведений, произведений, которые вошли в сложный объект.

Говоря о праве на вознаграждение за служебное произведение, стоит отметить, что авторское право на любое произведение науки, литературы или искусства, созданное в пределах установленных трудовых обязанностей, всегда принадлежит автору произведения. При этом в ст. 1295 ГК РФ указывается, что исключительное право на данное произведение принадлежит именно работодателю, если договором не предусмотрено иное. Вместе с этим автор, в случае если работодатель начнет пользоваться своим исключительным правом на служебное произведение, имеет право получить за него вознаграждение.

Характерной особенностью данного права является тот факт, что оно достаточно сильно зависит от сроков. Так, только в случае если работодатель в течении трех лет с момента создания произведения воспользуется исключительным правом, автор обладает правом на вознаграждение за служебное произведение. Если данный срок превышен, то автор произведения возвращает себе исключительное право. Исключением из данного правила является случай, когда работодателем было принято решение сохранить служебное произведение в тайне. Тогда автор произведения имеет право на вознаграждение вне зависимости от сроков.

Размер вознаграждения может быть определен договором между автором произведения и работодателем или судом.

Договор, определяющий размер вознаграждения, может быть как трудовым, так и гражданско-правовым. Так, в некоторых трудовых договорах указывается, что вознаграждение за использование служебного произведения включено в зарплату [6, с.157].

Поскольку право на вознаграждение за служебное произведение напрямую связано с получением автором материальной выгоды, данное право должно относиться к исключительным правам. Однако в ГК РФ указано, что право на вознаграждение не может быть отчуждено и не переходит по наследству, что является признаками личного неимущественного права. Таким образом, данное право достаточно сложно классифицировать, но наиболее целесообразно рассматривать право на вознаграждение за служебное произведение как личное неимущественное право автора, поскольку оно достаточно сильно связано с личностью автора, а понятие «иные права автора» в современном гражданском законодательстве не раскрыто [5, с.111].

Рассмотрев способы осуществления личных неимущественных прав автора можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что каждому праву была посвящена соответствующая статья в ч. 4 ГК РФ, нельзя сказать, что все они подробно раскрыты в современном законодательстве. Так, например, возникают вопросы о том ведет ли осуществление автором отзыва произведения к расторжению договора на его использование, поскольку в законодательстве это нигде не указывается. Также несмотря на факт того, что личные неимущественные права непосредственно связаны с личностью автора и не могут быть отчуждены или переданы другому лицу, некоторые из этих прав могут быть осуществлены после смерти автора его наследниками (право на обнародование, право на неприкосновенность произведения и т.д.). Из всего вышесказанного следует, что в современном гражданском законодательстве закреплены способы осуществления личных неимущественных прав, однако они не конкретизированы, что вызывает сложности с их реализацией.

Обобщая все вышесказанное в данной работе, можно сделать следующие выводы.

В современном гражданском законодательстве не раскрыто понятие «личные неимущественные права автора». В ГК РФ нет четкого определения данного понятия и исчерпывающего перечня прав, которые бы к нему относились. Говоря о классификации личных неимущественных прав автора, необходимо отметить, что законодатель не предусмотрел в ч. 4 ГК РФ легальной классификации. Также единая классификация данных прав отсутствует и в доктрине. Наиболее удачной, по нашему мнению, является классификация, предложенная Лутковой О.В., в которой выделяются следующие права автора: право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения, право на вознаграждение за служебное произведение, право на отзыв.

Несмотря на то, что способы осуществления личных неимущественных прав автора были закреплены в ГК РФ, они не были в полной мере раскрыты. В частности, было указано, что законодатель не связал осуществление права на отзыв произведения и расторжение договора на его использование. Также вопросы возникают с возможностью наследников автора осуществлять его личные неимущественные права. Это противоречит природе указанных прав, однако в ГК РФ эта возможность была закреплена. Например, лицо, обладающее исключительными правами на произведение, может обнародовать его даже после смерти автора, если это не противоречит его воле.

Подводя итог, стоит отметить, что в современном гражданском законодательстве в сфере личных неимущественных прав автора имеется большое количество противоречий и пробелов. Это вызывает сложности не только в разработке доктрины, но и при осуществлении данных прав на практике. В связи с этим в ч. 4 ГК РФ требуется внести большое количество изменений и дополнений, чтобы механизм осуществления личных неимущественных прав автора можно было бы назвать эффективным.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2014. Выпуск №31. – Ст. 4398.
2. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900493/>, свободный (дата обращения: 08.10.2021) - Загл. с экрана.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
4. Закон РФ "Об авторском праве и смежных правах" от 09.07.1993 N 5351-1 [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2238/, свободный (дата обращения: 08.10.2021) - Загл. с экрана.
5. Луткова О.В. Классификация неисключительных прав в Гражданском кодексе РФ в контексте статуса иностранного автора // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-neisklyuchitelnyh-prav-v-grazhdanskom-kodekse-rf-v-kontekste-statusa-inostrannogo-avtora>, свободный (дата обращения: 08.10.2021) - Загл. с экрана.
6. Рязанова В.В. Проблемы реализации права на вознаграждение за служебное произведение // Юридический вестник Самарского университета. 2018. №3. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-prava-na-voznagrashdenie-za-sluzhebnoe-proizvedenie>, свободный (дата обращения: 08.10.2021) - Загл. с экрана.
7. Гончаренко, Л. И. Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности : учебник / Л. И. Гончаренко, И.А. Кулешова, О.В. Лосева [и др.] ; под ред. проф. Г.Ф. Ручкиной. — Москва : ИНФРА-М, 2021. 320 с.
8. Драгунова С.А., Седашкина Т.И. Право на неприкосновенность произведения: особенности и международно-правовые истоки формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №11. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-neprikosnovennost-proizvedeniya-osobennosti-i-mezhdunarodno-pravovye-istoki-formirovaniya>, свободный (дата обращения: 08.10.2021) - Загл. с экрана.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) "О судебной практике по делам о наследовании" [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/, свободный (дата обращения: 08.10.2021) - Загл. с экрана.
10. Ковалев М.Б. Право на обнародование и отзыв произведения // Вестник СГЮА. 2019. №5 (130). [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-obnarodovanie-i-otzyv-proizvedeniya>, свободный (дата обращения: 08.10.2021) - Загл. с экрана.
11. Рязанова В.В. Право на отзыв по российскому и иностранному законодательству // Юридический вестник Самарского университета. 2017. №1. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-otzyv-po-rossiyskomu-i-inostrannomu-zakonodatelstvu>, свободный (дата обращения: 08.10.2021).

Д.В. Иванова

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Определение перспектив развития права интеллектуальной собственности требует первоначально исследования мировых тенденций, в целом отражающих процессы в данной области. Автор выделяет поколения прав интеллектуальной собственности, которые формировались в процессе исторического развития. В современной системе права интеллектуальной собственности Республики Беларусь, так же отражающей третье поколение, как и во всем мире, наблюдается выделение общей и особенной части рассматриваемой подотрасли.

По историческим сведениям, первым официально зарегистрированным белорусским изобретением был снаряд для выпаривания сахарного сиропа посредством паров на плоских покато установленных поверхностях, привилегия № 61 на который была выдана Минской губернией пинскому поветовому маршалу Скирмунту 10 декабря 1830 г. на 10 лет [1, с. 65]. С тех пор система права интеллектуальной собственности прошла серьезный путь и приобрела современный вид. Однако, в связи с активным развитием данной сферы в настоящее время специалисты обсуждают вопрос дальнейших перспектив развития права интеллектуальной собственности в целом и его системы в частности.

По мнению исследователя генезиса категорий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» в теории права XVIII – нач. XX в. Л. А. Алехиной, на формирование правового регулирования творческой деятельности в тот период повлияло три фактора. Во-первых, воспринятые общественным сознанием ценности эпохи Просвещения, ориентирующие на возрастающую потребность в информации. Во-вторых, развитие экономической теории, сформулировавшей общее понятие «рынка интеллектуальных продуктов». В-третьих, возникновение романтической концепции авторства, культивировавшей понятие творческой индивидуальности [2, с. 6]. Влияние последнего фактора исследователь объясняет тем, что представители творческих профессий занимались вопросами авторского права не меньше, чем профессиональные юристы. Они обосновывали феномен творчества и индивидуальности автора, выражались образно, стремились не к соблюдению юридической техники при написании текста закона, а к понятному и литературному объяснению феномена авторского права.

В своем развитии права интеллектуальной собственности прошли три поколения. Первое поколение прав интеллектуальной собственности – это права авторов и издателей, изобретателей и коммерсантов XVIII-XIX вв. Так, для правовой охраны товарного знака во многих странах были приняты соответствующие законы: в 1857 г. — во Франции, в 1868 г. — в Италии, в 1881 г. — в США, в 1883 — в Англии, в 1894 г. — в Германии. В Российской империи первый закон «О товарных клеймах» был принят еще в 1830 г. Он обязал всех владельцев фабрик (бумажных, шляпных, суконных и др.) клеймить свои изделия. Подделка чужого клейма была уголовно наказуема. А в 1896 г. в силу вступил новый закон «О товарных знаках (фабричных и торговых марках и клеймах)». Согласно этому закону товарными знаками назывались «всякого рода обозначения, выставляемые промышленниками и торговцами на товарах или на упаковке и посуде, в коих они хранятся, для отличия оных от товаров других промышленников и торговцев».

Регистрация товарных знаков происходила в Министерстве торговли и промышленности. Согласно закону, исключительное право на товарный знак предоставлялось владельцу сроком на 10 лет, затем его можно было возобновить на некоторых условиях. Уступить товарный знак владелец мог только вместе с передачей своего производства или предприятия.

Исследовав возникновение института интеллектуальной собственности в России, О. Ф. Рубин пришел к выводу, что именно отсутствие необходимых социальных условий, жесткость цензурного законодательства, государственная монополия на книгоиздательское дело, отсутствие на начальном этапе правового регулирования отношений между авторами и издателями послужили причиной более позднего возникновения и развития института интеллектуальной собственности в России по сравнению с Западной Европой [3, с. 10, 17].

Первое поколение прав было представлено в основном имущественными правами, определение, содержание и реализация которых происходили в условиях низкой степени развития правового регулирования соответствующих общественных отношений. Отсутствовала или только зарождалась система совокупности норм в данной сфере, а также этот период характеризовался национальным подходом к формулированию содержания и условий реализации прав интеллектуальной собственности и предоставлению исключительно уголовно-правовых инструментов защиты названных прав.

Второе поколение – это единообразная во всем мире система прав интеллектуальной собственности, сформированная под влиянием международных договоров, начиная с Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. и Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. (XX в.).

Второе поколение прав представлено как имущественными, так и личными неимущественными правами, определение, содержание и реализация которых происходили в условиях формирования единообразия правового регулирования общественных отношений в сфере интеллектуальной собственности, обусловленного разработкой и принятием международных соглашений в данной области. Оно выражалось в построении системы права интеллектуальной собственности, включающей как минимум традиционные институты авторского права, патентного права и правовой охраны товарных знаков, а также характеризовалось появлением и развитием гражданско-правовых способов и мер защиты прав интеллектуальной собственности.

Сегодня идет формирование системы права интеллектуальной собственности третьего поколения. Значительное влияние на систему интеллектуальной собственности последнего поколения оказывают современные информационные технологии.

Предоставление третьего поколения прав происходит на основе устоявшихся подходов к регулированию общественных отношений в исследуемой сфере. Однако при этом ускоряющиеся процессы эволюции системы права интеллектуальной собственности предполагают усложнение системы объектов, видов и содержания прав на объекты интеллектуальной собственности, структуры и системных связей права интеллектуальной собственности.

Современная система права интеллектуальной собственности Республики Беларусь формировалась в части своих фундаментальных положений в основном в конце 90-х годов XX века. Для того времени это был прорыв в регулировании группы сложнейших общественных отношений, связанных с созданием результатов творческой деятельности и приравненных к ним объектов. После известных событий право интеллектуальной собственности, находясь в ситуации, когда требуется быстро компенсировать то, что было упущено

за прошедшее время, вернулось в некоторой степени назад в то русло, которое было положено знаменитыми дореволюционными цивилистами А. А. Пиленко, К. П. Победоносцевым, Г. Ф. Шершеневичем и другими. В результате система права интеллектуальной собственности оформилась в том виде, который мы с некоторыми изменениями той или иной степени значительности имеем сегодня.

Качественно однородные институты, взаимосвязанные общими положениями, составляют подотрасль – право интеллектуальной собственности. Образующей подотрасль является группа общественных отношений, связанных объектами определенного характера – нематериального. Однако количество и перечень объектов, охраняемых правом интеллектуальной собственности, не остается стабильным. Самостоятельность рассматриваемой подотрасли, структура и даже название не находят однообразного подхода в литературе.

Почему нам так важно определиться с уровнем, который занимает право интеллектуальной собственности в системе гражданского права? Пандектная система гражданского права предопределила своеобразное проявление принципов иерархичности и структурности как в самом гражданском праве, так и его суперинститутах и подотраслях, включая право интеллектуальной собственности. Наличие общей части, где сосредоточены положения о предмете и принципах гражданского права, составе гражданского законодательства, действии гражданско-правовых норм во времени, лицах, объектах гражданских прав, сделках, обязательствах, договорах, гражданско-правовой ответственности и т. д. В то же время при определении структурного уровня и места права интеллектуальной собственности в системе гражданского права мы не можем опереться на исторически сложившуюся систему гражданского права, поскольку пандектной (германской) системе в отличие от «классических» подотраслей: общие положения, вещное право, обязательственное право, наследственное право, – были неизвестны положения о правах на результаты интеллектуальной деятельности и прочие приравненные к ним объекты.

Большинство цивилистов соглашается с тем, что несколько институтов, объединенных общим предметом – имущественными и личными неимущественными отношениями, возникающими по поводу результатов интеллектуальной деятельности и иных подобных нематериальных объектов, – в совокупности представляют собой подотрасль гражданского права.

Известно, что подотрасль объединяет группу однородных общественных отношений в рамках отрасли права, обладающей своим предметом и методом правового регулирования. Предметом права интеллектуальной собственности являются имущественные и личные неимущественные отношения, что характерно в целом для гражданского права. Наличие отдельных групп отношений административного, организационного или процессуального характера в целом не влияет на принадлежность отношений, связанных с результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним объектами, к предмету гражданского права. Очевидно, что однородность рассматриваемых отношений определяется по двум признакам: объект этих отношений и характер основного имущественного права, предоставляемого субъекту на этот объект.

Соответственно, можно предположить, что все объекты права интеллектуальной собственности обладают некими общими свойствами или признаками. Причем эти признаки в то же время не вступают в противоречие с различными схемами правового регулирования в сферах авторского права и смежных прав, авторского права и права промышленной собственности и т.д. Вопрос выделения признаков объектов права интеллектуальной собственности исследовался многими авторами. Однако, чаще всего, внимание уделялось особенностям объектов отдельных институтов и субинститутов права интеллектуальной собственности или же особенностям отдельных объектов. Такой подход подчеркивает отличия между

объектами и не всегда позволяет увидеть, что же их объединяет. Объекты права интеллектуальной собственности имеют нематериальную природу. Этот признак представляется наименее спорным, поскольку его называют практически все исследователи вопроса. Нематериальный характер объектов интеллектуальной собственности подчеркивался И. А. Блинецом, О. А. Городовым, В. А. Дозорцевым, В. О. Калятиным, А. П. Сергеевым, В. Ф. Чигиром и другими учеными.

Идеальность или нематериальность объектов интеллектуальной собственности обусловлена характером деятельности, результатом которой они являются, а именно тем, что эта деятельность является интеллектуальной. Среди названных объектов законодатель различает результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Разделение в законодательстве всех объектов интеллектуальной собственности на эти две группы, на первый взгляд, приводит к выводу о том, что средства индивидуализации не являются продуктом интеллектуальной деятельности. В то же время нематериальный характер свойственен равным образом и первым, и вторым. По-видимому, юридически безразлично являются ли средства индивидуализации результатами интеллектуальной деятельности. Значение формулировки, принятой в законодательстве, состоит в том, что существуют иные средства индивидуализации, но они не «приравнены» и не имеют правового статуса результатов интеллектуальной деятельности. В качестве примера таких иных средств индивидуализации можно привести доменные имена, хотя их правовая природа также является предметом ожесточенных научных споров. В настоящий момент с точки зрения действующего законодательства они не являются объектами интеллектуальной собственности.

Особенностью исследуемой группы норм является предоставление субъекту особого имущественного права на соответствующий объект – исключительного права. Права, относящиеся к такой группе гражданских прав как исключительные, не встречаются в других подотраслях гражданского права. Особые характеристики исключительного права позволяют ученым-цивилистам говорить о самостоятельном положении этой группы наряду с группами вещных и обязательственных прав.

Приемы правового регулирования, применяемые в праве интеллектуальной собственности, в целом находятся в рамках метода гражданского права.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что право интеллектуальной собственности следует рассматривать как подотрасль гражданского права, обособляющуюся, во-первых, по кругу охраняемых объектов, основным признаком которых является их нематериальность, во-вторых, по характеру имущественного права на эти объекты, в-третьих, по приемам правового регулирования (в рамках общего гражданско-правового метода), и, в-четвертых, по ряду принципов, свойственных только данной подотрасли гражданского права.

В. И. Кудашов отмечает, что интеллектуальная собственность включает две основные сферы прав: право промышленной собственности и авторское право, в которое входит также охрана смежных прав [4, с. 8]. При освещении вопросов права промышленной собственности автор раскрывает особенности правовой охраны таких объектов как изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания, фирменные наименования, топологии интегральных микросхем, сорта растений, рационализаторские предложения, коммерческая тайна, ноу-хау и, наконец, недобросовестная конкуренция.

Е. Б. Леанович указывает на традиционное выделение авторского права и права промышленной собственности в рамках самой интеллектуальной собственности. За рамками

этих институтов, но тем не менее, в пределах интеллектуальной собственности находится также институт пресечения недобросовестной конкуренции в области интеллектуальной собственности и институт коммерческой тайны. Исследователь не соглашается с выделением в особый институт охраны нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности норм, касающихся топологий интегральных микросхем и селекционных достижений [5, с. 20-21].

Т. М. Халецкая выделяет четыре института подотрасли интеллектуальной собственности по двум основаниям – общность интеллектуальной собственности и сложившаяся система источников права: институт авторского права и смежных прав, институт патентного права, институт средств индивидуализации участников гражданского оборота и произведенной ими продукции (работ, услуг), институт охраны нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности. Автор не группирует эти институты в более обширные группы, обосновывая это тем, что каждый из них имеет присущие именно данному институту черты, задачи и принципы. К последнему институту отнесены топологии интегральных микросхем, селекционные достижения и рационализаторские предложения [6, с. 12-13]. Трудно согласиться с автором, что эти объекты интеллектуальной собственности имеют общие черты, или какое-либо единство источников права, регулирующих связанные с ними отношения. Также требуется дополнительное обоснование включения в институт права интеллектуальной собственности такого объекта как рационализаторские предложения. В то же время не конкретизировано место секретов производства.

А. Н. Серго считает, что подотрасль интеллектуальной собственности состоит из нескольких институтов, среди которых особо выделяют «авторское право (плюс смежные права) и право промышленной собственности» [7, с. 15]. Однако, он не включает в право промышленной собственности все объекты, не вошедшие в авторское право или смежные права. В отдельные группы выделяет нормы, регулирующие охрану селекционных достижений, топологий интегральных микросхем и секретов производства [7, с. 19].

По нашему мнению, занимая в системе гражданского права положение подотрасли, право интеллектуальной собственности к настоящему моменту включает институты и субинституты такой степени развития, которая позволяет выделить внутри названной системы общую и особенную части.

К общей части права интеллектуальной собственности следует отнести следующие положения: о предмете права интеллектуальной собственности; об основных началах законодательства об интеллектуальной собственности (принципах); о системе права интеллектуальной собственности; о субъектах права интеллектуальной собственности, о субъектах, которые участвуют в отношениях, связанных с правами интеллектуальной собственности, но субъектами прав не являются; об осуществлении имущественных прав, принадлежащих нескольким лицам; о служебных результатах интеллектуальной деятельности; о личных неимущественных правах на результаты интеллектуальной деятельности; об исключительном праве и иных имущественных правах на объекты интеллектуальной собственности; о сроках действия прав; об охранных документах; о признании недействительным предоставления правовой охраны и досрочном прекращении правовой охраны; об ограничениях исключительного права (случаях свободного использования объектов); о субъектах защиты и способах защиты прав на объекты интеллектуальной собственности; об охране личных неимущественных прав после смерти автора; о правовом режиме «общественное достояние» и переходе результатов интеллектуальной деятельности в общественное достояние; о знаках правовой охраны; об охране объектов интеллектуальной собственности в иностранных государствах.

В то же время особенную часть права интеллектуальной собственности формируют следующие институты: авторское право; смежные права; патентное право; правовая охрана средств индивидуализации участников гражданского оборота, их товаров, работ, услуг; правовая охрана сортов растений; правовая охрана топологий интегральных микросхем; правовая охрана секретов производства (ноу-хау); отдельные типы обязательств права интеллектуальной собственности; наследование имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности.

Осуществленное впервые выделение трех поколений прав интеллектуальной собственности и соответствующих им национальных систем права интеллектуальной собственности позволяет определить (проследить) тенденции развития системы права интеллектуальной собственности через смену моделей правового регулирования соответствующих общественных отношений. Выявление закономерностей в процессах смены одной модели системы права интеллектуальной собственности другой моделью дает возможность предсказать направления развития современной системы права интеллектуальной собственности и предложить оптимальные шаги по формированию новой и эффективной системы законодательства в рассматриваемой области.

Предложенная структура из общей и особенной части права интеллектуальной собственности позволит отразить оптимальным образом систему права интеллектуальной собственности, к которой необходимо стремиться в целях построения наиболее эффективного правового регулирования всего комплекса общественных отношений в рассматриваемой сфере. В дальнейшем такая структура предполагает повышение уровня охраны прав и законных интересов участников соответствующих отношений и создание условий для реализации и защиты ими личных неимущественных и имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Колесников, А. П. Проблемы развития изобретательства и охраны интеллектуальной собственности в Российской империи / А. П. Колесников. – М. : Патент, 2009. – 304 с.
2. Алехина, Л. А. Генезис категорий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» в теории права XVIII – начало XX в.: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01, 12.00.03 / Л. А. Алехина. – СПб. : СПбГУ, 2006. – 169 с.
3. Рубин, О. Ф. Государственно-правовая охрана интеллектуальной собственности в России (XIX–начало XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. Ф. Рубин ; Московский ун-т МВД России. – М., 2007. – 26 с.
4. Кудашов, В. И. Интеллектуальная собственность: экономические и организационно-правовые механизмы управления : монография / В. И. Кудашов, Ю. В. Нечепуренко. – Минск : Амалфея : Мисанта, 2013. – 192 с.
5. Леанович, Е. Б. Международная охрана интеллектуальной собственности: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений по юридическим специальностям / Е. Б. Леанович. – Минск : ИВЦ Минфина, 2011. – 400 с.
6. Халецкая, Т. М. Основы управления интеллектуальной собственностью: ответы на экзаменац. вопр. / Т. М. Халецкая. – Минск : ТетраСистемс, 2007. – 128 с.
7. Серго, А. Г. Правовой режим доменных имен и его развитие в гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А. Г. Серго ; ГОУ ВПО «Росс. гос. акад. интеллектуальной собственности». – М., 2011. – 59 с.

А.Д. Иванкович

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БИОТЕХНОЛОГИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье затрагивается вопрос, который касается правовой природы такого явления как биотехнология. В процессе исследования автор провел анализ биотехнологии как объекта гражданского права, поскольку она обладает всеми признаками последнего. Биотехнология обладает пространственной и качественной дискретностью, юридической привязкой и системностью. Исходя из системности объектов гражданских прав, следует, что биотехнология – объект права интеллектуальной собственности. Автор установил, что биотехнология является изобретением, поскольку она представляет собой техническое решение, которое является промышленно применимым, также обладает новизной и изобретательским уровнем. В процессе исследования зарубежного опыта автор статьи предложил критерий разграничения между понятиями «открытие» и «изобретение» в сфере биотехнологий. Автор сделал вывод о том, что вмешательство человеческого разума создает «искусственное положение дел». Поэтому критерием могут являться степень воздействия или степень вмешательства человеческого разума в «естественное положение дел».

Человечеству с давних времен известны технологические процессы в производстве с использованием микроорганизмов или их ферментов. Например, микроорганизмы широко использовались и используются в производстве вина, сыра и т.д. Однако появлению и развитию собственно биотехнологий способствовали следующие события: открытие биологического катализа петербургским биохимиком К. С. Кирхгофом в 1814 г., и регистрация первого патента на использование ферментных препаратов в промышленных целях японским биохимиком Дз. Такаmine в 1891 г. в США [1].

В настоящее время биотехнологии используются во многих сферах человеческой деятельности: в пищевой промышленности, в сельском хозяйстве, в медицине, в экологии, в фармацевтике и в иных сферах. Есть множество преимуществ в их использовании, например, при внедрении биотехнологий в производство можно повысить урожайность сельскохозяйственных культур или продуктивность животных, объемы производства продовольствия. Также, развитие и внедрение биотехнологий положительно сказывается на экологической ситуации, ведет к ослаблению негативного воздействия человека на окружающую среду, способствует ликвидации последствий техногенных катастроф, загрязнения почвы, воды, атмосферы, недр и т.д. [2].

Поскольку биотехнология является одним из важнейших технологических прорывов второй половины XX века, то она, соответственно, оказала большое влияние и на законодательство многих государств. Особенно биотехнология оказала большое влияние на патентную систему.

Как и в других областях техники, биотехнологические изобретения нуждаются в правовой защите. Такие изобретения являются порождением человеческого разума так же, как и другие изобретения, и, как правило, являются результатом исследований, изобретательских усилий и инвестиций в эти исследования. Обычно предприятия, занимающиеся исследованиями, вкладывают средства только при наличии правовой защиты результатов их исследований. Как и в случае с другими изобретениями, существует очевидная потребность в охране биотехнологических изобретений не только в интересах изобретателей и их нанимателей, но и в интересах общества, чтобы способствовать техническому прогрессу.

Цель настоящей работы – выявить правовую природу биотехнологии.

Правовая природа какого-либо явления представляет собой вопрос об отраслевой принадлежности норм, которыми отношения регламентируются с целью определить, какие нормы «ответственны» за регулирование данной группы общественных отношений [3].

Прежде всего, стоит рассмотреть биотехнологию в качестве объекта гражданского права. В соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага [4]. Таким образом, в ГК отражена концепция множественности объектов гражданских правоотношений. Теперь стоит рассмотреть определение объекта гражданских прав, данное цивилистами, а также рассмотреть признаки объекта гражданских прав.

Объект правоотношения – то, на что правоотношение воздействует, говоря иными словами это то, на что субъективные права и обязанности сторон правоотношения воздействуют. Под объектом правоотношения стоит понимать то материальное или нематериальное благо, в котором заключается интерес его участников и на достижение которого направлены их действия [5, с. 85]. Также, следует дополнить, что объектами гражданских правоотношений являются не только сами материальные и нематериальные блага, но и процесс их создания.

В современной юридической литературе имеется распределение объектов гражданских правоотношений следующим образом: 1) имущественные блага (вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права); 2) неимущественные блага, связанные с имущественными (объекты интеллектуальной собственности, а также исключительные права на данные объекты, информация, служебная и коммерческая тайна, работы и услуги); 3) неимущественные блага, связанные с личностью (жизнь, здоровье, честь и достоинство личности, личная неприкосновенность, личная тайна, семейная тайна и т.п.) [5, с. 284].

В юридической доктрине признаки объектов гражданских прав характеризуются такими категориями как дискретность, юридическая привязка и системность [6, с. 105].

Дискретность – это качественная, а также физическая и учётная определённости и обособленность от всех других объектов. Различаются пространственная и качественная дискретность. Под пространственной дискретностью понимается наличие определённых внешних пространственных границ, и в особых случаях установления границ при помощи методов и способов учёта. Качественную дискретность следует понимать как способность удовлетворять индивидуальные потребности или социальные потребности носителей субъективного права [6, с. 105–106]. В данном случае биотехнология обладает данным признаком. Как обоснование можно рассмотреть трансгенных животных, например, свиньи с человеческими генами, которые были выведены в качестве доноров человеческих органов. Свиньи с человеческими генами имеют явно выраженные пространственные границы, а также физические параметры, которые подлежат измерению и учёту (рост, вес, длина, ширина и др.). В данном случае была описана пространственная дискретность. Качественная дискретность выражается в том, что данные свиньи являются донорами человеческих органов, что несомненно удовлетворяет как и индивидуальные потребности носителей субъективного права (потребность в охране жизни и здоровья отдельного индивида), так и социальные (вспомогательные репродуктивные технологии, проведение анализов, клинических исследований).

В юридической литературе встречается и иное мнение по поводу дискретности. Согласно нему дискретность – имение у объекта гражданских прав такой степени индивидуализации, которая позволяет выделить его среди других объектов гражданских правоотношений [6, с. 106]. К примеру, та же самая свинья с человеческими генами имеет достаточную степень индивидуализации, которая позволяет выделить ее среди других видов тех же свиней.

Юридическая привязка определяется как нормативно гарантированная возможность правового закрепления объектов гражданских прав за субъектами гражданского права, а именно за физическими лицами, организациями, Республикой Беларусь и ее административно-территориальными единицами. При этом важно подчеркнуть, что одни блага являются объектами гражданского права в силу указания закона, когда другим благам нужна специальная квалификация в качестве объекта, т.е. признание соответствия определенным в законе характеристикам [6, с. 106]. В данном случае законодательство Республики Беларусь закрепляет ряд прав в отношении биотехнологии, таким образом, признавая наличие юридической привязки.

Примером вышесказанного служит пункт 3 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2011 г. № 119, в котором закреплена правовая охрана в отношении таких продуктов как вещество, штамм микроорганизма, культура клеток растений или животных, другой биотехнологический продукт, а также техническое решение в любой области относящееся к способу [7]. Все ранее указанное относится к изобретению, следовательно, раз можно получить на это изобретение патент, то это и будет являться юридической привязкой, поскольку права закрепляются за определенным субъектом гражданского права.

Системность объектов гражданских прав определяется следующими категориями: первая категория – интегрированность правовой идеи в систему основных категорий права; вторая категория – системное построение самой категории объектов [6, с. 109]. Система объектов гражданских правоотношений формируется в правовой общности как совокупность признаваемых и допускаемых благ, по отношению к которым возникают общественные отношения, которые входят в предмет гражданского права. Возвращаясь к той же статье 128 ГК можно обнаружить, что среди видов объектов гражданских прав имеются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг. А, как известно, в права на результаты интеллектуальной деятельности входят авторское право; права, смежные с авторскими; патентное право; право на секрет производства; нетрадиционные объекты. Далее будет идти речь о биотехнологии как об объекте права интеллектуальной собственности.

Как уже описывалось выше, среди объектов прав интеллектуальной собственности можно обнаружить патентное право. Объектами патентных прав являются технические решения (изобретения и полезные модели) и художественные решения (промышленные образцы) [8]. Биотехнологию стоит рассмотреть с точки зрения, согласно которой биотехнологию следует считать изобретением. Для выявления правовой природы биотехнологии следует рассмотреть понятие «изобретение», признаки изобретения, рассмотреть, что можно считать изобретением и чем изобретение отличается от открытия.

Согласно законодательству Республики Беларусь изобретением признается техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу, а также к применению продукта или способа по определенному назначению, которое является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо [9]. Техническое решение –

устройство, сооружение, изделие, которое является конструктивным элементом или их совокупностью, находящихся в функционально-конструктивном единстве; способ, процесс выполнения взаимосвязанных действий над материальным объектом и с помощью материальных объектов; вещество, искусственно созданное материальное образование, являющееся совокупностью взаимосвязанных элементов, ингредиентов.

Согласно статье 2 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», под новизной понимается то, что изобретение не является частью уровня техники. Изобретение обладает изобретательским уровнем, если оно для специалиста явным образом не следует из уровня техники. Изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других сферах деятельности. В свою очередь уровень техники включает любые сведения, ставшие общедоступными в мире до даты приоритета изобретения [9].

Согласно все тому же Закону, изобретениями не считаются открытия, а также научные теории и математические методы; решения, которые касаются только внешнего вида изделия и которые направлены на удовлетворение эстетических потребностей; планы, правила и методы интеллектуальной деятельности, проведения игр или осуществления деловой деятельности, программы для электронно-вычислительных машин; простое представление информации [9]. А также следует упомянуть, что сортам растений и породам животных, правовая охрана предоставляется при условии выдачи патента, а также методы оказания медицинской помощи и изобретения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали не признаются патентоспособными.

Биотехнология является изобретением исходя из признаков последнего. Изобретение – это техническое решение, в свою очередь биотехнология также является техническим решением, которое может относиться как к продукту, так и к способу, а также к применению продукта или способа по определенному назначению. Примером этому служит патент № 3248 от 30.03.2000 на биоактивный продукт, полученный из торфа, способ его получения, композиция на его основе и способы получения фармацевтической композиции в виде геля и в виде мази, выданный в Республике Беларусь.

Техническое решение должно быть промышленно применимо. Любая биотехнология является промышленно применимой, т.е. может быть использована в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других сферах деятельности. Примеров использования биотехнологий в различных сферах деятельности масса. На данный момент биотехнология является важным направлением в промышленности и имеет важное макроэкономическое значение.

Сегодня самые развитые государства уделяют развитию биотехнологии большое значение. Во всех ведущих странах мира разработаны и действуют национальные и международные программы по биотехнологии, которые финансируются государственным и частным капиталом. Практическое использование результатов научных исследований в области биотехнологии превратилось в средство рыночной политики [10].

Однако правовая охрана распространяется и на полезную модель, которая также является промышленно применимой. Промышленными моделями могут быть только технические решения, относящиеся к устройствам [9]. Здесь важно упомянуть, что способ не может являться устройством, следовательно, не может считаться полезной моделью, а также ряд продуктов, например, штамм микроорганизмов не подпадает под определение «устройство». Следовательно, биотехнология не может относиться к полезным моделям. Хотя если опираться на зарубежный опыт, то можно увидеть несколько иную картину. Например,

во Франции в качестве полезной модели можно запатентовать те же объекты, что и для изобретения, а именно: продукт, процесс, новое применение продукта или процесса [11].

Что касается новизны и изобретательского уровня, то потенциально любая разработанная биотехнология обладает такими признаками, что позволяет отнести ее к изобретению.

Однако по поводу изобретательского уровня или очевидности часто ведутся споры. Биopatенты нередко оспариваются на основании того, что они являются притязанием на очевидные пожелания и представляют собой стремление монополизировать любой путь решения известной задачи. Если опираться на зарубежную практику, то можно увидеть, что суды не склонны признавать изобретательский уровень в биотехнологиях в случаях, когда для достижения желаемых целей использованы известные методики [12, с. 63]. Здесь стоит выявить грань, когда биотехнология будет считаться открытием, а когда она будет считаться изобретением. Патентоспособным является именно изобретение, а не открытие, хотя грань между двумя понятиями не всегда можно определить. Продукт, который создал либо модифицировал человек не всегда можно признать изобретением без значительных оговорок.

Под открытием можно понимать установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, вносящих коренные изменения в уровень познания [13]. Грубо говоря, «открытие» означает обнаружить то, что уже существует в окружающем человека мире. В свою очередь для характеристики предмета изобретения обычно употребляются такие термины, как «техническая задача», «техническое решение задачи», «техническая сущность», «технические признаки», «технический результат» или т. п. Также, изобретение – это прежде всего результат, полученный по итогам интеллектуальной деятельности. Интеллектуальная деятельность представляет собой деятельность, которая направлена на создание нематериальных благ в различных сферах, таких как наука, искусство, литература или другие творческие сферы. Таким образом, это мыслительная, познавательная, творческая деятельность, главной чертой которой является умственный труд. Еще одной важной чертой «изобретения» является направленность на решение технической задачи. Если грубо обобщить, изобретение – создать то, чего не существует в окружающем человека мире.

Рассматривая сферу биотехнологий, можно увидеть, что в некоторых случаях понятия «изобретение» и «открытие» «смешиваются», не имеют четкой границы, либо игнорируются. Для выявления этой грани стоит обратиться к зарубежному опыту.

Согласно Закону «О патентах США», «изобретение» означает изобретение или открытие, а далее указывается, что всякий, кто изобретет или откроет новый и полезный процесс, механизм, изделие, вещество или какое-либо новое и полезное их улучшение, может получить патент [14]. Исходя из этого, можно понять, что четкого разграничения между понятиями «изобретение» и «открытие» в американском законодательстве нет.

На практике мы можем увидеть, что в 1998 г. Патентным ведомством США определено следующее: если в заявке на изобретение раскрыта «подлинная функция» фрагментов генов, то они являются патентоспособными, при этом в Патентное ведомство поступали заявления, где утверждалось, что гены представляют собой открытия, а не изобретения, поэтому на них не должны выдаваться патенты. Однако Патентное ведомство США отклонило указанные возражения, ссылаясь на то, что, принимая Закон «О патентах», Конгресс США санкционировал выдачу патента лицу, которое именно «изобретет или откроет» новое и полезное вещество и т. д. [13]. Тем не менее, судебная практика последних лет показывает несколько иной подход в представлениях о патентоспособности открытий.

Следует рассмотреть дело Association for Molecular Pathology, et al. v. Myriad Genetics, Inc., et al. 569 U.S. 12- 398. Ассоциация молекулярной патологии вместе с несколькими

другими медицинскими ассоциациями, врачами и пациентами подали в суд на USPTO и Myriad Genetics, чтобы оспорить несколько патентов, связанных с генами человека. Патенты охватывают гены BRCA1 и BRCA2 и определенные мутации, которые указывают на высокий риск развития рака груди. Иск также оспаривал несколько патентов на методы, касающихся диагностического скрининга генов. Myriad утверждал, что если ген изолирован и, следовательно, отличен от других генов, он может быть запатентован. Запатентовав гены, Myriad получила исключительный контроль над диагностическим тестированием и дальнейшими научными исследованиями генов BRCA. Истцы утверждали, что патентование этих генов нарушает §101 Закона «О патентах», поскольку они являются продуктами природы. Они также утверждали, что патенты ограничивают научный прогресс. § 101 ограничивает патенты «любыми новыми и полезными процессами, машинами, производствами или составами материалов, или любыми новыми и полезными их усовершенствованиями» [15].

Окружной суд вынес решение в пользу истцов, в котором было изложено, что изоляция гена не меняет его естественных фундаментальных качеств. После Апелляционный суд отменил это постановление, заявив, что изолированные гены химически отличаются от их естественного состояния в организме человека. В итоге Верховный суд США отменил решение Апелляционного суда в части, касающейся признания действительными патентов на гены BRCA1 и BRCA2, и запретил патентование естественной ДНК, включая отдельные изолированные гены. Верховный суд США постановил, что природные последовательности генов и их природные производные продукты не подлежат патенту. Суд также постановил следующее: создание нового продукта в лаборатории исключает этот продукт из категории «природных» [15]. Таким образом, последовательности генов, которые усовершенствованы при помощи синтетических процессов для создания молекул, не встречающихся в природе, имеют право на получение патента.

Схожий подход можно наблюдать в деле *Cancer Voices Australia v Myriad Genetics Inc*, которое проходило в Австралии и в результате которого было также вынесено решение о возможности патентования человеческого гена [16]. Истцы, представители *Cancer Voices Australia* и Ивонн Д'Арси, пережившая рак груди, оспаривали действительность патента все той же компании Myriad на том основании, что выделенный ген был продуктом природы и, следовательно, не может являться изобретением, т.к. нет существенных отличий между изолированным и встречающимся в природе геном. В мотивировочной части судья повторил аргументы американских коллег по более ранним решениям по делу Myriad в пользу такого патентования [17]. В итоге Суд поддержал патент Myriad.

Однако спустя несколько лет Верховный суд Австралии отменил данное решение. Суд постановил, что ключевая часть гена – информация, которая в нем хранится, а не его физическая структура. Это позволяет сделать вывод о том, что он не является изобретением по смыслу австралийского патентного законодательства. Изолированный фрагмент ДНК не может быть защищен патентом, т.к. он не теряет своего естественного происхождения после выделения его из человеческого организма. По итогу в рамках австралийской судебной практики сформировался подход, исходя из которого человеческий ген, будь то изолированный ген или ген, не выделенный из организма человека, не может быть запатентован ни при каких обстоятельствах.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Биотехнология – это объект гражданского права, поскольку обладает рядом признаков объекта гражданских правоотношений: дискретностью, юридической привязкой и системностью.

2. Биотехнология – изобретение, поскольку она является промышленно применимым техническим решением, обладает новизной и изобретательским уровнем.

3. Право на биотехнологию относится к исключительным правам на результаты интеллектуальной деятельности: биотехнология является изобретением, соответственно, подпадает под действие патентного права.

4. Грань между понятиями «открытие» и «изобретение» в сфере биотехнологий целесообразно определять через степень воздействия или степень вмешательства человеческого разума в «естественное положение дел», поскольку выделение биологического материала требует значительных исследований, материальных средств и интеллектуальных усилий.

Список источников

1. Киселев, А. С. История биотехнологий и прогноз развития высокотехнологичной медицинской помощи с учетом долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года (обзор) / А. С. Киселев // Сеченовский вестник. – 2013. – № 3(13). – С. 41–47.
2. Стрельцова, Е. Патентная активность в сфере биотехнологий / Екатерина Стрельцова // ФОРСАЙТ. – 2014. – Т. 8. № 1. – С. 52–65.
3. Комиссарова, Е. Г. Формально логические аспекты понятия «Правовая природа» / Е. Г. Комиссарова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2(16). – С. 23–28.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 18.12.2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 15.09.2021.
5. Гражданское право: Учебник. В 3 т. / Под ред. В.Ф. Чигир. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп.- Минск, 2007. – 611 с.
6. Трубина, В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В. А. Трубина // . – Москва, 2020. – 219 л.
7. Об утверждении Положения о порядке составления заявки на выдачу патента на изобретение, проведения по ней экспертизы и принятия решения по результатам экспертизы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2011 г., № 119 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21100119>. – Дата доступа: 15.09.2021.
8. Цыза, А. Г. Об объектах патентных прав в сфере науки и инноваций / А. Г. Цыза // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3(25). – С. 328–331.
9. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002, № 160-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
10. Камаева, А. А. Анализ патентных прав на интеллектуальный потенциал перспективных для биотехнологического производства штаммов микроорганизмов / А. А. Камаева, М. Ж. Суюндуков, К. Д. Закарья, К. Х. Алмагамбетов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 8 (часть 2) – С. 13–16.
11. Code de la propriété intellectuelle [Электронный ресурс] :1 июля 1992 г. : в ред. от 01.09.2021 // Légifrance - le service public de l'accès au droit. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069414/LEGISCTA000006146364/. – Дата доступа: 15.09.2021.
12. Орешкин, В. А. Патентная охрана биологического (генетического и трансгенного) материала дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В. А. Орешкин // . – Москва, 2004. – 160 л.
13. Салицкая, Е. А. Разграничение понятий «изобретение» и «открытие» в контексте правовой охраны достижений в области генной инженерии / Е. А. Салицкая // Управление наукой и наукометрия. – 2016. – С. 104–121.

14. Cornell Law School [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35>. – Дата доступа: 15.09.2021.
15. Association for Molecular Pathology, et al. v. Myriad Genetics, Inc., et al. 569 U.S. 12- 398 (2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-398_1b7d.pdf. – Дата доступа: 15.09.2021.
16. Cancer Voices Australia v Myriad Genetics Inc (2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2333294. – Дата доступа: 15.09.2021.
17. Пономарева, Д. В. Патентование человеческих генов: судебная практика Соединенных Штатов Америки, Канады и Австралии / Д. В. Пономарева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9(106). – С. 166–173.

А.С. Кириенко

**АСПЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ БИЗНЕСЕ
ПРИ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ НАСТОЛЬНОЙ ИГРЫ «УГАДАЙ, ЧТО Я СДЕЛАЮ?»**

Статья посвящена результатам исследования вопросов обеспечения прав на интеллектуальную собственность при коммерциализации технологического бизнеса на примере продвижения настольной образовательной игры, моделирующей создание изделий из материалов с применением игровых конструкций, проецирующих в виртуальном игровом режиме ситуации соревнования между игроками в режиме первенства по созданию изделия.

В настоящее время в условиях глобальной экономики конкуренция все больше основывается на знаниях, особенно в сфере техники и информации. Центральное место в современных теориях роста и развития бизнеса занимают технологические инновации.

В настоящее время успешным в долгосрочной перспективе будет являться технологический бизнес способный предложить клиенту качественный продукт с набором качественных и функциональных характеристик, которые не просто удовлетворяют потребностям потенциально возможной группы клиентов, а способны удивить, восхитить и тем самым привлечь клиентов. Новые технологические продукты, с которыми сталкиваются потенциальные клиенты должны привлекать к себе с первого взаимодействия с ними. Такая привлекательность всегда будет основываться на практических и теоретических основах. Дополнительным положительным эффектом в привлечении клиентов к технологическому продукту является содержание в нем образовательной функции, которая увеличивает полезность продукта для клиента в разы. Соответственно подтверждается утверждение о том, что развитие перспективных направлений предпринимательской деятельности на основе технологического бизнеса должно опираться на технологические инновации, тем самым способствовать глобальному росту и развитию.

В нашей повседневной жизни так или иначе нас повсюду окружает предпринимательская деятельность, стимулирующая экономический рост и может наблюдаться практически в каждом контексте. Уже достаточно давно глобальные компании с крупными отделами исследований и разработок привлекают инженеров-предпринимателей, обладающих способностями в разработке инновационных технологий и коммерциализации этих технологий. Новое поколение инженеров должно быть в состоянии открывать, создавать и использовать новые возможности для бизнеса. Технологии сегодня — это современное знание и инновационные идеи, которые определяют способ производства товаров и услуг. Технологические изобретения — это новые правила и идеи о том, что производить и как это делать [1, с.47].

Технологические инновации появляются, когда новые правила и идеи находят практическое применение благодаря применению и/или коммерциализации предпринимателями. Технологические инновации способствуют более высокому уровню экономического производства и могут предоставлять новые товары и услуги, которые изменяют человеческие жизни и возможности. Технологическое предпринимательство — создание нового бизнеса, в основу устойчивого конкурентного преимущества которого положена инновационная высокотехнологичная (наукоёмкая) идея. От других форм предпринимательства (социального или индивидуального) технологическое предпринимательство отличается

тем, что создание новых продуктов или услуг в этом случае напрямую связано с использованием новейших научных знаний и/или технологий, правами на которые обладает компания-разработчик. Из-за специфики производимых продуктов и услуг — высокоспециализированных знаний в различной форме, — а также используемых наукоемкими фирмами ресурсов — интеллектуального капитала — «производственные процессы» в них серьезно отличаются от процессов производства материальных продуктов и строятся по принципам стартапа [2, с.204].

Все это требует особого внимания к интеллектуальной собственности, на которой базируется любой стартап. Соответственно необходимо выстраивать охрану интеллектуальных прав для того, чтобы стартап стал привлекательным для инвестиций. В этой связи для стартапа не имеющего значительной капитализации на начальном этапе коммерциализации инновационного продукта важно понимать, что нужно сделать безусловно сразу в области охраны интеллектуальных прав, а что можно отложить.

Рассмотрим аспекты охраны интеллектуальных прав при коммерциализации стартапа направленного на разработку, производство и распространение настольной образовательной игры «Угадай, что я сделаю?».

Настольные игры способствуют развитию таких необходимых в нашей жизни качеств как: логическое мышление, умение предвидеть ситуацию, находить выход из сложного положения. Для детей значение настольных игр и того больше. Они развивают у них память и внимательность. В дальнейшей жизни такое социальное воспитание обретет свое действие, ведь дети будут обладать необходимыми навыками. Кроме того, именно настольные игры научат как детей, так и взрослых достойно принимать поражение. В жизни бывают различные ситуации, и не всегда победа оказывается на нашей стороне. Но важно научиться относиться к этому моменту правильно, и тогда можно будет двигаться дальше, усвоив полученные уроки.

Перед современной школой общество ставит цель по подготовке компетентного выпускника, способного адаптироваться в изменяющихся социально-экономических условиях, гибко и творчески решать поставленные перед ним задачи. С одной стороны требования к выпускнику, следовательно, и к школе возрастают год от года, а с другой — мы должны решать проблему сохранения здоровья учащихся. Данная проблема может быть успешно решена в том случае, если учитель владеет разнообразными методами и приемами работы с учащимися, создает урок как произведение педагогического мастерства, создает его для детей и вместе с детьми. Хороший урок имеет свое лицо, своеобразие, которое обеспечивается индивидуальным стилем учителя. Педагогическая наука и практика предлагают немало различных форм учебной деятельности школьников. Одной из них является игровая информационная технология [3, с.110-120].

Основываясь на игровой информационной технологии в рамках научного студенческого кружка «Инжиниринг» на кафедре технологии и методики преподавания под руководством Кириенко А.С. со студентами 3 курса разработана образовательная технологическая настольная игра, моделирующая создание изделий из материалов с применением игровых конструкций, проецирующих в виртуальном игровом режиме ситуации соревнования между игроками в режиме первенства по созданию изделий. Кроме существующей педагогической проблемы, озвученной выше, разработка способна решить еще одну достаточно важную задачу. В настоящее время рынок насыщен различными сложными с технической точки зрения устройствами, обладающими понятийным интерфейсом, способным обеспечить облегченное взаимодействие с ними не подготовленного специально

пользователя. Это предоставило возможность целому поколению исключить необходимость глубокого изучения информационных, технических и материаловедческих дисциплин, которые бы объясняли природу и специфику функционирования таких устройств. Постепенно это может привести к сокращению численности специалистов, которые обладали бы современными компетенциями, позволяющими не только использовать, а и разрабатывать, модернизировать и ремонтировать сложные информационно-технические устройства. Известно, что все основные навыки, интерес и мотивация к изучению технических наук закладывается в детстве, в том числе через игровые итерации. Поэтому коммерциализация разработки способствовала бы популяризации изучения инженерно-технических дисциплин у подрастающего поколения.

В описанной выше разработке реализована интеллектуальная собственность, которая представляет ценный актив реализуемого стартапа. В настоящее время участниками команды ведется работа по совершенствованию дизайна и проектирования игровых полей и карт, но в целом концепция игры, ее описание и правила уже разработаны. В планах бизнес-стратегии по продвижению идеи есть разработка онлайн игры, игрового сервера, создание сайта магазина для продажи базовых игровых комплектов, а также дополнительных наборов карт и полей. И все это вынуждало команду принять важное для развития стартапа решение, связанное с охраной интеллектуальных прав.

Продуманная политика обеспечения охраны интеллектуальных прав помогает интересам бизнеса: конкурентоспособности, привлечению партнеров и инвесторов, субсидий и увеличивает ценность стартапа. Но на начальном этапе реализации стартапа без серьезной капитализации достаточно сложно проводить патентование и изыскать на эти затраты финансовые возможности. Однако безусловно наша разработка нуждалась в юридическом или административном процессе регистрации и защиты, поэтому вопрос о необходимости патента был решен положительно.

Но когда же все-таки правильнее получать патент? На начальной стадии разработки проекта игры или уже после выпуска ее на рынок, доработки и запуска онлайн версии? Это критическое решение для инновационного бизнеса. Ведь после доработки может получиться совсем другой продукт. С юридической точки зрения подавать заявку нужно как можно быстрее, чтобы не потерять права на разработку и опередить конкурентов. Но это взгляд правового вакуума без учета интересов стартапа. С деловой точки зрения подавать заявку лучше позже, так как патентование занимает ресурсы, которые необходимы на «прямые нужды стартапа», развитие продукта, привлечение сотрудников, партнеров и капитала. Но эта точка зрения не учитывает юридические формальности, которые могут повлечь за собой потерю прав. Например, в большинстве иностранных юрисдикций происходит потеря патентного права при первом публичном раскрытии, публичном использовании или предложении о продаже. Как все-таки поступить правильно? Чтобы верно ответить на этот вопрос необходимо смоделировать ситуацию развития стартапа в будущем основываясь на большинстве примеров ситуаций развития бизнеса. Может быть две ситуации развития стартапа. Первая, это развитие стартапа с целью продажи. И в этом случае чем раньше будет обеспечена патентная охрана интеллектуальной собственности, тем лучше. Потому что стартап сможет быть хорошо реализован только в комплексе с интеллектуальными правами. Вторая ситуация, это когда стартап задумывался не для продажи, а для получения операционной выручки в течение долгосрочной перспективы. И действительно происходит ситуация, при которой стартап, работая в Беларуси неспешно трансформируется в бизнес с серьезной капитализацией, выходит на международные рынки, затем трансформируется в группу компаний, затем появляется офшор, несколько офшоров, новые партнеры, а затем все первоначальные игроки начинают ощущать усталость, поскольку вести бизнес становится

затруднительно и тяжело, мешают регуляторы, а им уже очень хочется отдохнуть где-нибудь в экзотических странах. И возникает необходимость в стратегическом инвесторе, которому можно передать управление. При этом со стороны инвестора обязательно будут заданы вопросы в области принадлежности интеллектуальных прав. И самое распространенное в данной ситуации это то, что патентное право ничем не обеспечено из-за отсутствия патентования разработчиками, смены их юридического лица, привлечения многочисленных фрилансеров с которыми также не отрегулированы вопросы интеллектуального права. Практика говорит о том, что оказавшиеся в такой ситуации компании продолжительное время и существенные финансовые средства тратят на оформление всех необходимых патентных документов и находятся в стадии обратного накопления интеллектуальной собственности. Поэтому всё же более правильным является изначальное оформление интеллектуального права на разработки. К такому выводу пришла и наша команда.

Кроме проблемы, связанной с оформлением интеллектуальных прав, существует и ряд проблем реализации технологического предпринимательства. Исторически сложилось, что в Беларуси многие путают изобретательство с технологическим предпринимательством. Изобретатели есть, но сложившееся с советских времен классическое разделение труда не предполагало, что ученый должен думать сколько это будет стоить, каков потенциальный рынок, как на этот рынок выходить с новой разработкой. На Западе ученых приучили к тому, что, даже когда они берут научный грант, они заранее думают, чем их открытие может быть полезно, каков жизненный цикл изобретения. Таким образом, изобретать можно по-разному. Можно придумать что-то более быстрое и дорогое, а можно бороться за цену продукта. При этом зачастую снижение стоимости требует глубокого технологического изменения, что с научной точки зрения не менее ценно, чем быстрое и дорогое изобретение. Выращивать технологических предпринимателей нужно со школьной скамьи, с университета. Выпускники естественно-научных и инженерных вузов — самая перспективная среда. У них достаточное базовое и профессиональное образование, которое позволяет им разбираться в инновациях и технологических рисках. В Беларуси есть довольно много успешных проектов в IT-секторе, у истоков которых стояли вчерашние выпускники университетов, они все на слуху. Вместе с тем, успешных проектов пока мало для того, чтобы выстроилась сеть, которая сделала бы их не отдельными единичными случаями, а нормой. Рассмотрим причины неудач инновационных проектов. Они могут выражаться в нескольких формах:

- получение убытков и других отрицательных финансовых результатах;
- отсутствие коммерческих эффектов: роста продаж, увеличения рыночной доли, выхода в новые рыночные сегменты;
- не достижение научно-технологических результатов, невозможность получения требуемого продукта;
- межличностные конфликты, распад команды, разрыв человеческих связей, подорванное здоровье;
- банкротство, ликвидация компании, прекращение ее функционирования или закрытие проекта.

Как правило, проект не имеет успеха не по какой-то одной причине, а в результате соединения ряда неблагоприятных факторов и неверных решений руководителей в ответ на воздействие этих факторов. Как на всякий сложный объект, на инновационный проект влияет множество внешних и внутренних негативных обстоятельств, и приходится максимально упрощать и формализовать траекторию развития бизнеса, чтобы определить, какие именно из них привели к тому, что результат не соответствовал ожиданиям. Причем в большинстве ситуаций сам по себе фактор или принятое решение не обязательно были фатальным для судьбы проекта обстоятельством, а их воздействие вело к неизбежной неудаче. Более

того, в каких-то иных обстоятельствах такие же факторы и обстоятельства, возможно, могли бы, напротив, стать залогом успеха. Однако в совокупности они приводили проекты к негативным результатам [4, с.1831-1848].

Что касается технологического бизнеса в области игровой индустрии, то в 2020 году мировой рынок настольных игр был на уровне \$3,2 млрд, а по прогнозам экспертов, к 2021 году он достигнет \$8,5 млрд. Детективные игры можно назвать трендом 2021 года. Они издавались как за рубежом, так и в СНГ. Если годом ранее стали появляться квест-игры про то, как надо выбраться из запертого помещения, в 2021 г. все переключились именно на исследование преступлений. Индустрия настольных игр в Беларуси привлекает все больше внимания как разработчиков, так и инвесторов. Стартовым для рынка сетевой розницы настольных игр считается «знаменательный» для мировой экономики 2008 год, в период с 2008 по 2011 года рынок показывал почти десятикратный рост. В пандемию COVID-19 за 2020-2021 гг. на OZON продажи настольных игр выросли в 2,2 раза. Настольная игра «Мафия» стала одним из лидеров продаж во время периода самоизоляции. В апреле и мае 2020 года игру покупатели заказали в 16 раз больше наборов с этой игрой, чем годом ранее. Важно понимать, что для полноценной игры в «Мафию» нужно собрать вместе не меньше 7 человек. Другими лидерами продаж в период карантина стали настольные игры «Дженга» и «Кто я?».

Для разрабатываемого стартапа по коммерциализации настольной игры «Угадай, что я сделаю?» планируются два основных канала продаж, прямой и косвенный. Прямым каналом продаж является сайт, на котором будет размещен сам товар, дополнительные услуги, либо дополнительные наборы, товары партнеров.

Косвенным каналом является размещение нашего товара в магазинах, в магазинах OZ, так же включение игры в образовательный процесс учреждений образования и дополнительного образования. Основными потребителями нашей разработки являются: учреждения образования, учреждения дополнительного образования, физические лица - любители настольных игр. При коммерциализации проекта нам необходимо учесть все факторы возможных неудач в технологическом бизнесе.

Проектам на ранних стадиях требуется помощь в проведении анализа рынков и доведении продукта до рынка, гранты, субсидии, обеспечение возможностей для тестирования, услуги по разработке технологической документации и дизайна. Эти проекты также нуждаются в консультационной помощи по разработке стратегии развития и продвижения на рынок, в выборе правильных бизнес-моделей — для этого могут привлекаться как профессиональные консультанты, так и более опытные предприниматели-менторы. Целесообразно организовывать для начинающих предпринимателей обучающие и акселерационные программы, готовить для них кейсы с разбором типичных ошибок [5, с.84-92].

Технологические проекты на этапе коммерциализации испытывают сложности со стратегическим планированием, поэтому им нужна помощь в этом направлении и в особенности принятий решений, связанных со своевременной охраной интеллектуальной собственности. Дополнительно у них возникает блок проблем, связанных с выстраиванием отношений с партнерами — инвесторами, партнерами по кооперации, государственными организациями. В этом направлении им нужна поддержка от консультантов и менторов, помощь в налаживании связей (нетворкинг), возможность участия в питч-сессиях для инвесторов и крупных потребителей. У зрелых проектов помимо проблем с партнерами по бизнесу нарастает число проблем, связанных с ошибками в управленческих решениях. Им необходима помощь в организации системы принятия управленческих решений, прежде всего в том, что касается отработки четких юридических процедур, урегулирования отношений в области интеллектуальной собственности, распределения обязанностей и ответственности в коллективе.

Список источников

1. Матюнина, О. Е. Технологическое предпринимательство: проблемы и перспективы / О. Е. Матюнина. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы технических наук : материалы VI Международ. науч. конф. (г. Краснодар, апрель 2020 г.). — Краснодар : Новация, 2020. — С. 47-53. — URL: <https://moluch.ru/conf/tech/archive/367/15701/> (дата обращения: 17.10.2021).
2. Барыкин А. Н., Икрянников В. О. Белые пятна теории и практики технологического предпринимательства // Менеджмент инноваций. — 2010. — № 3. — С. 204–215. Bailetti T. Technology Entrepreneurship: Overview, Definition, and Distinctive Aspects // Электронный портал журнала Technology Innovation. Электронный ресурс. — URL: <http://www.timreview.ca/article/520> (дата обращения: 17.10.2021).
3. Петрусинский В.В. Психотехнические игры и упражнения: техники игровой психокоррекции. — М.: Владос, 2013. — С. 128.
4. Хайруллина М. В. Технологическое предпринимательство: сдерживающие факторы и условия развития // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 16. — С. 1831–1848.
5. Yudina E. V., Zavalko N. A., Beketova O. N., Kozhina V. O., Lavrenova A. V. INNOVATIVE APPROACHES TO BUSINESS MODELING AT AN ENTERPRISE // Revista Inclusiones. — 2020. — Т. 7. № S1–3. — С. 84–92.

Д.Д. Ландо

**СЛУЖЕБНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

В статье анализируются существующие акты законодательства, обеспечивающие правовое регулирование создания и использования служебных результатов интеллектуальной деятельности, статистические данные, позволяющие определить некоторые пробелы в таком регулировании, аргументы, высказываемые в ходе научных дискуссий, и практика правоприменения. Обосновывается необходимость легального разрешения вопросов, возникающих при распределении прав на служебные объекты интеллектуальной деятельности, предлагаются варианты видов нормативных правовых актов, на уровне которых возможно предложить такое решение. В свете предполагаемого пересмотра подходов в правовом регулировании отношений, связанных с созданием и использованием служебных результатов интеллектуальной деятельности, рассмотрены особенности природы топологий интегральных микросхем, а также различия в оценке объектов авторского права и права промышленной собственности с точки зрения перспектив признания их охраняемым объектом. Предложены варианты разрешения проблемных ситуаций, возникающих на практике при распределении прав на служебные результаты интеллектуальной деятельности.

На момент написания статьи Правительством еще не была утверждена стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2021–2030 годы. Однако в рамках обсуждения концепции указанной стратегии отмечалось, что требуется концептуальный пересмотр подходов в правовом регулировании отношений, связанных с созданием и использованием служебных результатов интеллектуальной деятельности. Необходимость такого пересмотра объяснялась тем, что нормы Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» не гарантируют авторам служебных произведений права на получение вознаграждения, что объективно не стимулирует авторов, являющихся наемными работниками, к созданию творческих результатов. Можно предположить, что фактически предлагается распространить применяемую сегодня систему государственного стимулирования создания и использования отдельных объектов права промышленной собственности (см. Положение о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов права промышленной собственности, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 марта 1998 г. № 368 (в новой редакции от 19 февраля 2010 г.)) на объекты авторского права. При этом следует отметить, что условия признания объектов авторского права и смежных прав (ч. 1 п. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах») и объектов права промышленной собственности (ч. 2 п. 3 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», п. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем» (в новой редакции от 18 декабря 2018 г.), ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. «О патентах на сорта растений» (в новой редакции от 4 января 2014 г.)) различаются. В целях регулирования отношений, связанных с созданием, правовой охраной и использованием служебных объектов права промышленной собственности, было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря

1998 г. № 1957 «Об утверждении Положения о служебных объектах права промышленной собственности». Следует оговориться, что указанный нормативный правовой акт распространяется только на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и топологии интегральных микросхем.

Соглашаясь с тем, что проблематика служебных результатов требует внимания законодателя, остановимся на отдельных вопросах создания и использования таких объектов интеллектуальной собственности, требующих, на наш взгляд, первостепенного разрешения.

В рамках Национального проекта по развитию институциональной политики в области интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций Беларуси [1] в целях оценки текущей ситуации в Республике Беларусь в области управления интеллектуальной собственностью, а также определения потребностей и потенциала соответствующих организаций для их развития и сотрудничества в области интеллектуальной собственности, передачи знаний на благо общества проведено анкетирование на основании анкеты «Система управления интеллектуальной собственностью в высших учебных заведениях и научно-исследовательских организациях Республики Беларусь – текущее состояние». В анкетировании приняли участие 24 учреждения высшего образования и 32 научные организации, подведомственные Министерству образования Республики Беларусь и Национальной академии наук Беларуси. В рамках исследуемой темы интересен следующий результат анкетирования: в 10 учреждениях высшего образования и 10 научных организациях, принявших участие в анкетировании, заключаются договоры с авторами о выплате вознаграждения за использование служебных объектов авторского права и смежных прав [2, с. 9].

Концептуальный пересмотр подходов в правовом регулировании отношений, связанных с созданием и использованием служебных результатов интеллектуальной деятельности, должен базироваться на понимании того, что существование прав на объекты промышленной собственности подтверждается регистрацией патентного органа. Установить факт создания объекта авторского права и обладателя прав на такой объект не всегда просто. Практика признания судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь произведения объектом авторского права свидетельствует о необходимости оценки новизны, уникальности, неповторимости и оригинальности произведения. На наш взгляд, при пересмотре подходов в правовом регулировании отношений, связанных с созданием и использованием служебных результатов интеллектуальной деятельности следует учесть особенности природы отдельных результатов интеллектуальной деятельности. Например, заслуживает внимания критика новой редакции Закона «О правовой охране топологий интегральных микросхем» в части развития правил о служебных топологиях интегральных микросхем. При обосновании служебности всех топологий интегральных микросхем обращается внимание на физические особенности такого объекта правовой охраны и изменения в процессе его создания, указывается на невозможность проектирования топологии интегральной микросхемы в домашних условиях и необходимость изменения подхода к субъектному составу отношений, связанных с ее проектированием и изготовлением [3; с. 180, 182].

В Республике Беларусь знаковым (с точки зрения оценки служебности объекта права промышленной собственности судом) стало решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь по делу № 12-01/18-2017 г. [5]. Коллегия признала несостоятельным довод о том, что изобретение не являлось служебным ввиду создания его с участием лиц, не являющихся работниками организации, поскольку представленные по делу доказательства, в том числе объяснения самих авторов изобретения, с достоверностью подтверждают, что непосредственно деятельность работников организации, входящая в круг их должностных обязанностей, привела к созданию изобретения.

Проблематика служебности объектов интеллектуальной собственности традиционно активно обсуждается в литературе. В Российской Федерации вопросы, возникающие при применении норм Гражданского кодекса РФ о служебных результатах интеллектуальной деятельности, рассматривались на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам [4].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» также содержит положения о служебных объектах интеллектуальной собственности. В частности, в п. 130 разъясняется, что служебный характер изобретения, полезной модели или промышленного образца определяет взаимоотношения конкретного работника - автора - и его работодателя, но не правовой режим изобретения, полезной модели или промышленного образца в целом. В случае если конкретные изобретение, полезная модель, промышленный образец созданы работником в связи с выполнением его трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя в соавторстве с иным физическим лицом (статья 1348 ГК РФ), по правилам статьи 1370 ГК РФ определяются лишь взаимоотношения работника и его работодателя. Предложенное решение подверглось критической оценке [6] по следующим причинам: вклад такого автора, не являющегося работником, по сравнению с работниками организации в создание объекта может быть крайне незначительным; необоснованное преимущество перед иными авторами-работниками в нарушение принципа равноправия авторов при соавторстве, существующая возможность злоупотреблений со стороны работников организации в форме привлечения к созданию объекта лиц, находящихся с ними в хороших отношениях (родственников, друзей). В качестве оптимального варианта правового регулирования предлагается приравнивать статус иного лица, привлекаемого работниками к созданию объекта, к статусу работника, поскольку его деятельность в большинстве случаев также базируется на ресурсах, опыте организации-нанимателя и он способствует реализации хотя и чужой, но трудовой функции. В описанной ситуации автор, не являющийся работником, не приобретает исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, но получает право на вознаграждение. На наш взгляд, при таком подходе более корректным является следующее решение: при создании изобретения, полезной модели и промышленного образца автор, не состоящий в трудовых отношениях с организацией, работники которой также являются авторами указанных объектов, обязан передать право на получение патента организации. С указанного момента он приобретает в отношении служебного объекта те же права и обязанности, что и работник организации.

Действующее законодательство Республики Беларусь не содержит каких-либо ограничений по признанию служебного характера объекта интеллектуальной собственности, созданного при работе по совместительству. Вместе с тем, открытым остается вопрос, кто из нанимателей является обладателем исключительного права на объект либо правом на получение патента. В аналитической справке по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о служебных результатах интеллектуальной деятельности, отмечается, что в случае спора между работодателями относительно того, кому принадлежит право на получение патента, суд исследует, у кого из работодателей в рамках выполнения задания или трудовых обязанностей работник создал спорный объект. В то же время если два работодателя (по основному месту работы и совместительству) в подобной ситуации будут ссылаться на то, что объект патентного права создан работником при выполнении трудовых обязанностей или задания именно у них, то суду следует исследовать, у кого из работодателей был создан данный объект с учетом критериев, указанных в преамбуле к указанной Справке [7].

Подводя итоги дискуссии по вопросу, за кем из работодателей признается право на получение патента (например, совместное получение патента этими работодателями или получение патента работодателем по основному месту работы и предоставление второму работодателю возможности использования объекта патентного права на условиях неисключительной лицензии), Л.А. Новоселова отметила, что на данный момент ситуация однозначно разрешена быть не может, поскольку правовая модель на сегодняшний день еще не сформировалась. В конкретных случаях нужно делать выводы, основываясь на фактических обстоятельствах. Данный вопрос необходимо решить путем внесения соответствующих положений в законодательство [4].

Принимая во внимание вышеизложенное, не согласимся со стремлением отдельных нанимателей включать в трудовые договоры условие о том, что «все права на объекты интеллектуальной собственности, созданные Работником в период работы у Нанимателя, принадлежат Нанимателю». Полагаем, что такое условие трудового договора противоречит законодательству Республики Беларусь и создает у авторов результатов интеллектуальной деятельности ошибочное представление об автоматической служебности объектов интеллектуальной собственности, создаваемых в период работы у конкретного нанимателя. Указанный вывод косвенно подтверждается результатами анкетирования, полученными в рамках участия в Рабочей группе по подготовке политики в области интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций республики, созданной приказом Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 23 сентября 2019 г. № 272 [2]. В частности, в 9 из 24 опрошенных учреждениях высшего образования работники включают в годовые отчеты о проделанной научно-исследовательской работе не только служебные объекты интеллектуальной собственности, но и иные результаты интеллектуальной деятельности.

Проведенное исследование позволило выявить отдельные проблемные вопросы распределения прав на служебные результаты интеллектуальной деятельности.

Предлагаем при пересмотре подходов в правовом регулировании отношений, связанных с созданием и использованием служебных результатов интеллектуальной деятельности, учитывать как особенности предоставления охраны объектам авторского права, смежных прав и объектам права промышленной собственности, так и природу конкретных объектов.

Полагаем, что в перспективе возможно внести дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 1998 г. № 1957 «Об утверждении Положения о служебных объектах права промышленной собственности» для разрешения проанализированных выше спорных моментов правоприменения. Вместе с тем, сфера действия данного нормативного правового акта ограничена. Поэтому подходы правоприменителей к особенностям создания и использования служебных результатов интеллектуальной деятельности целесообразно отразить в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Признавая, что распространение норм о служебности объекта только на взаимоотношения работника и его нанимателя может повлечь злоупотребления со стороны работников организации, не можем согласиться с предложением наделять статусом работника авторов, не состоящих в трудовых отношениях с организацией. «Выравнивание» статуса возможно путем закрепления обязанности «автора-не-работника» передать право на получение патента организации и указание на приобретение таким автором с момента передачи тех же прав и обязанностей, которые имеет в отношении служебного объекта организации работник.

Ввиду востребованности в Республике Беларусь работы по совместительству, рекомендуем нанимателям не включать в трудовые договоры условия о служебности любых результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых в период работы у конкретного нанимателя.

Список источников

1. Подписан Национальный проектный документ по развитию институциональной политики в области интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Национальный центр интеллектуальной собственности. URL: <https://www.ncip.by/o-centre/novosti/podpisan-natsionalnyy-proektnyy-dokument-po-razvitiyu-institutsionalnoy-politiki-v-oblasti-intellekt/?print=y> (дата обращения: 31.08.2021).
2. Плёнкина А., Янтикова Е., Ландо Д. О политике в области интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций Республики Беларусь // Интеллектуальная собственность в Беларуси. 2021. № 2. С. 4–15.
3. Попова И.В. О некоторых особенностях правовой охраны топологий интегральных микросхем // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 179-182.
4. Протокол № 15 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25 ноября 2016 г. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 14. С. 6-18 [Электронный ресурс]. URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/protocol-15-of-the-meeting-of-the-scientific-advisory-council-at-the-court-for-intellectual-property-right> (дата обращения: 31.08.2021).
5. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/invent/d5643a0bfb7240c6.html (дата обращения: 31.08.2021).
6. Ворожевич А. Служебные патентоохраняемые объекты: как работодателю не потерять свои инновации. [Электронный ресурс]. URL: <http://legalinsight.ru/24834-2/> (дата обращения: 31.08.2021).
7. Аналитическая справка по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о служебных результатах интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/analytical-summary-on-issues-arising-in-the-application-of-the-civil-code-of-the-russian-federation-on-the-official-results-of-intellectual-activity> (дата обращения: 31.08.2021).

Е.Б. Леанович

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ**

В статье показаны новые явления в процессе осуществления международной охраны интеллектуальной собственности с помощью цифровых технологий. На примере практики ВОИС исследованы возможности оптимизации работы с информацией по объектам интеллектуальной собственности. Дана характеристика ресурсам и аналитическим разработкам ВОИС. Статья содержит выводы об их месте, роли и условиях использования в процессе управления интеллектуальной собственностью. Показаны преимущества и последствия цифровизации управления интеллектуальной собственностью в свете механизмов международного частного права.

История развития международной охраны интеллектуальной собственности как комплексной системы мероприятий на основе международных соглашений, которые устанавливают единообразные стандарты в государствах-участниках и облегчают процесс патентования и регистрации для граждан и приравненных к ним лиц в нескольких странах, насчитывает не одно столетие. Базовые конвенции, администрируемые Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС): Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г. и др. [1], а также Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, находящееся в ведении Всемирной торговой организации (ВТО), к концу 90-ых годов прошлого столетия определили основные правила и приемы построения стратегии охраны и осуществления защиты прав интеллектуальной собственности.

За последние два десятилетия произошли некоторые дополнения нормативной основы международной охраны интеллектуальной собственности, однако они не носят характер кардинальных изменений. Так, Марракешский договор об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям 2013 г., Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям 2012 г. унифицировали определенные институты авторского права и смежных прав. Договор о патентном праве 2000 г., Сингапурский договор о законах по товарным знакам 2006 г. гармонизировали и оптимизировали формальные аспекты процедур патентных ведомств.

В международном частном праве проблема международной охраны интеллектуальной собственности традиционно рассматривается посредством отсылки к источникам международно-правового регулирования. В основном речь идет о правилах и механизмах указанных выше международных договоров. Однако, по сути, ни сближение национальных законов, ни расхождения в них кардинально не влияют на стратегию международной коммерциализации интеллектуальной собственности. Конкретные факты, которые необходимо установить, и шаги, которые необходимо предпринять, в том числе согласно международным системам оформления прав промышленной собственности (Мадридская, Гагская, Лиссабонская системы, Договор о патентной кооперации) в гораздо большей степени определяют, будут ли и, если да, то как, охраняться объекты интеллектуальной собственности в иностранных государствах. В этом плане чрезвычайно важна кропотливая работа по сбору

и анализу различного рода информации. Например, в зависимости от объекта интеллектуальной собственности могут понадобиться патентные данные, заявки на товарные знаки, доказательства авторства, даты создания произведения и т. д.

Кардинальное изменение разрешения проблемы международной охраны интеллектуальной собственности в международном частном праве происходит в настоящее время под воздействие цифровых технологий. В результате развития IT-технологий и построения цифровой экономики складываются особые условия международной охраны интеллектуальной собственности. На всех уровнях системы государственного и частного управления интеллектуальной собственности присутствуют проявления цифровизации, но в рамках ВОИС соответствующий процесс приобрел наиболее масштабный и скоординированный характер.

Цель настоящей статьи – определить необходимые элементы построения и осуществления стратегии международной охраны интеллектуальной собственности в условиях развития современных IT-технологий и обострения конкуренции на мировом рынке высокотехнологичных товаров на примере использования ресурсов и инструментов, разработанных ВОИС.

Цифровизация подразумевает новый тип отношений, который складывается на современном этапе развития информационного общества благодаря широкому использованию автоматизированных информационных систем с использованием больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов управления и минимизации затрат [3]. С точки зрения коммерциализации интеллектуальной собственности в инновационной и производственной деятельности цифровизация в значительной степени позволяет увеличить добавленную стоимость, которая приходится на нематериальные активы. Цифровизация управления интеллектуальной собственностью влечет яркой выраженные и весьма ощутимые выгоды экономического порядка.

В плане же юридической работы цифровизация управления интеллектуальной собственностью предотвращает и погашает значительное количество рисков, которые связаны с международной охраной интеллектуальной собственности. Так, значительное упрощение и ускорение обработки большого количества информации позволяет легче сориентироваться в конъюнктуре рынка объектов интеллектуальной собственности и не вкладываться в создание нерентабельного объекта, например в силу его уязвимости по критериям охраноспособности в мультиюрисдикционном аспекте, или изменить юрисдикции, в которых он будет охраняться и использоваться.

ВОИС является наиболее значимым центром универсального уровня межгосударственного сотрудничества, в котором предоставляются различные сервисы цифровизации управления интеллектуальной собственностью. За последние несколько лет деятельность ВОИС в этом направлении стремительно продвинулась. Создана агрегированная площадка (Портал интеллектуальной собственности ВОИС) [4]. Она построена на основе гибкого и эффективно работающего интерфейса. Позволяет не только осуществлять поиск и другие процедуры, необходимые для осуществления охраны практически всех наиболее востребованных в международном коммерческом обороте объектов интеллектуальной собственности, но и осуществлять процедуры по уплате пошлин, обеспечению цифровых доказательств, использованию различных механизмов защиты исключительных прав.

Развитие деятельности ВОИС по цифровизации управления интеллектуальной собственностью носит прогрессивный характер. Электронные сервисы для обеспечения доказательств создания произведений и управления объектами авторского права в цифровой среде созданы многими государственными и частными структурами. Однако, на наш взгляд, по удобству, затратам на использование и условиям кибербезопасности WIPO PROOF представляет собой наиболее оптимальный вариант [5].

Современные IT-технологии облегчают процесс управления, но и бросают вызов обострению конкуренции на мировом рынке высокотехнологичных товаров. С одной стороны, с информацией по объектам интеллектуальной собственности работать становится все проще. Легче справиться с задачей проведения патентного поиска и осуществления патентных исследований. Вместе с тем, сложнее становится сам процесс изобретательской деятельности на мировом уровне новизны, который благодаря новым цифровым технологиям, в том числе и искусственного интеллекта, становится все более открытым, прозрачным и доступным.

Не случайно ВОИС наращивает аналитическую работу, пользуясь возросшими возможностями по автоматизированной обработке значительного объема статистических данных и эмпирических наблюдений. ВОИС берет на себя значительные расходы, вкладываясь в штат высококлассных специалистов и экспертов, совершенствуя информационные системы обработки (перевода текстов, поиска по изображению и т.д.). С помощью сложных экономико-патентных исследований, например патентного ландшафта, определяются приоритетные направления работы по созданию и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. ВОИС осуществляет широкую просветительско-информационную работу, обобщает, систематизирует и распространяет информацию по наиболее востребованным и передовым технологиям. При этом уделяется должное внимание правовым формам охраны таких технологий как объектов интеллектуальной собственности. В одной из последних публикаций на данную тему внимание привлечено к технологиям, в значительной степени облегчающим жизнь человека [6]. В этой публикации ярко отражена концепция осознанного направления изобретательских усилий в заранее определенные (наиболее благоприятные) области на основе специальных исследований. В то же время ВОИС обращается и к проблеме международной охраны интеллектуальной собственности с противоположной стороны, а именно с учетом возможности использования изобретений в режиме общественного достояния. Под ним понимается сущностное раскрытое изобретение, не покрытое патентом на определенной территории на определенную дату, в результате чего оно может в таких территориальных и временных границах свободно использоваться без угрозы ответственности за нарушение патентных прав [7].

В докладе Генерального директора ВОИС в ретроспективе за двенадцать лет с 2008 по 2020 г. показано поступательное развитие деятельности организации в направлении цифровизации [8]. Примечательно, на сегодняшний день уже охвачены все сферы интеллектуальной собственности. Если до 2017 г. исследовательская работа в основном была связана с объектами промышленной собственности, которые традиционно ассоциируются с экономикой инноваций, то постепенно стала набирать обороты аналитическая работа в сфере управления объектами авторского права и смежных прав, например по таким вопросам, как распределение доходов работников творческих отраслей и системе коллективного управления в цифровую эпоху. С 2020 г. проводится специальное исследование по управлению исключительными правами в музыкальной индустрии с помощью средств цифровизации.

Ресурсы и инструменты, разработанные ВОИС, лишь иллюстрируют мировую тенденцию на цифровизацию управления интеллектуальной собственности. В целом же они находясь в системе других альтернатив национального и регионального уровня, которые являются результатом работы государственных и частных структур. Хотя деятельность ВОИС, безусловно, носит прогрессивный и передовой характер и во многом задает ориентиры, услуги и сервисы этой организации целесообразно использовать, если международная охрана интеллектуальной собственности осуществляется при определенных условиях. Во-

первых, использование объекта интеллектуальной собственности нацелено на несколько юрисдикций в универсальном масштабе. Во-вторых, охрана полагается на систему ВОИС по оформлению прав промышленной собственности (Мадридская, Гагская, Лиссабонская системы, Договор о патентной кооперации). В-третьих, оценка объекта интеллектуальной собственности довольно высока.

Цифровизация управления интеллектуальной собственностью облегчает процесс выяснения ключевых фактов, имеющих первостепенное значение для объекта интеллектуальной собственности в отношениях с иностранным элементом. Во-первых, устанавливается статус и граница использования объекта интеллектуальной собственности с тем, чтобы не допустить использование чужой интеллектуальной собственности. Во-вторых, отсутствие аналогов и ориентация на высокую планку соответствия мировому уровню новизны ведет к созданию конкурентного объекта интеллектуальной собственности. В-третьих, обеспечиваются доказательства для защиты прав интеллектуальной собственности. В-четвертых, определяются территориальные рамки введения объектов интеллектуальной собственности в гражданский оборот, а также устанавливаются наилучшие каналы по их продвижению на иностранных рынках.

Цифровизация управления интеллектуальной собственностью в процессе международной охраны позволяет значительно укрепить конкурентные преимущества нематериального актива с самого начала процесса его создания. В то же время значительная сумма сделки, в которой задействован объект интеллектуальной собственности, например в договоре купли-продажи фигурирует товар, в котором воплощен объект интеллектуальной собственности, может обусловить использование цифровых средств для определения правового статуса данного объекта. Таким образом, цифровизация является необходимым и востребованным элементом управления интеллектуальной собственностью, когда соответствующие нематериальные активы являются как основным, так и сопутствующим объектом отношения с иностранным элементом.

Оптимизация информационной работы о перспективах и условиях охраны в иностранных юрисдикциях позволяют изменить стратегию международной охраны интеллектуальной собственности при решении сугубо юридических вопросов: выбор или наоборот отказ от юрисдикции регистрации и/или патентования; изменение условий договора о передаче прав интеллектуальной собственности; обеспечение электронного документооборота; сбор доказательств для осуществления защиты исключительных прав в иностранной юрисдикции и т.д.

Список источников

1. WIPO-Administered Treaties [Electronic resource]. - Режим доступа: <https://www.wipo.int/treaties/en/> (дата обращения 10.10.2021).
2. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights [Electronic resource]. - Режим доступа: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (дата обращения 10.10.2021).
3. Первая редакция СТБ «Цифровая трансформация. Термины и определения» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://stb.by/Stb/ProjectFileDownload.php?UrlId=9032> (дата обращения: 10.10.2021).
4. WIPO IP Portal [Electronic resource]. - Режим доступа: <https://ipportal.wipo.int/> (дата обращения 10.10.2021).
5. WIPO PROOF – Trusted Digital Evidence [Electronic resource]. - Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipoproof/en/index.html> (дата обращения 10.10.2021).

6. WIPO Technology Trends 2021: Assistive technology [Electronic resource]. - Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055_2021.pdf (дата обращения 10.10.2021).
7. Identifying Inventions in the Public Domain: A Guide for Inventors and Entrepreneurs [Electronic resource]. - Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1062.pdf (дата обращения 10.10.2021).
8. Доклад Генерального директора Ассамблеям ВОИС 2020 г. 2008-2020 годы в ретроспективе [Electronic resource]. - Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1050_2020.pdf (дата обращения 10.10.2021).

С.С. Лосев

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО РАЗВИТИЯ ПРАВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В БЕЛАРУСИ**

Автор обозначает ключевые проблемы, стоящие перед белорусским правом интеллектуальной собственности. Доказывая необходимость реформирования институтов права интеллектуальной собственности на основе единой концепции исключительных прав, автор отмечает, что такое реформирование возможно только в рамках масштабной работы по систематизации законодательства, наиболее эффективной формой которой является его кодификация.

Право интеллектуальной собственности к началу XXI века заняло особое место в правовых системах стран мира, выступая в качестве основного правового инструмента, обеспечивающего инновационное развитие постиндустриальных государств. Сказанное справедливо и в отношении нашей страны.

Законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности является результатом многолетнего развития и в настоящее время представляет собой сформировавшуюся комплексную подотрасль законодательства, основу которой составляют нормы гражданского права, в которую входят также нормы административно-правового характера, регулирующие процедуры выдачи охранных документов (патентов, свидетельств).

В основе институтов права интеллектуальной собственности (авторского права, смежных прав, патентного права, института охраны селекционных достижений, института охраны средств индивидуализации участников гражданского оборота, их товаров, работ, услуг) лежит юридическая конструкция исключительного права. В юридической литературе и диссертациях последних лет предлагается достаточно много определений этого вида гражданских прав, в каждом из которых неизменно указывается на его имущественную природу и абсолютный характер. В качестве наиболее универсального определения исключительного права можно привести следующее: «Исключительное право – это особая разновидность субъективного гражданского имущественного права абсолютного характера, представляющая собой легальную монополию для правообладателя осуществлять в отношении охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности или приравненных к ним средств индивидуализации комплекс правомочий в течение установленного законом срока и на определенной территории, обеспеченную возможностью применения к нарушителям особых мер защиты» [1, с.7].

Термин «исключительное право» широко используется в законодательстве об интеллектуальной собственности, которое, при этом, не содержит определения этого понятия. основополагающей для отечественного законодательства является норма ст. 983 ГК, которая устанавливает, что обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации принадлежит исключительное право по своему усмотрению в любой форме и любым способом. В специальных законах («Об авторском праве и смежных правах», «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», «О правовой охране топологий интегральных микросхем», «О патентах на сорта растений», «О товарных знаках и знаках обслуживания», «О географических указаниях») раскрывается содержание исключительного права на соответствующий объект, определяются

возможные ограничения исключительного права, особенности его осуществления и защиты. Однако критический анализ норм действующего законодательства, посвященных исключительным правам, позволяет говорить о том, что данная область требует более полного и системного регулирования.

Современные исследователи говорят о том, что исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, объекты, субъекты, содержание этого права, его ограничения и пределы, особенности, отличающие исключительное право от субъективных гражданских прав других типов, его разновидности, сроки и сфера действия – решение этих вопросов в правовых нормах в совокупности образует и почти исчерпывает ту отрасль объективного гражданского права, которую принято называть правом интеллектуальной собственности [2]. Поэтому вопрос о направлениях развития института исключительных прав по существу определяет направления развития права интеллектуальной собственности в целом.

Системный анализ норм законодательства, правоприменительной практики и положений правовой доктрины позволяет назвать ключевые проблемы, стоящие перед институтом исключительных прав:

- влияние цифровых технологий на всю систему права интеллектуальной собственности;
- установление пределов осуществления и ограничений исключительного права;
- определение обладателя (сообладателей) исключительного права;
- трансформация системы договоров, применяемых для распоряжения исключительным правом, в условиях цифровизации общественных отношений;
- совершенствование специальных мер гражданско-правовой ответственности, применяемых в отношении нарушителей исключительного права.

Серьезным вызовом для права интеллектуальной собственности стало активной развитием цифровых технологий. Цифровая среда не только дублирует «аналоговую» реальность, но и порождает принципиально новые объекты, способные к участию в гражданском обороте, и, соответственно, требующие правовой охраны. Цифровые технологии в равной мере могут использоваться для правомерного доведения результатов интеллектуальной деятельности до потребителей, защиты интересов правообладателей, так и для нарушения прав интеллектуальной собственности.

Проблема влияния цифровых технологий на право интеллектуальной собственности сложна и многогранна. Однако на ее фоне особо выделяется проблема, связанная с развитием систем искусственного интеллекта. Обобщая основные технические свойства современных систем искусственного интеллекта, исследователи чаще всего называют такие характеристики как автономность, способность создавать непредвиденные результаты, рациональную обработку данных, развитие и изменение с учетом новых данных; способность к обучению, накоплению и оценке данных путем взаимодействия с внешней средой, эффективность и точность, способность делать свободный выбор из альтернативных вариантов, ориентированный на достижение лучшего результата. Как следствие, появление систем искусственного интеллекта подрывает основы современного права интеллектуальной собственности, основывающегося на таких понятиях как «автор» и «творческая деятельность».

Как справедливо отмечает в своей диссертации Е. П. Сесицкий, «...результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, «выпадают» из сферы правового регулирования, поскольку отсутствие автора – физического лица, творческим трудом которого созданы эти результаты, как обязательного элемента, необходимого для предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, препятствует предоставлению правовой охраны результатам, создаваемым системой искусственного интеллекта,

как результатам интеллектуальной деятельности» [3, с.9-10]. В этой связи в правовой доктрине формируется представление о необходимости включения результатов, созданных системами искусственного интеллекта, в перечень объектов гражданских прав в статусе «приравненных к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» с признанием в отношении них исключительных прав без предоставления кому-либо права авторства и других личных неимущественных прав на них, с признанием в качестве обладателя исключительных прав на такие результаты собственника системы искусственного интеллекта либо ее арендатора (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата [3, с.10].

Безусловно, обозначенная проблема требует концептуального решения в связи с необходимостью определения единых подходов для определения правового режима всех объектов интеллектуальной собственности, которые могут создаваться системами искусственного интеллекта.

Центральной проблемой права интеллектуальной собственности по-прежнему является определение справедливого баланса интересов обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении максимально возможного свободного доступа к достижениям науки, культуры и технического прогресса, в том числе охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности. Как отмечают современные исследователи, цели правового регулирования должны включать в себя не только защиту прав авторов и правообладателей, но и создание условий для развития общества знаний и инновационной экономики, включая обеспечение доступа к достижениям науки, культуры и научно-технического прогресса [4, с.17-19].

Ситуация в вопросе указанного баланса интересов существенным образом изменилась в связи с созданием Всемирной торговой организации и принятием Соглашения ТРИПС [5]. В ряде исследований высказывается мнение о том, что Соглашение ТРИПС было заключено исключительно в интересах стран с высоким уровнем доходов и экономикой, ориентированной на знания, поскольку именно такие страны являются нетто-получателями дохода за счет внедрения прав интеллектуальной собственности и экспорта соответствующей продукции [6, с.6]. В то же время, следует отметить, что в основных принципах, закрепленных в статье 8 Соглашения ТРИПС, говорится о том, что «... при разработке или изменении своих законов и правил, члены могут принимать меры, необходимые для охраны здоровья населения и питания и для содействия общественным интересам в жизненно важных для их социально-экономического и технического развития секторах ...» [5, ст.8].

Проблема достижения баланса интересов имеет свое преломление в отдельных институтах права интеллектуальной собственности.

В контексте решения проблемы установление пределов осуществления и ограничений исключительного права для института авторского права и смежных прав актуальным является пересмотр допускаемых законом случаев свободного использования охраняемых объектов в целях обеспечения более широкого доступа к информации, обеспечения образовательного процесса и др.; учет особенностей использования объектов в цифровой среде, в том числе расширение практики допускаемого использования объектов без согласия правообладателя с выплатой справедливого вознаграждения.

При этом следует обратить внимание на принципиальное различие в подходах, присущих двум исторически сложившимся концепциям авторского права: концепции «прав автора» (*droit d'auteur*) и концепции «авторского права» (*copyright*). Сравнивая эти два подхода, зарубежные исследователи традиционно именуют их «закрытой» и «открытой» системами ограничения авторского права. «Закрытая» система изъятий из авторского права

основана на исчерпывающем перечне законных действий и характерна для стран континентальной системы права, следующих традиции *droit d'auteur*. Открытая система ограничения прав основано на заявлении, а не на исчерпывающем перечне действий, не квалифицируемых как нарушение авторского права. Такая система характерна для стран англосаксонской системы права, следующих традиции *copyright* и наиболее ярким ее примером является доктрина добросовестного использования (*fair use*) [7, с.137-142]. В этой связи проф. П. Сиринелли отмечает, что «... истина, возможно, находится между двумя подходами», что может выражаться в системе, которая является *a priori* закрытой, но при этом дополнена возможностью проявления определенной гибкости с использованием критерия «добросовестное поведение». При этом, допуская возможность для суда в определенных случаях выходить за рамки, установленные законом, необходимо предложить суду четкий критерий, позволяющий оценивать правомерность несанкционированного использования охраняемого произведения за пределами законодательно определенных границ допускаемого свободного использования [8].

В качестве тенденции, присущей развитию национальных законодательств стран мира, применяющих «закрытую» систему ограничений исключительного авторского права, можно назвать стремление как законодателя, так и суда придать этой системе большую гибкость, в связи с чем она приобретает отдельные черты доктрины *fair use*. В этой связи можно говорить об актуальности использования в отечественном праве элементов доктрины *fair use / fair dealing*.

Второй тенденцией является переход от разрешительного подхода к компенсационному, суть которого состоит в том, что законодатель расширяет возможности использования охраняемых объектов без согласия правообладателя при условии последующей выплаты ему справедливого вознаграждения [9, с.62]. В то же время, установление изъятий из сферы авторского права в формате «без согласия автора (правообладателя), но с выплатой справедливого вознаграждения» порождает проблему реализации права на получение такого вознаграждения, решение которой видится в развитии системы принудительного коллективного управления.

Универсальным критерием для решения вопроса о допустимости определенных ограничений исключительного авторского права является так называемый «трехступенчатый тест», суть которого состоит в предоставлении права государствам в своем национальном законодательстве устанавливать такие ограничения, разрешая в определенных особых случаях свободное использование охраняемых произведений при условии, что оно не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы правообладателя. Будучи первоначально тестом ограниченного применения согласно Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886 г.), трехступенчатый тест был принят в качестве универсального шаблона для ограничений и исключений в соответствии с Соглашением ТРИПС и Договором ВОИС по авторскому праву (1996 г.). Особое значение применение трехступенчатого теста приобретает в связи с решением вопроса допускаемых ограничений исключительных авторского и смежных прав при использовании произведений, исполнений, фонограмм в цифровой среде, поскольку действующие в настоящее время международные договоры не содержат норм, специально посвященных таким ограничениям. Как отмечают исследователи, «цифровая революция» потребовала переоценки и адаптации авторского права с тем, чтобы сохранить справедливый баланс между заинтересованными сторонами, при этом наиболее адекватным решением является расширение практики замещения исключительного права справедливой денежной компенсацией.

Для института патентного права в контексте достижения справедливого баланса интересов особую актуальность представляет развитие механизмов принудительного лицензирования [10]. Мировой практике известны три основных вида принудительных лицензий: 1) принудительная лицензия в отношении неиспользуемого или недостаточно используемого патента; 2) принудительная лицензия в отношении зависимого патента; 3) принудительная лицензия в общественных интересах.

Следует отметить, что патентное право Беларуси не использует все возможности в части принудительного лицензирования, которые допускаются международными стандартами и применяются другими странами мира. В первую очередь это относится к принудительным лицензиям, выдаваемым в общественных интересах. Термин «общественный интерес» представляется достаточно условным, а его применение связано с желанием апеллировать к статье 8 Соглашения ТРИПС. Достаточно распространенным в зарубежной законодательной практике является термин «ограничение прав патентообладателей в интересах национальной безопасности».

Для всех институтов права интеллектуальной собственности Беларуси актуальным является пересмотр норм об *исчерпании исключительного права*. Понятие «исчерпание исключительного права» можно определить следующей формулой: «Если право собственности на товар, в котором выражен результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, переходит к другому лицу (товар поступает в гражданский оборот), исключительное право на объект, выраженный в этом товаре, считается реализованным, «исчерпанным», т.е. прекращается. Иными словами, товар ... поступает в свободный гражданский оборот; обладатель исключительного права не может потребовать запретить или ограничить дальнейший гражданский оборот этого товара либо обусловить его выплатой какого-либо вознаграждения» [11, с.37].

С исчерпанием исключительного права связана проблема параллельного импорта. Суть данной проблемы состоит в том, что зарубежные компании-правообладатели используют исключительное право как инструмент монополизации рынка, не допуская возможности ввоза товаров, содержащих объекты их интеллектуальной собственности, хозяйствующими субъектами, не являющимися их официальными дилерами. Товары, ввозимые в режиме параллельного импорта без согласия правообладателя, с правовой точки зрения являлись такими же контрафактными, как и обычные подделки со всеми вытекающими последствиями – вплоть до конфискации, уничтожения ввезенных товаров, выплаты значительных сумм компенсации за нарушения исключительных прав. При этом правовая оценка параллельного импорта зависит от определенного в законодательстве режима исчерпания исключительного права (международный, региональный или национальный), выбор которого зависит от того, чьим интересам – зарубежных товаропроизводителей или национальных потребителей будет отдано предпочтение. Как представляется, отечественной судебной практике следует перенять тот подход, к которому в итоге пришла российская правоприменительная практика, и рассматривать действия правообладателей, препятствующих параллельному импорту социально значимых товаров, произведенных данным правообладателем и реализуемых на зарубежных рынках, в качестве злоупотребления правом, влекущего отказ в судебной защите.

Приведенный пример проблемы параллельного импорта свидетельствует о том, что при определении общих пределов осуществления исключительных прав должен применяться принцип недопустимости злоупотребления правом. Одним из механизмов реализации данного принципа должно выступать применение норм антимонопольного законодательства [12].

В контексте вопроса об обладателях исключительного права следует назвать в качестве нерешенных:

– вопрос о возможности государства (Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц) выступать в качестве обладателя исключительных прав в отношении охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации;

– вопрос о возможности совместного обладания исключительным правом, в том числе в отношении служебных результатов интеллектуальной деятельности, а также возможности выделения доли в исключительном праве и ее участия в гражданском обороте.

В правовой доктрине преобладающим является мнение, согласно которому вектор правосубъектности публично-правовых образований, вступающих в гражданские правоотношения по поводу интеллектуальных прав, направлен исключительно на удовлетворение публичных потребностей [13, с.29]. Государство как субъект гражданских правоотношений может становиться первоначальным обладателем исключительных прав; однако в этом случае круг объектов, как представляется, может быть ограничен только товарными знаками и географическими указаниями. Вопрос о закреплении именно за государством прав на указанные средства индивидуализации становится актуальным в связи с обсуждением вопроса о создании национальных брендов, представляющих собой своего рода «визитную карточку» государства. В числе иных оснований, по которым государство (Республика Беларусь или отдельные административно-территориальные единицы) теоретически может становиться правообладателем, следует назвать приобретение исключительного права по договору, а также в порядке наследования. При этом следует отметить, что в законодательстве Беларуси в принципе отсутствуют нормы, определяющие порядок осуществления государством исключительных прав, что представляется существенным пробелом в регулировании общественных отношений, связанных с объектами интеллектуальной собственности.

В контексте проблемы определения обладателей исключительного права требуется концептуальный пересмотр подходов в правовом регулировании отношений, связанных с созданием и использованием служебных результатов интеллектуальной деятельности. Нормы Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» не гарантирует авторам служебных произведений права на получение вознаграждения, что объективно не стимулирует авторов, являющихся наемными работниками, к созданию творческих результатов.

Также необходимо дальнейшее развитие института служебных объектов промышленной собственности: необходима унификация подходов в определении правового режима всех служебных объектов (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, сортов растений, топологий интегральных микросхем); необходимо более четкое определение условий признания результата деятельности работника служебным, включая прямое указание на наличие трудовых отношений, определение понятия «задание нанимателя» и ограничение его трудовой функцией работника, а также исключение критерия использования опыта или средств нанимателя как основания для признания служебными изобретений, полезных моделей, промышленных образцов; необходимо дальнейшее развитие законодательства, регулирующего выплату вознаграждения авторам служебных объектов.

В отношении всех видов служебных результатов интеллектуальной деятельности необходимо единообразное решение вопроса о принадлежности исключительного права и порядке его осуществления в случаях создания такого результата коллективом авторов, отдельные участники которого не состоят в трудовых отношениях с нанимателем, за которым предполагается закрепить исключительное право на служебный результат.

Трансформация системы договоров, применяемых для распоряжения исключительным правом, в условиях цифровизации общественных отношений, предполагает необходимость более широкого применения электронных документов в отношении всех юридических значимых действий, включая оформление договора, а также его регистрацию (если таковая требуется), развития норм об открытых лицензиях, а также учета сложившейся в мире практики применения свободных лицензий семейств *GPL*, *Creative Commons* и др. Как справедливо отмечает в своей монографии Е. В. Войниканис, «... бумажный договор, подписанный контрагентами, с обсужденными и согласованными условиями, все более отдаляется от реальности экономической жизни. На практике мы наблюдаем следующие тенденции: во-первых, повсеместное распространение договоров присоединения; во-вторых, увеличение договоров, которые заключаются через сеть Интернет» [14].

Задача совершенствования специальных мер гражданско-правовой ответственности, применяемых в отношении нарушителей исключительного права, требует, в первую очередь, совершенствования правовых норм, посвященных взысканию компенсации вместо возмещения убытков, причиненных нарушением исключительного права. Применение компенсации как меры гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав вызывает ряд теоретических и практических вопросов, к числу которых относятся вопросы о правовой природе компенсации, критериях, которые должны учитываться при определении ее размера, соотношении размера присуждаемой компенсации и размера понесенных правообладателем убытков, возможности взыскания компенсации в отсутствие вины нарушителя и др. [15].

Применительно к защите исключительных прав судебная практика достаточно четко обозначила такие недостатки компенсации как ее присуждение в пользу правообладателя без обоснования последним требуемого ее размера, а также очевидное злоупотребление со стороны правообладателей своим правом на защиту. В связи с этим представляется целесообразным введение дифференцированных размеров данной компенсации: в первом случае компенсация может взыскиваться в пределах, установленных законом, без определения убытков, понесенных правообладателем, во втором случае, больший размер компенсации может быть присужден судом при условии оценки размера понесенных правообладателем убытков. Как представляется, в качестве условия для применения компенсации как меры гражданско-правовой ответственности должна выступать вина нарушителя; в отношении лиц, допустивших невиновное нарушение исключительных прав, должны применяться только меры защиты (требование о пресечении действий, нарушающих право, о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права).

Также требуется совершенствование норм законодательства, относящихся к изъятию из гражданского оборота контрафактной продукции, а именно: необходимо определение в качестве основания для признания продукции контрафактной не только ее создание в результате нарушения исключительного права, но и любое возможное введение в гражданский оборот, приводящее к нарушению исключительного права; должна быть оговорена возможность предъявления требования об изъятии контрафактной продукции не только собственнику, но и иным лицам, владеющим контрафактной продукцией; должна быть предусмотрена возможность определять в специальных законах особенности применения данного способа защиты в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности.

Резюмируя вышесказанное, следует сказать о том, что каждый из отечественных институтов права интеллектуальной собственности (авторского права и смежных прав, патентного права, институтов правовой охраны селекционных достижений, правовой охраны средств индивидуализации) к настоящему моменту столкнулся с комплексом проблем,

обусловленных активным вовлечением объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот, развитием цифровых технологий, постепенным размыванием понятия «творчество», и др. Решение этих проблем применительно к каждому из специальных законов в области права интеллектуальной собственности в отдельности представляется наиболее длительным процессом, в то время как вызовы, стоящие перед отечественным правом интеллектуальной собственности, требуют незамедлительного решения. В этой связи следует отметить сложившуюся тенденцию постепенной унификации подходов в определении правового режима разных объектов интеллектуальной собственности, обусловленной признанием в отношении этих объектов исключительного права, и переноса новых норм, примененных в одном законе, последовательно в другие законы (как это произошло с нормами о компенсации, которая может быть взыскана правообладателем с нарушителя вместо возмещения убытков).

Очевидно, что право интеллектуальной собственности Беларуси в своем развитии подошло к тому моменту, когда необходим диалектический переход в новое качество. При этом такой переход должен быть осуществлен в отношении всей системы объектов права интеллектуальной собственности.

Реформирование институтов права интеллектуальной собственности на основе единой концепции исключительных прав, как представляется, возможно только в рамках масштабной работы по систематизации законодательства, наиболее эффективной формой которой является его кодификация.

Возможный кодифицированный акт – Кодекс Республики Беларусь об интеллектуальной собственности – может обеспечить комплексное правовое регулирование общественных отношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Кодификация позволит поднять его на качественно новый уровень, позволив ответить на основные вызовы, которые стоят перед правом интеллектуальной собственности в XXI веке.

Список источников

1. Касьянов, А.С. Договорные способы распоряжения исключительным правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.С.Касьянов. – Москва, 2011. – 34 с.
2. Маковский, А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса / А.Л.Маковский // КонсультантПлюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2021.
3. Сесицкий, Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. П. Сесицкий. – Москва, 2019. – 27 с.
4. Войниканис, Е.А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Е.А. Войниканис. – Москва, 2017. - 53 с.
5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [подписано в г. Марракеше 15.04.1994 г.] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: www.wipo.int/wipolex/en/other_treaties/details.jsp?treaty_id=231. – Дата доступа: 31.09.2021.
6. Руководство по надлежащей практике улучшения доступа к лечению путем применения гибких положений Соглашения ТРИПС ВТО в области общественного здравоохранения [Электронный ресурс] // Программа развития ООН. – Режим доступа: <https://www.undp.org/content/dam/undp/library/hiv aids/English/TRIPS-UNDP-Russian.pdf> - Дата доступа: 31.09.2021 г.
7. Калятин, В.О. О некоторых тенденциях развития концепции «добросовестного использования» в современном авторском праве стран общего права / В.О. Калятин // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2013. – № 3. – С.136-150.

8. Exceptions and Limits to Copyright and Neighboring Rights /WCT-WPTT/IMP/1 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – Mode of access: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/wct_wppt_imp/wct_wppt_imp_1.pdf. – Date of access : 31.09.2021.
9. Калятин, В.О. Законодательство об интеллектуальной собственности XXI века: тенденции развития / В. О. Калятин. // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 3. – С.55-65.
10. Иванов, А.Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. – 2017. – № 5. – С. 78 - 93.
11. Гаврилов, Э. Принцип исчерпания исключительного права и его толкование в постановлении Конституционного Суда РФ / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2018. – № 5. – С.36-46.
12. Пузыревский, С. Антитраст в сфере интеллектуальной собственности: в поисках разумного баланса / С. Пузыревский, Г. Гаджиев [и др.] // Закон. – 2018. – № 2. – С. 18 - 34.
13. Крылова, Е.Б. Интеллектуальные права публично-правовых образований / Е.Б. Крылова, Л.Б. Ситдикова // Юрист. – 2011. – № 12. – С. 28-32.
14. Войниканис, Е.И. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости [Электронный ресурс] /Е.И. Войниканис. – М.: ИД «Юриспруденция», 2013. // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
15. Лосев, С.С. Компенсация как форма гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права / С.С. Лосев // Право.by. – 2016. – № 3. – С.70-76.

А.А. Максуров

**СТРУКТУРЫ АВТОРСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ
КАК СЛЕДСТВИЕ СОДЕРЖАНИЯ ЕГО ПОНЯТИЯ**

В статье рассматриваются вопросы полиструктурности авторского правоотношения. Исходя из анализа имеющихся позиций, сделан вывод о необходимости рассматривать авторское правоотношение в различных смыслах этого понятия. Предложенное новое видение понятие содержания авторского правоотношения приводит к выводу о наличии у авторского правоотношения множества структур. В работе рассмотрены основные структуры авторского правоотношения. Более подробно рассмотрена традиционная логико-философская (логическая) структура авторского правоотношения, в качестве элементов которой выступает объект правоотношения, его предпосылки и результат, субъекты правоотношения, действия и операции сторон и т.п. Такое понимание авторского правоотношения позволит глубже уяснить его содержание, а также все имеющиеся на практике юридические и фактически взаимосвязи между субъектами права, что уже само по себе способно повысить эффективность правового регулирования в сфере реализации и защиты авторских и смежных прав.

Авторские правоотношения принято понимать как регулируемые нормами гражданского права общественные отношения, складывающиеся в сфере установления и реализации прав на произведения науки, литературы и искусства. Однако такой общий подход, собственно, не говорит нам ничего о юридической сути этих отношений, в связи с чем следует рассмотреть данный вопрос несколько подробнее.

Полагаем, что возможно рассматривать категорию авторского правоотношения в широком и узком смысле слова. Такой подход, в свою очередь, предполагает возможность иной оценки содержания авторского правоотношения и позволяет говорить об его полиструктурности.

Среди дореволюционных цивилистов уже Г.Ф. Шершеневич именовал данные правоотношения исключительными и делил их на авторские и промышленные, под первыми же он понимал исключительное право автора на воспроизведение и распространение его произведения (литературного, музыкального, художественного или периодического издания) [1, с. 334-340]. Это отношения абсолютные, они возникают вследствие результата умственного труда, а связанные с ними возможности предполагают устранять всех иных лиц от подражания и т.п. Другой исследователь того времени - Я.А. Канторович – выделял в авторском праве как частно-правовые, так и публично-правовые черты, проводил аналогию с монополией и считал авторские права скорее изъятием, чем правилом [2, с. 41].

В советский период нашей истории исследователи более интересовались вопросами отдельных элементов авторского правоотношения, но не правоотношением в целом [3, с. 145]. В.И. Серебровский, Б.С. Антимонов, Е.А. Флейшиц, М.И. Никитина выделяли правоотношения, возникающие в связи с реализацией норм авторского права, лишь исходя из объекта авторских прав, не предлагая исследовать те или иные сущностные черты авторского права [4, с. 38], [5, с. 33], [6, с. 68]. О.С. Иоффе полагал, что авторские отношения являются личными в одной своей части (отношения по поводу авторства на созданное произведение) и имущественными - в другой (отношения по оплате использованного

произведения) [7, с. 14]. Э.П. Гаврилов указывал, что отношения авторского права - это отношения, касающиеся использования произведения науки, литературы и искусства, поэтому в их состав не входят отношения по созданию произведений, так как авторское право регулирует только те отношения, которые возникают в связи с использованием уже созданного произведения [8, с. 69]. В.И. Корецкий предполагал, что авторскими правоотношениями называются такие правоотношения, которые возникли в силу правовых норм, договора или иных юридических фактов между авторами произведений науки, литературы и искусства и организациями (гражданами) по поводу создания и использования этих произведений, в целях развития культуры и реализации прав авторов [3, с. 191].

К сожалению, сегодня авторы также редко определяют суть авторского правоотношения, предпочитая рассматривать отдельные элементы его логической структуры, однако отдельные исследования все же имеются.

Так, Н.В. Щербак предлагает понимать под авторскими правоотношениями отношения по поводу господства над творческим результатом и отношения по поводу введения этого результата в экономический оборот [9, с. 89], однако «господство» и «экономический оборот» - явно не правовые категории. Е.А. Моргунова под авторскими правоотношениями понимает общественные отношения, возникающие в связи с созданием произведения, использованием исключительного права на произведение, с переходом исключительного права на произведение от одного лица к другому [10, с. 13], однако она ничего не пишет о самой сути этих отношений. А.И. Литвина пишет, что под правоотношениями в сфере авторского права следует понимать весь комплекс гражданско-правовых отношений, возникающих относительно произведения как объекта права: собственно авторские правоотношения, а также обязательственные, наследственные, систему правоотношений по коллективному управлению авторскими правами, правоотношения, обуславливающие права на оригинал произведения, деликтные правоотношения [11, с. 84]. Такое расширение предметной области авторского правоотношения также представляется нам неоправданным.

Исходя из указанного, мы полагаем, что авторское отношение следует понимать в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова это любые отношения, связанные 1) с объектом авторского права и, одновременно, 2) с реализацией автором или иным обладателем авторских и связанных с ними прав своих правомочий. В узком смысле слова под авторскими отношениями мы понимаем имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения по поводу создания физическим лицом произведения науки, литературы или искусства.

Содержательные элементы любого субъективного права не существуют хаотически; они взаимосвязаны между собой, взаимообусловлены в своем существовании и приведены в систему. Для систем такого рода обычно свойственна структурность.

С точки зрения этимологии структура (лат. *structura* – строение) – некоторым строгим образом организованная совокупность устойчивых отношений и связей между элементами. То есть, структура – это внутренняя форма организации системы, ее строение, которое представляет собой относительное единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами [12, с. 395]. Известные исследователи Блауберг и Юдин указывают, что структура - «наличие связей между элементами и появление в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности» [13, с. 177]. Юристы давно уже считают структуру организационным каркасом (скелетом), при помощи которого приводится в необходимое соответствие внутреннее содержание правового явления [14, с. 313].

По нашему мнению, структура авторского правоотношения - это его строение, взаиморасположение основных элементов и связей, которое обеспечивает сохранение основных свойств и функций при воздействии на него тех или иных факторов общественной жизни.

В настоящее время в теории права господствует представление о правоотношении как о полиструктурном образовании, то есть, имеющим множество разнообразных структур. Например, указывают, что у правоотношения есть стохастическая, временная, пространственная, логико-философская и другие структуры [15, с. 123]. Собственно, данного похода уже начинают придерживаться в своих работах и другие исследователи преимущественных прав и направленных на их реализацию правоотношений, в частности, при представлении классификаций преимуществ [16, с. 17].

Мы также полагаем, что данный подход вполне допустим и в отношении авторского правоотношения как самостоятельной разновидности гражданско-правовых отношений, где правильнее говорить не об одной единой структуре, а о комплексе структур, то есть определять общественные отношения в сфере реализации авторских прав и сами лежащие в их основе субъективные права как полиструктурные образования.

Например, можно выделять *временную структуру* авторских правоотношений, которая позволяет исследовать отдельные этапы (стадии) реализации авторских права. Временные характеристики позволяют уточнить порядок фактических действий субъектов авторского права, «привязать» его к определенному времени, формализовать процедуру реализации авторского права.

Стохастическая структура авторских правоотношений позволяет выявить в каждом их виде и конкретной социально-правовой ситуации объективно необходимые и случайные (переменные, нестационарные и т.п.) ее элементы и связи, причем с точки зрения различных субъектов – автора, лицензиара, обладателя смежного права – те или иные связи (элементы, отношения) могут быть с точки зрения своей случайности или с позиций других факторов понимаемыми различно. Благодаря выявленным взаимосвязям и их качествам возможно уяснить социальную сущность и значимость конкретного авторского права на том или ином участке развития общества, исследовать его аксиологические характеристики и т.п.

Следует признать существование *вертикальной* и *горизонтальной структур* авторских правоотношений, которые можно свести в циклическую структуру, поскольку на практике субъекты указанных правоотношений зачастую производят не отдельный выбор средств для реализации своих прав и полномочий, а производят действия и операции в заранее установленном комплексе. Такого рода типологизация, помимо прочего, будет также способствовать совершенствованию правотворческой практике, повышению эффективности по систематизации норм права в указанной сфере.

Можно выделить также психологическую структуру авторских правоотношений, поскольку их субъектами в конечном итоге всегда являются физические лица, конкретные люди и их жизненный опыт, личные взаимоотношения между ними накладывают существенный отпечаток на «движение» правоотношений [18, с. 154], [19, с. 239], то есть в этой ситуации как ни в какой другой особенно важны для учета качества личности [20, с. 224], [21, с. 62], [22, с. 156].

Здесь уже, кстати, можно будет говорить и о выделении информационной структуры как системы информационных связей между субъектами и участниками авторских правоотношений.

С точки зрения *функциональной структуры* особое значение имеют функции авторского права. Налицо охранительная функция, поскольку закон охраняет авторское или

смежное право его обладателя. В случае нарушения авторского права следует говорить о компенсационной и восстановительной функциях. Можно выделять и превентивную функцию, так как реализация авторского права сама по себе способствует стабильности гражданского оборота, предотвращает споры и конфликты между обладателями прав.

Синергетическая структура указывает на то, как субъектам и участникам авторских правоотношений достичь наибольшей эффективности и качества за счет оптимального использования разнообразных вариантов взаимодействия соответствующих юридических способов и средств.

Можно выделять и иные структуры правоотношений в сфере реализации авторского права (например, социологическую, главную и вторичную, основную и вспомогательную, рекурсивную и генетическую и т.п.), однако наибольшее и научное, и практическое значение, по нашему мнению, имеет логико-философская или логическая структура.

Здесь структура авторских правоотношений проявляется в наличии у них формы и содержания [23, с. 90], которые опосредуют основные компоненты логической структуры. К ее компонентам относятся свойства и элементы, первичными из которых являются элементы, причем в структуре данного правоотношения важны не столько элементы структуры сами по себе как таковые, но и сочетание этих элементов.

В содержании авторских правоотношений их элементы имеют различное значение (своего рода, иерархия элементов). К таким элементам относятся, по нашему мнению, субъекты и участники данных правоотношений, объект этих правоотношений, действия и операции субъектов и участников, используемые ими средства, а также способы, которыми используются средства, и – виде достигнутой цели - результаты правоотношений.

Прежде всего, следует выделять субъектов авторского права.

В современной отечественной философии «субъект» определяется в качестве источника целенаправленной активности, носителя предметно-практической деятельности, оценки, познания, преобразования и т.д. [24, с. 550]. Субъект - носитель предметно-практической деятельности и познания, отдельный человек или группа; источник активности, направленной на объект [25, с. 771], познающий и действующий человек, существо, противостоящее внешнему миру как объекту познания [26, с. 777]. Субъект - это то, что само по себе является источником правовой деятельности, правовой активности. Субъект в данной деятельности заинтересован, более того, он в ней объективно нуждается.

Основным субъектом является автор - физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение (ст.1257 ГК РФ). Другая фигура – исполнитель - лицо, творческим трудом которого создано исполнение, - артист-исполнитель (актер, певец, музыкант, танцор или другое лицо, которое играет роль, читает, декламирует, поет, играет на музыкальном инструменте или иным образом участвует в исполнении произведения литературы, искусства или народного творчества, в том числе эстрадного, циркового или кукольного номера), а также дирижер, режиссер-постановщик спектакля (лицо, осуществившее постановку театрального, циркового, кукольного, эстрадного или иного театрально-зрелищного представления), как это указано в ст.1313 ГК РФ. Еще один субъект - изготовитель фонограммы - лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за первую запись звуков исполнения или других звуков либо отображений этих звуков. При отсутствии доказательств иного изготовителем фонограммы признается лицо, имя или наименование которого указано обычным образом на экземпляре фонограммы и (или) его упаковке либо иным образом в соответствии с законом (ст.1322 ГК РФ).

Отметим, что по поводу объекта субъекты и участники предпринимая действия (волевые акты) и операции (совокупности действий), используя для этого правовые и иные

средства различными способами, получая в виде достигнутой цели удовлетворение имущественного или личного неимущественного интереса как результата авторского правоотношения. Толчок же для активности субъектов и участников авторского правоотношения дает создание объекта авторского права.

Таким образом, логическая (логико-философская) структура авторских правоотношений в сфере реализации авторского права позволяет установить сложный (комплексный) субъектно-объектный состав данных отношений, выделить складывающиеся между его субъектами по поводу различных объектов юридические и фактические связи, то есть, данная структура как никакая другая способствует установлению содержательных характеристик самого авторского права, рассматриваемого в динамике – в его реализации.

Вполне возможно схожим образом исследовать, например, психологическую или стохастическую, горизонтальную или вертикальную, а также любую иную структуру правоотношения в сфере реализации авторского права.

Список источников

1. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. М.: СПАРК. 2019. – 562 с.
2. Канторович Я.Л. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Пг., 1916. Репринт. 2019. – 234 с.
3. Корецкий В.И. Авторские правоотношения в СССР. Сталинабад, 1959. – 246 с.
4. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Курс советского гражданского права. Авторское право. М., 1957. – 478 с.
5. Никитина М.И. Авторское право на произведения науки, литературы и искусства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 198 с.
6. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. – 210 с.
7. Иоффе О.С. Основы авторского права. Авторское, изобретательское право, право на открытие: Учеб. пособие. М.: Знание, 1969. – 188 с.
8. Гаврилов Э.П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. – 378 с.
9. Российское гражданское право: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2020. Т. 1. – 656 с.
10. Авторское право: Учеб. пособие / Е.А. Моргунова; Отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Норма. 2019. – 198 с.
11. Литвина А.И. О понятии авторского правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. N 2. С. 84 - 93.
12. Философский словарь. - М., 2019. – 678 с.
13. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. - М., 1973. – 297 с.
14. Керимов Д.А. Философские проблемы права. - М., 1972. – 542 с.
15. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Текст лекций. Ярославль, 1998. Часть 1. – - 188 с.
16. Репьев А.Г. Авторское право. М., 2020. – 256 с.
17. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба – М., 1997. – 345 с.
18. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова – М., 1999. – 482 с.
19. Парыгин Б.Д. Социальная психология. – СПб., 2003. – 422 с.
20. Гичан И.С. Психология становления семьянина. Учебное пособие. – Киев, 1987. – 322 с.
21. Психологические факторы деятельности / Отв. ред. А.И. Галактионов, В.Ф. Венда, В.А. Вавилов – М., 2000. – 312 с.
22. Каган М.С. Система и структура // Системные исследования. Ежегодник. - М., 1983. – 298 с.
23. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2020. – 566 с.
24. Новейший словарь иностранных слов и выражений. - Минск, 1999. – 1022 с.
25. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка - М., 2020. – 1092 с.

К.М. Мехмонов

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье анализируются вопросы правовой защиты объектов промышленной собственности. Предложенное в статье исследование направлено на то, чтобы дать целостное представление о понятии объектов промышленной собственности, имеющейся доктрине, принципах, транспарентности, тенденции развития интеллектуальной собственности. Также, рассмотрены научные взгляды ученых, стратегия законодательства Республики Узбекистан в эпоху инновационного развития, применение гражданского законодательства к объектам промышленной собственности. В заключении автор делает определенные научные выводы и предложения.

Хорошо известно, что интеллектуальная деятельность является важным фактором, влияющим на решение и развитие основных проблем, стоящих перед человечеством. Именно умственная деятельность служила развитию цивилизаций, облегчению ручного труда, эффективному и правильному решению проблем, стоящих перед человечеством. Поэтому важно определить правовой статус результатов интеллектуальной деятельности, развитие законодательства и правоприменительной практики.

Во время появления прав промышленной собственности и в последующие периоды концепция «исключительного права» основывалась на принципе всеобщего интереса. В этом случае правообладателю предоставляется преимущественное право в определенное время, а другим предоставляется только возможность его использования.

Производство и распространение новых технологий по всему миру происходит очень быстро. Но все ли одинаково заинтересованы в этом процессе, в развитии и распространении технологий? Основная проблема в том, что интересы всех не соблюдаются. В то время как одни правообладатели получали бы большую выгоду, нельзя, чтобы другие получали бы ущерб или оставались бы вне рамок права. Поиск «золотой середины» интереса должен служить обеспечению этого интереса.

На первый взгляд, закон о промышленной собственности регулируется законом об интеллектуальной собственности, и, похоже, с этим нет проблем. Однако сегодняшнее развитие, создание, применение и широкое использование новых технологий требует определения понятия и сущности объекта права промышленной собственности и разработки правовых механизмов для эффективного регулирования отношений связанных с этим.

Что касается доктрин о понимании объекта промышленной собственности, некоторые авторы утверждают, что право промышленной собственности в этом отношении не существует как система законодательно установленных правовых норм, выражающих его объективное содержание. Выделение права промышленной собственности как вида права интеллектуальной собственности, такого как авторское право, показывает, что оно осуществляется только на доктринальном уровне и основывается на документах международного уровня [1, с.55].

Хотя такие подходы имеют определенное значение, с этим нельзя согласиться. Прежде всего, то, что содержание объекта промышленной собственности определено в доктринах, помогает правильно понять и интерпретировать этот объект. Каждая страна

самостоятельно определяет свою национальную правовую систему. Поэтому он добавляется в правовые документы международного уровня (Конвенция, соглашение) в собственных интересах. Однако принятие таких документов означает не только слепое использование этих документов. В некоторых случаях могут быть другие условия, например отказ от приема определенных предметов или установка крайнего срока.

Термин «промышленная собственность» не следует понимать буквально. Использование этого термина связано с тем, что в XVIII-XIX веках в европейских странах изобретения и решения технического характера, защищенные патентом на юридическую этикетку, применялись в основном в промышленности. В настоящее время промышленная собственность широко используется не только в промышленности, но и во всех сферах практики, жизни [2, С.126].

Согласно статье 1032 Гражданского кодекса Республики Узбекистан интеллектуальная собственность охраняется на основании документа о правовой защите, выданного государственным органом. Это означает, что согласно статье 1082 ГК изобретение, полезная модель, промышленный образец охраняются не по факту создания, а в случае выдачи специального знака правовой охраны - патента.

По мнению проф. Б.Б. Сулайманова, «доктрина» понимается и применяется в нескольких контекстах, в частности, юридическая наука, источник, т.е. закон - внешнее выражение нормы, форма права и название правового документа, принятого государственным органом [3, С.23].

По мнению проф. О. Окюлова, в каждой области права есть разные подходы и идеи, которые иногда противоречат друг другу. Без них не было бы науки. Более того, в определенный период любая система идей, взглядов, подходов в доктрине будет иметь приоритет как истинное (конечно, относительное) и правильное учение. Если мы сравним его с большим куском льда в океане, наука гражданского права - это большой кусок льда (айсберг), видимая часть которого - доктрина, а его невидимая сторона - другие научные идеи и разработки. Доктрина служит конкретной мишенью для нормотворческой и правоохранительной деятельности [4, с.72].

На наш взгляд, основное содержание доктрины выражается в том, что правовые нормы позволяют научно обоснованно и правильно понимать содержание существующих правил, обобщенных правовых норм, правовых норм. Поэтому доктрины обычно проявляются в формировании научных взглядов, подходов, определенных правил для правильного и оптимального решения проблемы. Доктрина понимания объектов прав промышленной собственности, существующих во всем мире, направлена на их идентификацию по типам объектов прав промышленной собственности.

Изучение опыта зарубежных стран в области правового регулирования прав интеллектуальной собственности, в том числе прав промышленной собственности, также свидетельствует о заинтересованности в совершенствовании системы регулирования в этой сфере. Некоторые новые объекты интеллектуальной собственности, особенно технологии, и связанные с ними объекты промышленной собственности создаются в развитых странах. Естественно, что их правовая поддержка впервые будет опробована за рубежом. Это исключает узкое правовое регулирование на национальном уровне. Поэтому естественно, что «всегда легче внедрить» удобную модель велосипеда», т. е. Легальную конструкцию, созданную в национальной системе, чем изобрести велосипед» [5, с.36]. Предмет исследования напрямую связан с принципом решения в национальном законодательстве вопросов, апробированных в международной практике.

Одна из доктрин, применяемых к интеллектуальной собственности, - это Доктрина добросовестного использования. Эта доктрина встроена в закон США об авторском праве,

который в некоторых случаях допускает словесные ссылки на критику, новостные сообщения, образование и исследования без согласия и оплаты правообладателя. Этот принцип закреплен в нашем национальном законодательстве об авторском праве.

Прежде всего, необходимо уточнить, что входит в объект промышленной собственности. В 1883 году термин «промышленная собственность» впервые был использован в Парижской конвенции по охране промышленной собственности. В то время под патентом понималось сочетание определенных видов интеллектуальной собственности: изобретения, промышленного образца и товарного знака. Это, в свою очередь, напрямую связано с промышленностью и было создано и реализовано в этой области. Поэтому, по сути, объекты промышленной собственности объединены под одним названием в связи с тем, что они используются в промышленности.

Парижская конвенция трактует промышленную собственность в широком смысле и определяет в качестве охраняемых объектов промышленной собственности: 1) изобретения; 2) полезные модели; 3) промышленные образцы; 4) товарные знаки; 5) знаки обслуживания; 6) фирменное наименование; 7) географические названия; 8) наименование места происхождения товара; 9) предотвращение недобросовестной конкуренции (статья 1.2). Отсюда следует, что с течением времени круг объектов промышленной собственности несколько расширился. Как будто объем объектов промышленной собственности не соответствует его сущности. Даже сегодня эти виды промышленной собственности сохраняются в контексте Парижской конвенции. Таким образом, объект промышленной собственности принимается в широком смысле и распространяется не только на промышленность, но и на торговую, сельскохозяйственную, горнодобывающую промышленность, а также на любые промышленные или натуральные продукты - вино, зерно, табак, цветы, муку, химические вещества, информационные и коммуникационные технологии и другие области.

Республика Узбекистан является участником вышеуказанной конвенции и, конечно же, пытается привести свое национальное законодательство в соответствие с изложенными в ней требованиями. Новая редакция Закона Республики Узбекистан от 29 августа 2002 года «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» предусматривает двоякий подход. На данный момент законодательный орган определяет понятия «изобретение, полезная модель и промышленный образец» как точное понятие. В названии закона изобретения, полезные модели и промышленные образцы указаны как объекты промышленной собственности, что закреплено в ряде статей закона (6,7,8 и др.). Статья 2 Закона определяет законодательство об объектах промышленной собственности как состоящее из настоящего Закона и других законодательных актов, а термин «объект промышленной собственности» используется в других статьях (2, 3, 4, 5, 9-11 и др.).

Однако в литературе, публикуемой World Intellectual Property, промышленная собственность трактуется в узком смысле. По его словам, рынок понимается как символ, используемый для информирования потребителей о товарах и услугах [6, В.6]. Профессор Отеро Ластерс (Otero Lastres) делит объекты, охраняемые как промышленная собственность, на две группы: средства персонализации и продукт технического творчества - объект патентования [7, с.781].

На наш взгляд, нельзя игнорировать новый вид растений и новую породу животных (селекционные достижения), секреты производства (ноу-хау, коммерческие секреты) и географические названия. Хотя некоторые из этих объектов, то есть производственные секреты (ноу-хау, коммерческая тайна) и географические названия, не созданы в результате чистой творческой деятельности, они охраняются другой промышленной собственностью в Республике Узбекистан, хотя и в рамках отдельного правового режима.

Если мы посмотрим на национальную статистику, то в 2015 году подано 288 национальных заявок, 219 международных заявок, 353 национальных заявки, 202 международных заявки, 357 национальных заявок, 196 международных заявок на изобретения, которые являются важным компонентом промышленной собственности. 470 национальных заявок, 180 международных заявок, в 2019 г. 374 национальных заявки и 169 международных заявок.

Видно, что не только национальные, но и международные заявки на изобретение имеют темпы роста. Существующие в мире подходы в этом отношении требуют изучения правовых концепций.

Возникает резонный вопрос Что здесь признано объектом промышленной собственности?. Согласно статье 6 Закона Республики Узбекистан «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» в любой области техническое решение, относящееся к процессу выполнения действий, признается изобретением. Это означает, что изобретение охраняется законом в отношении продукта и метода. То же требование относится и к полезной модели. В то же время эти объекты промышленной собственности различаются по патентоспособности. Промышленный образец должен быть художественно-дизайнерским решением, отражающим внешний вид продукта.

21 век оказывает влияние на список объектов интеллектуальной собственности. На этом этапе, прежде всего, целесообразно ли иметь четкий список объектов авторского права? Было бы уместно поискать ответ на этот вопрос. Список защищенных авторским правом произведений в англо-американской правовой системе имел закрытый перечень. Например, в соответствии с § 102 Закона США об авторском праве список работ, защищенных авторским правом, явно ограничен. Однако в 1980 г. компьютерные программы были включены в этот список в связи с расширением понятия литературных произведений (§ 101). В 1990 году архитектурное произведение было включено как § 102 [9].

К началу 21 века объем работ, охраняемых авторским правом, не расширился. Компьютерное программное обеспечение, базы данных, веб-сайты, видеоигры - результат третьей промышленной революции. Программы для ЭВМ и базы данных были внесены в законодательство многих стран (в том числе Республики Узбекистан) в конце XX века как объекты авторского права.

По словам А.А. Кравченко, в рамках авторских и смежных прав на Интернет-сайт распространяются определенные условия: 1) программа для ЭВМ; 2) дизайнерское решение; 3) продукт работы; 4) база данных как объект авторского права; 5) база данных как объект смежных прав [10, С.115].

Отсюда следует, что один объект, охраняемый авторским правом, может также существовать в связи с различными учреждениями интеллектуальной собственности. Однако вопрос о том, что делать при возникновении потребности в правовой защите, иногда оказывается проблематичным.

Переходя к судебному разбирательству по поводу авторских прав, 13 июня 2006 г. Апелляционный суд Франции постановил, что аромат духов не является объектом авторских прав в споре Dior's Dune. По мнению суда, запах духов - это простое проявление ноу-хау, а не форма выражения, охраняемая авторским правом как произведение, как того требует содержание закона об авторском праве [11]. Напротив, Верховный суд Нидерландов пришел к выводу, что аромат духов может быть защищен авторским правом, если он является оригинальным [12].

Из вышеупомянутого спора можно сказать, что, хотя список объектов, защищенных авторским правом, является открытым, французский суд постановил, что открытость списка объектов, защищенных авторским правом, не является основанием для защиты запаха духов и что авторские права защищены законом. [13].

Даже по содержанию Директивы ЕС 2001/29 запах еды нельзя оценивать как работу. Хотя судебная практика ЕС решает вопрос о том, защищен ли запах продукта авторским правом, его нельзя рассматривать как единое решение для всех объектов, которые могут быть объектом защиты авторских прав.

По мнению А.Г. Матвеева и В.Н.Синельниковой, в XXI веке появляются два новых объекта смежного права. Во-первых, использование новостей СМИ в сети агрегаторами (например, GoogleNews, Яндекс.Новости). Во-вторых, организаторы спортивных соревнований имеют право записывать и показывать конкретные соревнования или доводить их до всеобщего сведения [14, с.294-295].

Поскольку список объектов авторского права открыт, естественно, что в связанных объектах авторского права будут изменения. Хотя права медиаорганизаций изучались в качестве отдельного объекта исследования в прошлые столетия, проведение спортивных соревнований и их доставка потребителям через Интернет считается очень крупной инвестиционной и деловой деятельностью. Поэтому вопрос правовой защиты каждого объекта интеллектуальной собственности можно рассматривать как отдельный объект исследования.

Клеточные продукты в биомедицине становятся новым примером современного научного и технологического развития. Этот объект специально не рассматривается как новый объект интеллектуальной собственности. Тем не менее его активно применяют при лечении уже существующих заболеваний человека.

По данной теме были проведены правовые исследования, посвященные проблемам правового регулирования и развития биопатентов. В данном исследовании автор предлагает выделить биопатентное право в отдельный институт интеллектуальной собственности. Предлагается рассматривать промышленную собственность как сумму отдельных аспектов (микробиологический материал и биологический материал на молекулярном уровне) [15, с.9].

Среди отраслей права ключевую роль играют традиционные отрасли права. Например, гражданское право, уголовное право и т. Д. Однако для того, чтобы рассматривать биопатентный закон в качестве отдельной области права, его правовая методология, предмет и метод регулирования, система должны быть доступны и признаны. С другой стороны, чтобы быть признанным институтом права, должна существовать группа взаимосвязанных норм в определенной системе правовых норм. Правовой институт состоит из относительно небольшой группы устойчивых правовых норм, регулирующих тот или иной тип отношений, группы правовых норм, близких по своему содержанию и близких к определенному типу общественных отношений [16, с.541]. Поэтому нецелесообразно выделять объект интеллектуальной собственности в отдельную отрасль права, объект изучения в рамках конкретного учреждения.

В Российской Федерации принят отдельный закон, регулирующий обращение с биомедицинскими продуктами для медицинских целей [17]. Этот закон можно рассматривать как закон со значительным регуляторным бременем, регулирующим сферу биотехнологии. Однако производство, тестирование и применение новых биотехнологических продуктов напрямую связано с человеческим фактором. Для прохождения теста будут мобилизованы определенные человеческие ресурсы. Человеческое участие в этом процессе должно быть основано на принципе добровольности, и должна применяться система безопасности.

В связи с этим статья 34 Закона Республики Узбекистан «Об общественном здравоохранении» устанавливает важный принцип, согласно которому биологические и медицинские исследования с участием человека в качестве объекта разрешаются в учреждениях общественного здравоохранения только после лабораторных экспериментов и письменного согласия граждан [18].

Следует отметить, что в развитых странах исследования в области биомедицины получают все большее распространение. Результаты не только выгодны, но и имеют систему правового регулирования. По этому поводу также существуют отдельные международно признанные документы [19].

Правильно ли иметь такой же подход к изобретениям малой важности и изобретениям революционной важности? Прежде всего, любой патентообладатель стремится обеспечить монопольное положение на рынке и получить большую прибыль, приобретая свое абсолютное право. С другой стороны, отсутствие прав у конкурентов в производстве и на рынке также может негативно сказаться на развитии отрасли. В этом случае правообладатель подходит к вопросу по собственному желанию.

В 2018 году две трети заявок на патенты, товарные знаки и промышленные образцы поступили из азиатских стран. В то же время количество патентов, запрошенных самим Китаем (1,54 миллиона), составляет почти половину среднемирового показателя. В этом году новаторами было подано 3,3 миллиона патентных заявок, а девятилетняя тенденция роста осталась неизменной и составила 5,2 процента. В 2018 году количество существующих патентов выросло на 6,7 процента до 14 миллионов. Из них почти 3,1 миллиона патентов действительны в США, за которыми следуют Китай (2,4 миллиона) и Япония (2,1 миллиона). Было замечено, что большинство патентов, действующих в США, поступают из-за границы.

Для сотрудничества важна прозрачность информации об объекте промышленной собственности. По словам исследователей, патенты побуждают ученых сотрудничать с промышленниками. В этом отношении также проводились определенные эксперименты. В частности, такая же ситуация наблюдалась при производстве первого полусинтетического пенициллина. Шейхан (правообладатель) был мотивирован на получение патента благодаря сотрудничеству с Bristol Laboratories. Наличие патентной защиты у Beecham побудило Bristol Laboratories попытаться убедить их поделиться своими секретами производства с ноу-хау. Однако эта попытка оказалась неэффективной, и между ними был рассмотрен долгосрочный спор [21, с.71-72].

Из вышесказанного видно, что революционные изобретения распространяются быстро и без особых затрат, в основном в промышленно развитых странах. Хотя у правообладателя был патент, это не мешало ему покрывать определенную территорию. Создание пенициллина Флемингом также привело к непатентованию такого объекта. С другой стороны, отсутствие процесса патентования привело к быстрому распространению лекарств.

Сегодня широко наблюдается процесс получения правовой защиты промышленной собственности на основе искусственного интеллекта. Если обратить внимание, с 1998 года наблюдается устойчивый рост в области искусственного интеллекта. Ежегодно с 2012 по 2017 год эксклюзивное право завоевывали 103 компании.

Alphabet (чье портфолио включает Google, DeepMind, Waymo и X Development) занимает только 10-е место по количеству заявок на изобретения (3814) и является лидером среди компаний с правовой защитой в области искусственного интеллекта. Apple и Microsoft также активно занимались приобретением других организаций и смежных прав. В то время как такие компании, как IBM и Intel, сосредоточились на зрелых компаниях, приобретенные компании являются стартапами, и некоторые из них имеют патенты в своих портфелях, в то время как другие не имеют правовой защиты. Это означает, что основной целью

приобретения компаний является приобретение определенных активов, профессиональных сотрудников, а также базы данных, ноу-хау и других прав интеллектуальной собственности [22, В.11].

Одна из актуальных проблем в области права интеллектуальной собственности напрямую связана с принципом прозрачности, основанным на существующей системе интеллектуальной собственности. Действительно, хотя документ о правовой защите не всегда требуется (например, объект защиты авторских прав), любое юридическое лицо может получить документ о правовой защите в отношении любого объекта интеллектуальной собственности. Существуют определенные условия для получения документа о правовой охране в отношении объекта промышленной собственности. Прежде всего, соискатель должен раскрыть информацию о новой технологии, новом продукте или новой услуге. Это означает, что другие люди могут получить информацию о том, кто владеет технологией, продуктом или услугой, а также о правах, связанных с ними. У этого подхода особое место. Это связано с тем, что главная цель - обеспечить эффективный обмен существующими правами и их активное использование для развития и поддержки технологий, предпринимательства и социального развития.

На основании вышеизложенного можно сказать, что важным аспектом системы интеллектуальной собственности является прозрачность. Появление ряда новых технологий, таких как криптоактивы, криптовалюта, электронные платежи, блокчейн, требует существования совершенной системы, которая может хранить соответствующие записи и данные. Это могло бы полностью стереть границы государственного и частного секторов.

В заключение следует отметить, что круг объектов промышленной собственности постоянно расширяется. Основное внимание должно уделяться разработке характеристик, описания, технических характеристик, области применения и других критериев каждого объекта, правового обеспечения безопасности.

Необходимо определить доктринальные основы правовой защиты промышленной собственности и взаимосвязь между источниками правового регулирования, иметь систему, в которой источники права не противоречат доктринально определенным принципам, правилам, концепциям. В противном случае, даже если источник правового регулирования преследует определенные цели, в конечном итоге этот результат может не быть достигнут, поскольку он противоречит принципиальным правилам.

В Республике Узбекистан важно постоянно совершенствовать законодательство, регулирующее объекты права промышленной собственности, в соответствии с современными требованиями, четко определять нормы законодательства. Необходимо полностью отказаться от тенденции дублирования правовых норм в нормативно-правовых актах.

Список источников

1. Баттахов П.П. Понятие и значение права промышленной собственности: закон и доктрина // Северо-кавказский юридический вестник, 2013, №2. 53-56-с.
2. Оқюлов О. Интеллектуал мулкнинг ҳуқуқий мақоми. Т.: ТДЮИ, юрид.фан.докт.дисс.... 126-с.
3. Сулейманов Б.Б. Методологические аспекты правовой доктрины // Доктрина права. Саратов; Тамбов, 2009. № 1–2 (2–3). 23-с.
4. Концептуально-теоретические основы современного гражданского кодекса Республики Узбекистан. // Гражданское законодательство Республики Казахстан и других постсоветских стран: прошлое, настоящее, будущее. Материалы междунар. Научно-практ. Конф., посвященной 75-летию М.К.Сулейменова. –Алматы: НИИ частного права Каспийского университета, 2017, С.66-76.
5. Оқюлов О. Инновация ривожланишини таъминлашда интеллектуал мулк ҳуқуқи институтлари таъсири самарадорлигини ошириш масалалари. - Тошкент: Турон Замин Зиё, 2016. - 300 с.

6. Понимание промышленной собственности // ВОИС. – 2016. – С. 6. (Understanding Industrial Property // WIPO. - 2016. -P. 6.).
7. Otero Lastres J.M., Fernández-Nóvoa C., Botana Agra J. M. Manual de la Propiedad Industrial. – 3.ª ed. – Madrid : Marcial Pons, 2017. – P. 781.
8. <http://my.ima.uz/>.
9. <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf>.
10. Кравченко А. А. Правовой режим интернет-сайта как комплексного объекта права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. -214 с.
11. Cour de Cassation, Chambre civile 1, du 13 juin 2006, 02- 44.718. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000007056062&fastReqId=257361910&fastPos=1>.
12. HR, June 16, 2006, LJN AU8940, Kecofa/Lancôme. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2006:AU8940>.
13. Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 10 décembre 2013, 11-19.872. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000028329512&fastReqId=1235557305&fastPos=1>.
14. Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке. // Вестник пермского университета. 2019. Выпуск 44. 294-295-с.
15. Бирюкова И.В. Проблемы правового регулирования биопатента и его совершенствование. Дисс. на соис.уч.степ.канд.юрид.наук. Т.: 2006. -175-с.
16. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. — 2-е изд.. — М.: Юристъ, 2005. -541 с.
17. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 180-ФЗ "О биомедицинских клеточных продуктах". // Российская газета - Федеральный выпуск № 139(7007). 28 июня 2016 г.
18. <https://www.lex.uz/acts/26013>.
19. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 нояб. 1997 г. URL: <http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=theme&id=116>; Международная декларация о генетических данных человека от 16 окт. 2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml; Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 окт. 2005 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml; Модельный закон «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ» от 18 нояб. 2005 г. URL: <http://base.garant.ru/70385696> Рекомендации «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах – участниках СНГ» от 31 окт. 2007 г. URL: <http://new.iacis.ru/activities/documents>.
20. https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2019/article_0012.html.
21. Доклад о положении в области интеллектуальной собственности в мире. Революционные инновации и экономический рост. WIPO. 2015. 71-72-б. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_944_2015.pdf.
22. Фрэнсис Гарри о будущем интеллектуальной собственности: возможности и проблемы. Сентябрь 2017 г. Доклад ВОИС 2019 г. из серии «Тенденции развития технологии» Краткое изложение Искусственный интеллект. 11-б. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1055_exec_summary.pdf.

Д.И. Недвецкий

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Признавая актуальность проблемы правовой охраны традиционных знаний и в отсутствие специализированного режима охраны важным является определение возможности охраны традиционных знаний с использованием иных объектов интеллектуальной собственности. В статье рассматриваются отличия традиционных знаний от иных объектов интеллектуальной собственности и проблемы, возникающие в связи с использованием существующих механизмов, не учитывающих специфику традиционных знаний.

Традиционные знания представляют новый объект интеллектуальной собственности. Пока нет общепризнанного понимания того, что же из себя представляют традиционные знания, где проходит граница между знаниями «обычными» и «традиционными», каким условиям должны соответствовать традиционные знания для предоставления правовой охраны, каким образом необходимо охранять эти знания. Один из вариантов охраны традиционных знаний – это встраивание данного объекта в уже существующую систему интеллектуальной собственности, адаптация уже существующих механизмов и принципов и выявление точек, объединяющих традиционные знания с иными объектами, или отличающих объекты между собой. Понимание особенностей традиционных знаний в сравнении с иными объектами интеллектуальной собственности может помочь понять, насколько возможна охрана традиционных знаний с помощью уже существующих механизмов защиты иных объектов интеллектуальной собственности.

Традиционные знания охватывают множество различных сфер – от использования генетического разнообразия в сельском хозяйстве, здравоохранении и охране окружающей среды и до использования фольклора в изобразительном искусстве или кинематографе. Следует сразу отметить, что в современном мире, в котором глобализация и унификация ощущаются с каждым годом все отчетливее, традиционные знания представляют собой не просто какие-то передаваемые из поколения в поколение знания, а в первую очередь становятся эффективным инструментом сохранения биологического, культурного или социального разнообразия. Традиционные знания фактически и являются неотъемлемой частью социальной и культурной сферы, основой, объединяющей представителей одного народа [1, с. 1].

Каждый из нас может ежедневно сталкиваться с традиционными знаниями, даже не подозревая об этом. Мы можем говорить о традиционных знаниях, когда ребенок слушает сказку, когда мы видим национальный орнамент, когда мы используем для лечения «бабушкины рецепты». В качестве проникновения традиционных знаний в повседневную жизнь, в том числе и других народов, можно привести рисунок «бута» (или «индийский огурец», «турецкий огурец») – каплеподобный узор с заостренным и загнутым верхним концом. Данный узор известен с начала первого тысячелетия и из Персии и Индии распространился по многим азиатским странам. В 17 веке в шотландском городе Пейсли на волне популярности восточных тканей начали производство тканей с этим орнаментом, что привело к популярности рисунка по всей Европе, причем во многих европейских странах орнамент так и стал называться – «пейсли». В настоящее время мало кто воспринимает этот орнамент как восточный, он прочно вошел в европейскую культуру.

Различные страны подходят к правовой охране традиционных знаний зачастую диаметрально противоположно. Некоторые страны создают специализированные законы. Другие страны пока не обращают внимания на проблемы, связанные с использованием на их территории традиционных знаний. Но со временем проблема предоставления правовой охраны традиционным знаниям будет решаться все большим количеством стран. Республика Беларусь пока не обсуждает вопросы традиционных знаний, поскольку такая специфическая проблема кажется не имеющей отношения к нашей стране – традиционные знания воспринимаются как нечто очень экзотическое. Однако и Беларусь обладает традиционными знаниями и самые очевидные примеры – это фольклор, традиционные ремесла, традиционное использование местных растений (например, напиток «зубровка») и так далее. Но важным является не только защита на территории Беларуси местных традиционных знаний, но и защита используемых на территории Беларуси традиционных знаний иных народов.

Несмотря на то, что до сих пор нет единого общепризнанного определения традиционных знаний [2, с. 16], можно четко определить те черты, которые отличают этот объект интеллектуальной собственности от иных объектов.

1. Отличия в круге правообладателей.

Если в «традиционных» объектах интеллектуальной собственности (например, изобретения или товарные знаки) всегда есть четко определенное лицо, которое становится основным выгодополучателем от существования и эксплуатации объекта (правообладатель как лицо, указанное в реестре), то в случае традиционных знаний владельцем таких знаний выступает неопределенный, а в некоторых случаях максимально широкий круг лиц. В документах Всемирной организации интеллектуальной собственности в качестве владельцев традиционных знаний называются коренные народы или местные общины [3, с. 2]. Таким образом, в случае традиционных знаний на первый план выходит некий «коллективный правообладатель», а не персонифицированное лицо, единолично распоряжающееся объектом, которому предоставлена правовая охрана.

Еще одним отличием выступает отношение владельца к созданию такого объекта. Практически всегда, применительно к объектам интеллектуальной собственности правообладателем становится лицо, которое непосредственно создало этот объект, либо лицо, право на владение объектом к которому перешло непосредственно от лица, создавшего объект. Исключением из этого правила выступают только товарные знаки (законодательство отрицает существование автора товарного знака) и географические указания. В случае географических указаний владельцем прав как правило выступает не создатель охраняемого географического указания, а лицо, которое имеет возможность производить товар, соответствующий требованиям к географическому указанию. Если такое лицо теряет возможность производства соответствующего товара, то географическое указание фактически будет исключено из числа охраняемых. Если же рассматривать традиционные знания, то следует признать, что у них (как и у любых знаний) есть лицо, которое фактически является «создателем» этих знаний, но, как правило, оно неизвестно, и в силу требования к традиционным знаниям быть передаваемыми по крайней мере из поколения в поколение в течение не менее 50 лет или пяти поколений (в зависимости от страны, устанавливающей требования) [3, с. 8], такой «создатель» не находится среди живых. Разнесение по времени между возникновением традиционного знания и предоставлением ему правовой охраны – это свойство самого традиционного знания, в некоторых случаях правовая охрана может быть предоставлена традиционным знаниям, передаваемым из поколения в поколение в буквальном смысле в течение столетий или даже тысячелетий (это очевиднее всего в случае фольклора). В случае же, например, изобретения или промышленного образца существует требование об испрашивании правовой охраны

в строго ограниченный срок после создания объекта и в противном случае правовая охрана не будет предоставлена, иными словами, создание объекта и предоставление ему охраны во времени практически совпадают.

2. Отличия в сроке охраны.

Абсолютно все объекты интеллектуальной собственности имеют четко определенный срок правовой охраны. И даже возможность в случае товарных знаков или географических указаний продлить неограниченное количество раз срок охраны не означает их фактическую бессрочность. В любой конкретный момент времени можно определить дату, указанную в государственном реестре или привязанную к дате смерти автора, как конечную дату срока правовой охраны. Такое ограничение по времени правовой охраны интеллектуальной собственности является очень важным, так как именно права и ограничения правообладателя позволяют достичь баланса интересов правообладателя и общества. Истечение срока охраны означает переход объекта интеллектуальной собственности в общественное достояние и возможность его использования любым лицом.

Идея охраны традиционных знаний, наоборот, предполагает бессрочность такой охраны. Охрана существует, пока традиционные знания соответствуют тем требованиям к ним, которые установит государство в своем законодательстве. Государство не заинтересовано в прекращении правовой охраны традиционных знаний, так как целью охраны является не стимулирование создания новых объектов (как в случае, например, изобретений), а максимальное сохранение уже длительное время существующих традиционных знаний.

3. Отличия в правомочиях владельца и порядке использования.

Если говорить про такие объекты интеллектуальной собственности как изобретения или товарные знаки, то основной целью правовой охраны таких объектов является содействие их владельцам в коммерциализации принадлежащих им прав.

Основная же цель охраны традиционных знаний не в получении прибыли от их использования, а в сохранении самих знаний. Защита в первую очередь направлена на защиту от неправомерного использования и незаконного присвоения. Конечно, государство заинтересовано в использовании традиционных знаний, но такое использование в первую очередь должно осуществляться самими коренными народами или местными общинами и в порядке, который они и определяют. А в случае, когда традиционные знания являются священными для коренных народов и в силу этого сохраняются в секрете, государство заинтересовано в сохранении таких традиционных знаний от разглашения.

Такие отличия традиционных знаний от иных объектов интеллектуальной собственности создают проблемы при адаптации существующих форм правовой охраны. Существующие инструменты, созданные для охраны интеллектуальной собственности и уже закрепленные в законодательстве Республики Беларусь, не могут в полной мере обеспечить правовую охрану традиционных знаний.

Традиционные знания и изобретения.

Именно с помощью патентов, например, в некоторых странах охраняют лекарственные средства, созданные на основе традиционных знаний.

При экспертизе и предоставлении правовой охраны изобретениям ключевым является определение уровня техники – объема информации, который содержит сведения, способные повлиять на охраноспособность изобретения. С одной стороны, традиционные знания должны включаться в уровень техники, так как это позволит исключить возможность недобросовестным заявителям получить исключительные права на традиционные

знания. Однако такое включение традиционных знаний требует документирования и полного раскрытия этих самых знаний для всех лиц. С другой стороны, такое раскрытие и документирование иногда может противоречить самой природе традиционных знаний. Коренные народы однозначно не согласятся раскрыть всему миру те знания, которые являются для них сакральными и сохраняются в тайне.

Кроме того, правовая охрана изобретений предполагает охрану, ограниченную по времени, после истечения которой сведения об изобретении переходят в общественное достояние. Так как целью охраны традиционных знаний является их сохранение максимально возможное время, то можно утверждать, что в большинстве случаев охрана традиционных знаний в качестве изобретений может привести к исчезновению самих традиционных знаний, как наследия, принадлежащего коренным народам или местным общинам.

Традиционные знания и товарные знаки.

Товарные знаки, в отличие от изобретений, в теории могут охраняться достаточно длительное время и можно говорить о возможности бессрочной охраны традиционных знаний с помощью этого инструмента.

Проблемой становится тот факт, что в качестве товарного знака может охраняться обозначение, а не совокупность знаний или информации и в большинстве случаев выражение традиционных знаний в виде товарных знаков вызывает значительное затруднение. Наиболее подходящими для охраны с помощью товарных знаков становятся фольклор или традиционные умения, имеющие специфическое название. Имя героя мифов, его образ, могут стать отличными товарными знаками, позволяющими как получать выгоду от использования традиционных знаний, так и не допускать использование недобросовестными или неуполномоченными лицами. Другим примером может быть название традиционного способа лечения, которое в качестве товарного знака позволяет продвигать накопленные знания в качестве услуги под охраняемым названием.

Еще одной проблемой является охрана товарного знака только в отношении тех товаров и услуг, которые указаны в свидетельстве, либо однородных им. Если рассматривать пример с именем героя мифов, то для охраны товарного знака необходимо будет сформулировать требуемые товары и услуги. Остальные товары и услуги останутся доступными для недобросовестных лиц, что может привести к приобретению исключительных прав лицами, не имеющими оснований для использования традиционных знаний. Решением могла бы быть регистрация товарного знака во всех классах Международной классификации товаров и услуг, но в этом случае проблемой является обязанность владельца товарного знака использовать зарегистрированный товарный знак в отношении всех указанных в свидетельстве товаров и услуг. Если владелец не использует свой товарный знак в отношении каких-либо товаров или услуг у недобросовестного лица появляется механизм частичного прекращения правовой охраны товарного знака, т. е., снова возникает риск последующей регистрации товарного знака лицом, не имеющим права на использование традиционных знаний.

Единственным вариантом решения проблемы регистрации товарного знака, отражающего традиционные знания, неуполномоченным лицом могло бы быть включение в законодательство в качестве одного из абсолютных оснований для отказа в регистрации товарного знака включение в товарный знак традиционных знаний. Но такое решение требует четкого определения того, что же такое «традиционные знания», определения круга охраняемых традиционных знаний и доступа к перечню всех охраняемых традиционных знаний со стороны эксперта. Пока такое определение невозможно, что ставит под сомнение возможность данного решения. Выходом могло бы быть отсылка к традиционным знаниям, признанным таковыми в стране происхождения или возникновения, это позволяет более или менее определить сведения, которые могут послужить основанием для

отказа, но значительно сужает круг традиционных знаний, которые получают защиту от недобросовестной регистрации в соответствии с такой нормой.

Традиционные знания и географические указания.

Географические указания могут позволить достаточно эффективно защитить товары, созданные с использованием традиционных знаний. В этом случае традиционные знания будут защищаться через материальные предметы, созданные на основе и с использованием традиционных знаний. Эффективную защиту с использованием сходного механизма могут получить и традиционные ремесла, о чем свидетельствует успешный опыт Европейского Союза. Экономический эффект от использования традиционных знаний с помощью правовой охраны географических указаний для местных общин максимальный. При этом традиционные знания не только сохраняются, но и получают реальное развитие. Однако, географические указания могут охватить достаточно узкую сферу традиционных знаний, а их большая часть (в первую очередь духовная) остается «беззащитной».

Традиционные знания и авторское право.

При использовании традиционных знаний для создания объектов авторского права на первый план могут выходить проблемы сохранения традиционных знаний в их первоначальном виде, исключение их искажений и модификаций, которые негативно могут сказаться уже на самих коренных народах.

Традиционные знания постоянно являются источником вдохновения для художников, дизайнеров, авторов и музыкантов. При этом с точки зрения авторского права создаются самостоятельные произведения, которые получают охрану независимо от традиционных знаний. Автор, особенно если он не принадлежит к народу, создавшему традиционные знания, которые легли в основу создаваемого произведения, как правило не ограничен в трактовке традиционных знаний, даже если их смысл или назначение ему не особенно понятен. Очевидно, что художник, используемый орнамент иного народа, вряд ли будет знать значение этого орнамента и его неправильное использование может вполне исказить значение, вложенное в него создателями. Вдохновляясь, например, африканской легендой и создавая роман автор может переосмысливать события легенды, менять роль ее участников и предлагать свои варианты развития событий. Но это может привести к возникновению такого варианта, который может оказаться даже оскорбительным для народа, который создал эту легенду и для которого она лежит в основе культуры и мировоззрения. В случае приобретения созданным произведением популярности искажение традиционных знаний может приводить к созданию у иных народов ложных стереотипов и представлений именно в силу искажения оригинальных традиционных знаний.

Таким образом, охрана традиционных знаний с помощью существующих объектов интеллектуальной собственности возможна в ряде случаев. При этом следует учитывать, что далеко не во всех случаях существующие механизмы позволяют надежно и эффективно защитить права коренных народов на принадлежащие им традиционные знания. Иными словами – существующие механизмы могут выступать только как временная мера, разработка специального механизма правовой охраны именно традиционных знаний необходима.

Список источников

1. «Интеллектуальная собственность и традиционные знания», публикация ВОИС № 920 (R), 2005.
2. «The role of customary law in access and Benefit-sharing and traditional knowledge Governance: perspectives from Andean and Pacific island countries», Dr. Brendan Tobin, 2008, https://www.wipo.int/export/sites/www/tk/en/resources/pdf/customary_law_abs_tk.pdf.
3. «Охрана традиционных знаний: проект статей», WIPO/GRTKF/IC/40/18, 19.06.2019, https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=439126.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУР ПАТЕНТОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ

В статье рассмотрены основные тенденции патентования за рубежом, рассмотрены патентные режимы, в рамках которых действует соглашение TRIPS, иницированное ВТО, и Договор о патентном праве (PLT). Представлены основные этапы подачи заявки на патент.

Существует давняя дискуссия о влиянии прав интеллектуальной собственности (ИС) на инновации и экономическое развитие. Один из наиболее спорных вопросов связан с силой патентной защиты в странах с низким и средним уровнем дохода [1]. В основе этой дискуссии лежит тот факт, что страны имеют возможность самостоятельно определять важные аспекты своих систем прав ИС. Хотя существуют международные соглашения, такие как соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которые гармонизируют и регулируют важные аспекты национальных систем ИС, глобальной патентной системы не существует и лишь несколько региональных систем. Этот часто упускаемый из виду факт означает, что патенты являются национальными правами и, следовательно, действительны только в той юрисдикции, которая их предоставляет [2]. Это, в свою очередь, означает, что независимо от силы установленной законом патентной охраны одно и то же изобретение может быть защищено патентом в одной юрисдикции, но не в другой. Следовательно, помимо наличия и силы патентной защиты, необходимость подачи патентов на одно и то же изобретение в каждой стране, для которой испрашивается патентная защита, вероятно, повлияет на решения компаний о том, где получить патентную защиту, и, следовательно, на их деловые решения, включая НИОКР, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), экспорт и т. д. Это также может повлиять на бизнес - решения компаний, не являющихся патентообладателями, особенно в странах с низким и средним уровнем дохода [3].

Фрагментарный характер патентной охраны также поднимает ряд других вопросов. Во-первых, когда патентные заявки на одно и то же изобретение должны рассматриваться в нескольких различных ведомствах, не говоря уже о вопросах, связанных с правоприменением в разных юрисдикциях, несомненно, тратится много ресурсов впустую. В некоторой степени эта проблема смягчается системой РСТ, которая допускает единый поиск предшествующего уровня техники одним из назначенных международных поисковых ведомств, однако для развивающихся стран создание патентного ведомства и приобретение экспертных знаний, необходимых для выдачи патентов, могут потребовать ресурсов, которые лучше было бы потратить в других местах [4].

Особенности патентных режимов можно разделить на две категории: патентная заявка и патентная правоприменительная практика. Некоторые законодательные факторы влияют на процесс получения патента, а другие - на процесс реализации патентных прав. Эти особенности различаются в разных странах и отражают различные подходы стран к правам интеллектуальной собственности. Некоторые страны (например, США) выделяют особенности, чтобы более сильно взвесить создание технологий, в то время как другие (например, Япония) предпочитают способствовать распространению технологий [5].

Одной из особенностей, которые следует рассмотреть в процессе патентования является определение приоритета (кто первым претендует на получение патента) и патентоспособности (является ли изобретение новым и не ограничен ли предмет патента). Если

изобретение не является полностью новым (в том смысле, что оно было открыто публично до подачи заявки), может применяться льготный период или исключение [6]. В процессе подачи заявки необходимо оплатить сборы, пройти экспертизу и определить, когда должно произойти публичное раскрытие информации. Как только патент выдан, если вообще выдан, изобретателю предоставляется определенный срок охраны; также могут быть возражения третьих сторон против выдачи патента или ограничения, такие как рабочее требование или принудительное лицензирование для третьих сторон. Если испрашивается глобальная патентная защита, то имеет значение, являются ли страны членами международных договоров, затрагивающих приоритет, пошлины и Национальный режим [7].

В процессе правоприменения, патентные права реализуются судами, а не патентными ведомствами. В случае нарушения патентообладатели могут прибегнуть к следующим законодательным положениям: предварительный судебный запрет, сопутствующее нарушение, бремя доказывания отмены, Открытие и доктрина эквивалентов. Предварительный судебный запрет требует от обвиняемого нарушителя прекратить производство или использование запатентованного продукта или процесса в ходе судебного разбирательства [8]. Сопутствующее нарушение позволяет третьим лицам также нести ответственность, если они внесли небрежный вклад в нарушение. В патентных процессах бремя доказывания перекладывается на обвиняемого, чтобы доказать невиновность (то есть показать, что используемый процесс не является запатентованным). Обнаружение позволяет обвинителю получить доказательства от обвиняемого, такие как документация. Наконец, доктрина эквивалентов признает виновного нарушителя ответственным, если он использует сущность запатентованного изобретения, но не нарушает патент в буквальном смысле [9].

В работах таких зарубежных исследователей, как: Билиц, Маккалман, Бранстеттер, Гулд и Грубен, Канвар и Эвенсон, Чен и Путтитанум, Киан, Сакакибара и Бранстеттер, Шерер и Вайсберст представлено влияние интернационализации патентной системы на получение патента в Европе. Проведенные исследования сосредоточены на относительно широких международных соглашениях, которые затрагивают только определенные аспекты национальных патентных систем, но которые не создали систему, позволяющую получать патентную выдачу одновременно в нескольких юрисдикциях [10]. Также анализируется влияние патентной силы на инновации. Большинство эмпирических исследований опираются на совокупные данные на уровне стран для изучения корреляций между той или иной мерой силы защиты прав ИС, экономическим ростом и инновациями [11].

В настоящее время существуют два основных многосторонних предложения по гармонизации патентных режимов: соглашение TRIPS, инициированное ВТО, и Договор о патентном праве (PLT), инициированный ВОИС. В целом ВТО сосредоточена на укреплении общих уровней защиты в развивающихся странах, в то время как ВОИС сосредоточена на сглаживании различий в спецификации защиты. Соглашение по TRIPS ожидает ратификации и осуществления странами-членами ВТО.

Некоторые основные моменты PLT заключаются в следующем:

- 1) Принимать заявки на любом языке
- 2) публикация с отчетом о поиске через 18 месяцев
- 3) доктрина эквивалентов
- 4) двадцатилетний срок действия патента со дня первой подачи заявки
- 5) приоритет отдается изобретателю, который первым подаст заявку
- 6) 1 год международного льготного периода
- 7) экспертиза должна быть проведена в течение 2-3 лет
- 8) После Выдачи Патента

Соглашение TRIPS вступило в силу 1 января 1995 года. TRIPS устанавливает лишь минимальную защиту, которую члены должны обеспечивать правам интеллектуальной собственности, его сфера охвата является всеобъемлющей: соглашение охватывает как общие, так и конкретные права интеллектуальной собственности [12].

Страны обязаны согласиться с положениями четырех предыдущих соглашений о защите прав интеллектуальной собственности, а также обязаны соблюдать процедуры разрешения споров, осуществляемые Всемирной торговой организацией. Дальнейшие положения требуют, чтобы страны предоставляли иностранной интеллектуальной собственности такой же режим, как и их собственной (статья 3 соглашения TRIPS); запрещают странам исключать определенные продукты из патентов и требуют защиты сортов растений (статья 27 соглашения TRIPS компьютерных программ, и баз данных (статья 27.3(б) соглашения TRIPS).

Подача заявки на патент-это юридический процесс, который регулируется строгими временными рамками и обычно незыблемыми сроками [13]. Это не то, к чему нужно спешить! Чтобы максимизировать свои шансы на достойный патент, вы должны:

Подробно изучите процедуру подачи заявки.

Старайтесь применять их не в спешке, а стратегически - в то время и по той причине, которая наиболее выгодна вашим планам эксплуатации. (См. стратегию патентования ниже.)

Используйте патентного поверенного! Не делайте все это сами - риск ошибиться слишком велик.

Подача международной заявки через договор о патентной кооперации (РСТ) включает в себя единую процедуру для этапов 1-4, но через 30 месяцев после подачи заявка проходит этапы 5 и 6 в каждом национальном или региональном ведомстве ИС, где вы хотите получить охрану.

Выбор маршрута подачи патентной заявки (ЕРС, РСТ, национальный и региональный или их комбинации) будет зависеть от:

- Изобретения;
- бизнес-плана;
- свободных средств;
- предполагаемого рынка.

Патентный поверенный сможет посоветовать вам маршрут, который лучше всего подходит для вас и вашего изобретения.

Этап 1 начало процесса

Патентный поверенный должен предоставить документацию, состоящую из:

- Запрос на патент.
- Сведения о заявителе.
- Описание изобретения.
- Формула изобретения.
- Реферат изобретения.
- Чертежи (если таковые имеются).

Кроме того, необходимо внести плату. Во избежание задержек крайне важно, чтобы вся документация во всех деталях соответствовала официальным требованиям. Ваш патентный поверенный позаботится об этом. В ЕПВ заявки принимаются на английском, французском или немецком языках.

Этап 2 дата подачи заявки и первичная экспертиза

Если документация представляется правильной, вашей заявке присваивается дата подачи - также известная как дата приоритета. После подачи заявки проводится формальная экспертиза, чтобы убедиться в правильности и полноте вашей документации.

В любое время в течение следующих 12 месяцев можно подать заявку на патентную защиту в других странах, и эти более поздние заявки будут рассматриваться так, как если бы они были поданы в день вашего приоритета. На практике это дает время в течение года, чтобы решить, сколько стран включить в свою патентную защиту.

Этап 3 Поиск

Высылается отчет о поиске, в котором перечисляются и включаются копии всех документов предшествующего уровня техники, найденных опытным экспертом и считающихся относящимися к вашему изобретению. Поиск основан в основном на ваших претензиях на новизну, но ваше описание и любые рисунки также будут приняты во внимание. Отчет часто включает первоначальное заключение о патентоспособности вашего изобретения.

Этап 4 Издание

Заявка публикуется через 18 месяцев после даты подачи. Изобретение появится в базах данных, доступных другим людям по всему миру. Он будет действовать как предшествующий уровень техники против любых будущих патентных заявок от других изобретателей или компаний на аналогичные изобретения.

После того как патент будет выдан, вы можете потребовать возмещения убытков за нарушения, возникшие еще до даты публикации вашей заявки. Однако для того, чтобы воспользоваться этим правом в некоторых странах, может потребоваться подать перевод претензий в национальное ведомство ИС и опубликовать переведенные претензии.

Этап 5 Экспертиза по существу

Если будет запрашиваться экспертиза по существу, ЕПВ должно решить, соответствует ли изобретение и заявка требованиям Европейской патентной конвенции. Для максимальной объективности обычно есть три эксперта ЕРО, один из которых поддерживает контакт с патентным поверенным. Этот этап часто включает в себя диалог между экспертами и вашим патентным поверенным, что может привести к пересмотру ключевых частей заявки.

Этап 6 решение о выдаче патента

Если эксперты принимают решение о выдаче патента, и все пошлины уплачены, и какие-либо претензии поданы, решение сообщается в Европейском патентном бюллетене. Решение о предоставлении гранта вступает в силу со дня его опубликования.

Этап 7 Проверка

После публикации решения ЕРО о выдаче патента, патент должен быть подтвержден в каждом указанном государстве в течение определенного срока. Если этого не сделать, патент может не иметь юридической силы в этом штате. В некоторых штатах валидация может включать в себя подачу (и оплату) перевода всего патента или только перевода предоставленной формулы изобретения.

Этап 8 Оппозиция

Выданный патент может быть оспорен третьими лицами - обычно конкурентами заявителя, - если они считают, что он не должен был быть выдан. После того, как о гранте сообщается в Европейском патентном бюллетене, у них есть девять месяцев, чтобы подать уведомление об возражении. Наиболее распространенным обвинением является то, что изобретение не является новым или не имеет изобретательского уровня. Дело будет рассмотрено группой ЕПВ, опять же из трех экспертов.

Этап 9 Апелляция

Все решения ЕПВ могут быть обжалованы. Ответственность за принятие решений по апелляциям несут независимые апелляционные советы.

В заключение можно сказать, что не существует всеобъемлющего международного или глобального патента. Поданная в США патентная заявка хороша только в Соединенных Штатах. Патент, поданный в Великобританию, хорош только в Великобритании и так далее. Поэтому для того, чтобы получить международные или иностранные патентные права, необходимо подать заявку отдельно в каждой зарубежной стране, поскольку патентное законодательство каждой страны различно. Эти патентные законы не имеют применения или силы за пределами страны, в которой они приняты.

Список источников

1. Минков А. Международная охрана интеллектуальной собственности. — СПб.: Питер, 2001, с. 58.
2. Grossman, G.M. and E. Helpman, 1991a, 'Quality Ladders in the Theory of Growth'.
3. Hall P, 'Intellectual Property Rights Protection and International Trade: An Economic Survey' (September 1998), p. 262.
4. Rafinejad D. Innovation, Product Development and Commercialization: Case Studies and Key Practices for Market Leadership, J. Ross Publishing, 2007, 432 p.
5. Alguliyev R.M., Mahmudov R.S. The issues of Internet regulation. Express – information, "Information society series", Baku, "Information Technologies" publishing house, 2010, 115 p. 6.
6. Меньшонков С.Н, Международная практика защиты прав интеллектуального собственника, МАКС Пресс 2003 г.
7. Клавье Ж.-П. Основные понятия интеллектуальной собственности // Труды Кафедры ЮНЕСКО по интеллектуальной собственности, т. III «Проблемы охраны интеллектуальной собственности в России и Западной Европе», 1999-2000.
8. Залесов А. Охрана изобретений по соглашению ТРИПС // Интеллектуальная собственность, 1996, № 11-12, с. 40.
9. Копылов В. А. Информационное право: Учебное пособие. — М.: Юристъ, 1997, с. 67.
10. Городисский М., Шестопал Я. Объединение патентных поверенных: операции во всем мире // Закон, 1994, № 1, с. 96.
11. Бромберг Г. В., Лебедев С. А., Розов Б. С. Интеллектуальная собственность. Вводный курс: Учебное пособие. — М.: МАКС Пресс, 2002, с. 24.
12. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS Agreement) – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_03_e.htm (дата обращения: 20.02.2021). – Текст : электронный.
13. The Briefing Book on International Organizations in Geneva 2004. — Geneva: AGL, 2004, p. 44-45.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СЛОЖНОГО ОБЪЕКТА В АВТОРСКОМ ПРАВЕ

В статье анализируется сложный объект как результат интеллектуальной деятельности, выявляются его сущностные признаки, рассматриваются критерии охраноспособности. Автором проанализированы и систематизированы теоретические положения по теме исследования, изучены доктринальные подходы, особенности правового регулирования сложных объектов. В статье рассмотрены правовые основы регулирования сложных объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Проанализирован вопрос о возможности включения в структуру сложного объекта неохранных результатов интеллектуальной деятельности. На основании проведенного исследования, выделены ключевые признаки сложного объекта, предложено авторское определение понятия «сложный объект».

В современном гражданском обороте сложные объекты являются наиболее востребованными среди объектов авторского права. Вместе с тем, правовой режим сложных объектов не определен белорусским законодателем. В Гражданском кодексе Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» и других нормативных правовых актах упоминание о таких результатах интеллектуальной деятельности как «сложный объект» отсутствует.

Сложные объекты становились предметом исследования ряда ученых: А. Г. Амбаряна [1], П. В. Бабарыкина [2], И. А. Близнеца [3], В. А. Дозорцева [4], Е. А. Мазур [5], И. Н. Никифоровой [6], О. А. Рузаковой [7] и др.

Характеризуя состояние гражданско-правовой доктрины в области исследования сложных объектов, следует отметить, что в цивилистической науке до сих пор не сложилось целостной системы взглядов на сложный объект как особый результат интеллектуальной деятельности.

Обратимся к опыту Российской Федерации, поскольку как показал анализ, данное государство единственное на территории стран СНГ содержит специальные нормы в отношении сложного объекта.

Законодатель не дает легального определения категории «сложный объект», ограничиваясь лишь указанием на один конструктивный признак данного объекта - наличие нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

К числу сложных объектов в Гражданском кодексе Российской Федерации отнесены: кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных [8]. Подобное ограничение перечня объектов вызывает ряд вопросов, причем один из наиболее острых – это вопрос о полноте данного перечня и его справедливости.

Развитие информационных технологий делает возможным появление новых сложных объектов, которые еще не известны праву. Для обеспечения стабильности и эффективности законодательства, необходимо использовать более универсальные конструкции, не требующие постоянной корректировки, которая негативно отражается на эффективности правового регулирования сложных объектов. Таким образом, считаем целесообразным при конструировании дефиниции сложного объекта определить содержательные границы термина посредством раскрытия его основных характеристик, не ограничиваясь исчерпывающим перечнем.

Анализируя сложные объекты, Л. А. Новоселова выделяет следующие признаки: 1) сочетание нескольких объектов интеллектуальных прав в структурном составе сложного объекта; 2) структурная взаимосвязь и единая цель объектов интеллектуальных прав в составе сложного объекта; 3) многосубъектность [9, с.84].

Первый признак указывает на важную особенность сложного объекта, однако требует уточнения. Необходимо конкретизировать, какие объекты интеллектуальной собственности (однородные или разнородные) и каким образом они объединены в структурном составе сложного объекта.

В заключении Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что сложными объектами могут быть признаны произведения, которые «представляют собой единое целое (единый объект), а с другой стороны, имеют сложный состав (структуру), образуемый из совокупности разнородных результатов интеллектуальной деятельности» [10]. Таким образом, для признания объекта сложным, необходима совокупность разнородных результатов интеллектуальной деятельности, образующая единый объект правовой охраны. А. Г. Амбарян отмечает, что форма сложного произведения поглощает формы входящих в его состав результатов интеллектуальной деятельности, подчеркивая, что «в составе сложного объекта первоначальные произведения как бы растворяются» [1, с.9]. На необходимость наличия в структуре сложного объекта разнородных результатов интеллектуальной деятельности также указывал А. Юмашев [11, с. 17].

В четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации не содержится указаний относительно правовой природы результатов интеллектуальной деятельности, которые могут входить в состав сложного объекта. В доктрине круг таких объектов не ограничивается. В состав сложного объекта могут также входить другие сложные объекты. Так, например, для более развернутой демонстрации сюжетной линии в компьютерных играх часто встраиваются аудиовизуальные произведения.

Важным является вопрос о возможности включения в структуру сложного объекта неохранных результатов интеллектуальной деятельности. В п.1 ст.1240 ГК РФ отсутствует указание на вхождение в структуру сложного объекта исключительно результатов интеллектуальной деятельности. При буквальном толковании рассматриваемой нормы обязательным является наличие в составе сложного объекта нескольких результатов интеллектуальной деятельности.

Следовательно, если в структуре объекта присутствуют несколько результатов интеллектуальной деятельности, и в целом он отвечает другим критериям охраноспособности сложного объекта, то в него также могут быть включены объекты, не пользующиеся правовой охраной (например, объекты интеллектуальной собственности, срок действия исключительных прав которых истек; произведения, не являющиеся объектами авторского права и др.). Если объект не содержит ни одного охраняемого результата интеллектуальной деятельности, то он не может быть отнесен к числу сложных.

Второй выделенный Л. А. Новоселовой признак – структурная взаимосвязь, единая цель и направленность объектов интеллектуальной собственности в составе сложного объекта [9, с.84]. Данный признак означает, что для отнесения объекта к числу сложных недостаточно простой совокупности разнородных результатов интеллектуальной деятельности, необходимо их включение в структуру сложного объекта, который существует как единое целое [11, с.17]. В единое целое объект позволяют соединить структурные и функциональные взаимосвязи между разнородными объектами интеллектуальной собственности.

Разнородные результаты интеллектуальной деятельности образуют единое целое, что означает что они входят в структуру нового самостоятельного объекта как целостного произведения. Целостность сложного объекта В. А. Дозорцев охарактеризовал следующими словами: «Многослойный интеллектуальный продукт существует в целом, включает все составляющие, без любого из них его объективно нет, хотя многие элементы могут быть использованы и обособленно, отдельно» [4, с. 147].

Для конкретизации первого признака представляется логичным объединить его со вторым, сформулировав следующим образом: наличие в структурном составе сложного объекта сочетания нескольких разнородных результатов интеллектуальной деятельности, образующих единый объект правовой охраны.

Третий признак – многосубъектность. Указанный признак получил широкое признание среди представителей юридической науки. На то, что создание сложного объекта предполагает участие нескольких субъектов обращали внимание А. Г. Амбарян [1, с. 11], Е. А. Мазур [5, с. 37], И. Н. Никифорова [6, с. 13], Р. Ш. Рахматулина [12, с.76].

В. А. Дозорцев отмечает, что сложные объекты, «как правило не могут быть созданы одним лицом, к тому же они составляют продукт разнородной деятельности. Их формирование является результатом многослойного процесса, когда одни лица своей творческой деятельностью создают элементы, используемые на втором этапе уже другими лицами для комплексного объекта в целом» [4, с. 147].

Поясняя предложенный признак, Л. А. Новоселова отмечает, что для создания сложного объекта необходимо минимум три правообладателя, среди которых: лицо, организовавшее создание сложного объекта и минимум два правообладателя результатов интеллектуальной деятельности, вошедших в состав сложного объекта [9, с. 85]. Солидарна с данной позицией и Е. А. Мазур [5, с. 37]. Выделение в качестве самостоятельного признака многосубъектности представляется обоснованным, поскольку отличительной чертой сложного объекта является включенность в его структуру нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, предполагающее, что права на эти результаты принадлежат различным субъектам.

На основании проведенного исследования, выявлена и научно обоснована совокупность существенных юридически значимых признаков сложного объекта, позволяющая отграничить данную категорию объектов от иных объектов авторского права и смежных прав:

- 1) наличие в структурном составе сложного объекта сочетания нескольких разнородных результатов интеллектуальной деятельности, образующих единый объект правовой охраны;
- 2) права на результаты интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта принадлежат различным субъектам.

С учетом разработанной совокупности признаков сложного объекта, сформулирована дефиниция понятия «сложный объект», которой предлагается дополнить Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 года «Об авторском праве и смежных правах» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 60, 2/1813), а именно ст. 4 после абзаца двадцать седьмого дополнить абзацем следующего содержания: «сложный объект - представленная в объективной форме совокупность разнородных результатов интеллектуальной деятельности, объединенных структурными и функциональными связями, образующая единый объект правовой охраны;».

Список источников

1. Амбарян, А. Г. Сложные объекты авторских прав / А. Г. Амбарян // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. - 2017. - №4. — С.7-14.

2. Бабарыкин, П. В. Совершенствование правового регулирования сложных объектов в сети интернет / П. В. Бабарыкин // Интеллектуальная собственность: теория и практика: Сб. докл. научно-практической конференции «Петербургские коллегиальные чтения — 2010» (Санкт-Петербург, 24—25 июня 2010 г.). — СПб.: Изд-во СПбГЭТУ "ЛЭТИ", 2010. — С.82-87.
3. Близнец, И. А. Авторское право и смежные права. Учебник / И. А. Близнец, К. Б. Леонтьев; под ред. И.А. Близнец. — М.: Проспект, 2014. — 416 с.
4. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / В. А. Дозорцев // М.: Статут. — 2003. — 416 с.
5. Мазур, Е. А. Понятие и признаки сложного объекта по законодательству Российской Федерации / Е. А. Мазур // Юридический мир. — 2012. — №. 3. — С. 36-38.
6. Никифорова, И. Н. Сложные объекты и произведения с множественностью авторов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. Н. Никифорова. — М., 2013. — 157 л.
7. Рузакова, О.А. Право интеллектуальной собственности. / О.А. Рузакова. - М.: Московская финансово-промышленная академия, 2004.- 308 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс] : 18 декабря 2006 г., №230-ФЗ : принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г. : одобр. Советом Федерации 8 декабря 2006 г. : в ред. Федер. закона от 18.07.2019 г. № 177-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.
9. Право интеллектуальной собственности. Т.1. Общие положения: Учебник / под общ. Ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. -М. : Статут, 2017. -512 с.
10. Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможности применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.
11. Юмашев, А. Музыкальное произведение с текстом: объект или объекты авторских прав? / А. Юмашев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2008. - № 8. - С. 14-20.
12. Рахматулина, Р. Ш. Проблема охраны результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта / Р. Ш. Рахматулина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2012. — №. 8. — С. 72-77.

Ю.Х. Сатвалдиева

**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ
НА ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ**

До настоящего времени вопрос об ответственности за нарушение исключительных прав представляет собой один из наименее разработанных и приобретает с каждым годом все большее значение в правоприменительной практике других государств. В настоящей статье рассматриваются основные вопросы правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, а также промышленных образцов. Так же рассматривается охрана исключительных прав на промышленный образец как в Республике Узбекистан, так и в других развитых странах мира. В статье изучены нормативно-правовые акты, охраняющие исключительные права авторов изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, а также Международные конвенции, членом которых является Республика Узбекистан. В статье также изучены права обладателей патентных прав, и какие требования предъявляются к нарушителям исключительных прав в нашей стране.

XXI век является веком новых технологий и изобретений. Мир не стоит на месте. Каждый день мы становимся свидетелями проявления результатов человеческого интеллекта. Создание чего-то нового должно завершаться с правовой точки зрения получением исключительного права над этой новой вещью. Рыночная экономика каждого государства, которая основывается на принципах свободного конкурентоспособного предпринимательства характеризуется господством частной собственности, где переплетаются большие риски нарушения исключительных прав промышленной собственности. До настоящего времени вопрос об ответственности за нарушение исключительных прав представляет собой один из наименее разработанных в нашей стране, хотя проблема охраноспособности патентных прав приобретает с каждым годом все большее значение в правоприменительной практике других государств.

Нарушителям исключительного права на промышленный образец грозит гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Согласно статье 65 Закона Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» автор [1], [2] обладатель смежных прав или иной обладатель исключительных прав вправе требовать от нарушителя:

- признания прав;
- восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и прекращения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- возмещения убытков в размере неполученных доходов, которые правообладатель получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. В случае если нарушитель получил вследствие нарушения авторского права или смежных прав доходы, правообладатели вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем эти доходы;
- выплаты компенсации вместо возмещения убытков, выплачиваемой независимо от факта причинения убытков, исходя из характера нарушения и степени вины нарушителя с учетом обычаев делового оборота;
- принятия иных предусмотренных законодательством мер, связанных с защитой их прав, установленных данным Законом.

Автор и исполнитель в случае нарушения их прав также вправе требовать от нарушителя компенсации морального вреда. Необходимо отметить, что статьей 149 Уголовного кодекса Республики Узбекистан предусмотрена уголовная ответственность за нарушение авторских или изобретательских прав. Так, исходя из данной статьи, присвоение авторства, принуждение к соавторству на объекты интеллектуальной собственности, а равно разглашение без согласия автора сведений об этих объектах до их официальной регистрации или публикации — наказывается штрафом от двадцати пяти до семидесяти пяти базовых расчетных величин или лишением определенного права до пяти лет, либо обязательными общественными работами до трехсот шестидесяти часов или исправительными работами до трех лет. [3]

В контексте ответственности за нарушение прав на интеллектуальную собственность хотелось бы остановиться на зарубежном опыте в этой сфере. Ответственность за нарушение авторских прав предусмотрена в Кодексе законов Соединенных Штатов Америки — сборнике основных и постоянных федеральных законов США (United State Code, U.S. Code или U.S.C.). Закон об авторском праве (Copyright Act) инкорпорирован в Кодекс законов США и содержится в титуле 17 Кодекса [4]. В США автор исключительных прав на изобретение, полезной модели и промышленные образцы получает преобладающее право охраны его прав не с момента получения патента на них как в других странах, а с момента создания результата интеллектуальной деятельности. Такая практика ничуть не ущемляет и не становится поводом нарушения прав автора, а является толчком развития правосознания граждан. И в связи с этим каждый автор сам заинтересован в получении патента на его результат интеллектуальной деятельности. В Великобритании уголовная ответственность за нарушение авторских прав была впервые установлена с принятием Закона «О краже» 1968 года. Уголовная ответственность за нарушение авторских прав предусмотрена в Законе 1988 года «Авторское право». Ст. 107 Закона предусматривает уголовную ответственность за незаконное изготовление и обращение объектов авторского права [5]. В Испании за нарушение авторских прав предусмотрено наказание в виде тюремного заключения на срок от 1 до 4 лет, штрафа от 8 до 24 месячных заработных плат и специального лишения права заниматься определенной деятельностью, связанной с совершением преступления, на срок от 2 до 5 лет. В Италии нарушение авторских прав карается тюремным заключением на срок от 1 до 4 лет и штрафом от 5 до 30 миллионов лир за незаконные действия (в том числе и импорт) по более чем 50 копиям или экземплярам произведений, защищенных авторским и (или) смежным правом. Во Франции контрафакция произведений, в том числе их незаконный сбыт, вывоз и ввоз, карается тюремным заключением сроком от 3 месяцев до 2 лет и штрафом от 6000 до 120000 франков или лишь одним из этих двух видов наказания. В Германии за незаконное использование подписи автора предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет или штрафа.

Отношения в области правовой охраны промышленных образцов регулируются Законом Республики Узбекистан "Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах", международными договорами Республики Узбекистан и другими нормативными актами в области охраны промышленных образцов к которым присоединен Узбекистан. А именно Парижской конвенцией по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, членом которого Узбекистан является по сей день. Узбекистан так же является членом Всемирной организации интеллектуальной собственности с 1991 года и ряда основополагающих договоров и соглашений, администрируемых этой международной организацией и оказывающих существенное влияние на развитие национальной системы

интеллектуальной собственности. Агентство интеллектуальной собственности Республики Узбекистан совместно с Всемирной организацией интеллектуальной собственности работает по проработке национальной стратегии интеллектуальной собственности. В частности, 2019 году в ноябре месяце был организован семинар, посвященный изучению своего опыта в области интеллектуальной собственности. В рамках семинара депутаты Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, представители Министерства инновационного развития, Государственного таможенного комитета, судебных органов, Министерства высшего и среднего специального образования, эксперты Всемирной организации интеллектуальной собственности, специалисты ответственных государственных органов в сфере интеллектуальной собственности Великобритании, Польши и еще более 10 стран обменялись мнениями по вопросам обеспечения охраны интеллектуальной собственности, совершенствования системы противодействия распространению контрафактной продукции. На семинаре также были обсуждены методы создания стратегии в сфере интеллектуальной собственности. По мнению британского эксперта Рона Марчанта, поделившегося своим мнением на эту тему, при разработке стратегии недостаточно иметь только общую цель, прежде всего, необходимо наметить для чего и для кого она разрабатывается. В этом должны участвовать не только ответственные ведомства, но и другие заинтересованные стороны. На встрече отдельное внимание было уделено содержанию реформ в сфере интеллектуальной собственности в Узбекистане. Как было отмечено, осуществляются важные меры, связанные с обеспечением права на интеллектуальную собственность, ратификацией международных договоров и соглашений в сфере авторских и смежных прав.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что основная цель правовой охраны промышленных образцов – содействовать обогащению и распространению национального культурного наследия. Таким образом, право промышленных образцов является необходимой предпосылкой процесса развития. Обогащение национального культурного наследия прямо зависит от уровня охраны произведений литературы и искусства. Чем выше этот уровень, тем больший стимул получают изобретатели для своего творчества. Чем больше число таких изобретений, тем выше престиж страны и тем выше занятость в книгоиздательской деятельности, индустрии звукозаписи и развлечений. В конечном итоге всестороннее поощрение творчества является одной из основных предпосылок социального, экономического и культурного прогресса. Для того, чтобы люди творческого труда могли реализовать свои способности и внести свой вклад в развитие общества, им необходимо создать благоприятные условия. Автор, создавший произведение, изобретатель, должен быть уверен, что его творение будет надёжно защищено, и он получит справедливое вознаграждение за свой труд. В этой связи важной функцией государства является обеспечение правовой охраны промышленных образцов и объектов авторского права, но, в то же время, признание государством института авторского права и принятие национальных законов в этой области ещё не гарантирует охрану интересов создателей произведений. Такие законы должны быть эффективными и неукоснительно применяться, т.е. нужны работающие механизмы защиты авторских прав.

Список источников

1. Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах». Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2006 г., № 28-29, ст. 260; 2013 г., № 1, ст. 1, № 41, ст. 543; Национальная база данных законодательства, 19.04.2018 г., № 03/18/476/1087; 24.05.2019 г., № 03/19/542/317). Дата доступа: 15.05.2021 г., № 03/20/602/0052.

2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. № 163-1[Электронный ресурс]. – в ред. от 24.05.2019 г. № 03/19/542/317/ Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (www.lex.uz). – Режим доступа: <http://www.lex.uz/acts/111181>. – Дата доступа: 15.05.2021 г., № 03/20/602/0052.
3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Национальная база данных законодательства, 10.01.2018 г., № 03/18/459/0536; 30.03.2021 г., № 03/21/679/0256). – Дата доступа: 15.05.2021 г., № 03/20/602/0052.
4. Мушкет С.И. Ответственность третьих лиц за нарушения авторского права по законодательству США. // Вестник Санкт-Петербургского Университета, 2012. Выпуск 2.
5. Кравчук О. В. Зарубежный опыт в противодействии преступлениям, связанных с нарушением авторского права и смежных прав. // Matters of Russian and International Law. 2013. № 4.

Т.В. Семёнова

ДОМЕННОЕ ИМЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В настоящей статье автором доказано, что доменное имя является объектом гражданских прав. Проведён анализ существующих основных теорий, объясняющих правовую природу доменного имени. Отмечается специфические черты доменного имени как объекта гражданских прав. Сделан вывод о том, что доменное имя – фактически объект гражданских прав, не включенный в официальный перечень Гражданского кодекса Республики Беларусь, средство индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, выражаемое в форме символического обозначения, служащее для идентификации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет.

В Республике Беларусь проблемы правового регулирования отношений в сфере доменных имен и их места в системе объектов гражданских прав стали обсуждаться только в течение последних десяти лет. Это было обусловлено возникновением первых судебных споров, связанных с использованием доменных имен, а также защитой прав на них.

Следует отметить, что комплексное теоретическое и практическое осмысление проблематики регулирования, связанного с доменными именами, остается до настоящего времени на периферии исследований, проводимых в рамках отечественной правовой доктрины. Можно сказать, что специфика доменных имен как объектов гражданского права не только не получила системного анализа, но собственно сама постановка вопроса о необходимости внесения конкретных изменений в законодательство не была четко обозначена.

Что касается белорусских правовых реалий, то в Инструкции «О порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет», утвержденной приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь № 47 от 18 июня 2010 года (в редакции приказов Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 06.03.2012 г. № 23, от 15.07.2013 г. № 46, от 26.02.2015 г. № 16, от 28.11.2016 г. № 85, от 20.12.2019 г. № 429) (далее – Инструкция), определяющей порядок регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет, даётся следующее определение:

«Доменное имя (домен) – символическое (буквенно-цифровое) обозначение, сформированное в соответствии с международными правилами адресации сети Интернет, предназначенное для поименованного обращения к интернет-ресурсу и связанное при его делегировании с определенным сетевым адресом» [1].

Данное определение нельзя считать удачным по следующим основаниям:

– в нем не отражена способность доменных имен индивидуализировать информационный ресурс в сети Интернет, т.е. выступать в качестве средства индивидуализации участника гражданского оборота, его товара, работы, услуги;

– определение не описывает специфику прав на доменные имена, получаемые владельцами, однако, на практике передача прав на доменные имена широко распространена, а также почти у каждого аккредитованного белорусского регистратора в договоре регистрации доменного имени предусмотрена возможность передачи прав на доменное имя другому лицу (смена администратора доменного имени);

– определение не признает доменное имя в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, в то же время практика показывает, что доменные имена, обладая коммерческой ценностью, активно участвуют в хозяйственном обороте.

Кроме того, понятие «доменное имя» и «домен» не являются синонимами вопреки подходу, который используется в белорусском законодательстве.

Правоотношения, складывающиеся в рамках управления системой доменных имен, носят гражданско-правовой, а не административный характер, поскольку ни один из субъектов не обладает по отношению к другому какими бы то ни было властными полномочиями, а управление строится посредством заключения между субъектами гражданско-правовых договоров. Исключением является возможность для государства определять политику в отношении соответствующей национальной доменной зоны: указанную политику будет проводить в жизнь не государственный орган, а организация, не наделенная властными полномочиями, посредством установления правил.

Домены первого (верхнего) уровня и доменные имена второго и последующих уровней с правовой точки зрения, имеют разную правовую природу. Администрирование домена первого (верхнего) уровня не может рассматриваться в качестве имущественного права, т.к. оно представляет собой полномочие необходимое для выполнения взятых на себя в рамках такого соглашения обязательств.

Доменные имена второго и последующих уровней как объект гражданского права представляют собой имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства в сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства. Указанное право может быть передано полностью или в части, на возмездной или безвозмездной основе по сделке или же перейти к другому лицу в силу закона.

В составе гражданского правоотношения как целостной, но структурированной системы существуют среди иных два его самостоятельных одноуровневых элемента – объект гражданского правоотношения и субъективное гражданское право. Субъективное гражданское право также имеет свой объект, и часть этого элемента не может быть одновременно самостоятельным элементом всего целого. Поэтому объект субъективного гражданского права (элемент элемента гражданского правоотношения) не может быть одновременно и объектом гражданского правоотношения. Правовое состояние субъектов и объектов гражданского правоотношения есть отражение динамики соответствующего правоотношения. Категория правового состояния позволяет понять, что такие элементы как объект правоотношения и объект субъективного гражданского права (правовой обязанности) отвечают за статику правоотношения, определяя его неизменную суть и обеспечивая системе стабильность структуры правовых связей [2].

Как пишет Е.А. Суханов, «смысл категории объектов гражданских прав заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, т.е. возможности или невозможности совершения с ним определенных действий (сделок), влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат» [3, с. 297].

Известный цивилист Г.Ф. Шершеневич дал определение объекту права как тому, что может служить средством осуществления интереса. Такими средствами могут быть: 1) вещи, т.е. ограниченные части материального мира, 2) действия других лиц, состоящие в передаче вещи, в личных услугах, в приложении своей рабочей силы [4, с.151]. Стоит отметить, что данный термин возможно употреблять и в других значениях, как «объект нормы права», «объект субъективного права», «объект правоотношения», при этом данные понятия не всегда удается разграничить.

По мнению Ю.К. Толстого, «объект нормы права и правоотношения, правоотношения и субъективных прав и обязанностей, правоотношения и сделки, правоотношения и права собственности – это одно и то же» [5, с.52] .

Отграничение понятия «объекта гражданского права» от «объекта гражданских правоотношений» строится на том, что правовое регулирование возможно только в отношении поведения людей, т.е. именно это поведение и составляет объект гражданских правоотношений, в то время как вещи и иные материальные и нематериальные блага, являются объектом соответствующего поведения участников правоотношений [3, с. 295].

Представляется, что удачное определение категории объектов гражданских прав дал В. А. Лапач. По его мнению, «объекты гражданских прав есть правовая идея самого высокого уровня обобщения, входящая в систему основных категорий частного права, отображающая систему признаваемых или допускаемых в данной правовой общности имущественных и неимущественных благ (ценностей), характеризующихся признаками дискретности, юридической привязки и системности, по поводу которых складываются общественные отношения как предмет гражданского права, а также устанавливаются правовые связи в ходе регулирования данных отношений» [6].

Достоинством данного определения является указание в нем на признаки объекта гражданского права. Выявление этих признаков имеет большое значение, поскольку в связи с усложнением характера правоотношений между субъектами и появлением новых технологий, не всегда очевидно является ли то или иное новшество самостоятельным объектом права или же представляет собой составляющую какого-либо иного объекта гражданских прав.

Рассмотрим указанные признаки: дискретность, наличие юридической привязки и системность.

Под дискретностью понимается физическая или учетная определенность и обособленность объекта гражданских прав от других объектов. Доменное имя обладает данной характеристикой, ввиду того, что, несмотря на сходство в некоторых аспектах с другими законодательно выделенными объектами, несет отпечаток своего технического предназначения, в связи с чем имеет уникальный набор признаков.

Под юридической привязкой следует понимать возможность правового закрепления объекта за субъектом гражданского права. Представляется, что этот признак также присущ доменному имени, проявляясь через такие юридические конструкции, как регистрация в особом органе (юридическом лице), возможность пользоваться доменным именем и распоряжаться правами на него законодательно установленными способами (договорным путем). Появление каждого нового доменного имени связано с регистрацией, проистекающей из гражданско-правовых договорных отношений между регистратором и заявителем (администратором доменного имени), но такие отношения не представляют собой государственную регистрацию в их традиционном понимании, т.к. регистратор является не государственным органом в обычном понимании, а юридическим лицом. В большинстве случаев регистрация доменного имени означает заключение срочного консенсуального гражданского правового договора возмездного оказания услуг между организацией по распределению доменных имен (регистратором) и потенциальным владельцем (администратором) доменного имени, после которого регистратор вносит сведения о зарегистрированном доменном имени в единую базу данных. Срок регистрации доменного имени ограничен и, как правило, составляет один или два года – до истечения срока, указанного в договоре, администратор обязан оплатить продление действия регистрации. Последствием неисполнения данной обязанности является удаление доменного имени из базы данных и возникновение возможности его регистрации другим лицом.

Системность же подразумевает, что предполагаемых объект гражданских прав существует, не обособлено, а вписывается в систему права и обладает внутренней упорядоченностью. Ситуация с доменными именами довольно противоречивая – с одной стороны в Гражданском кодексе Республике Беларусь (далее – ГК) отсутствует указание на них как на объекты, с другой стороны права на доменные имена объективно вошли в число объектов гражданского оборота (т.к. могут свободно (за исключением некоторых категорий доменных имен, круг обладателей которых ограничен в силу специфики той или иной доменной зоны, например «.gov.by», предназначенный для государственных органов) отчуждаться и переходить от одного лица к другому).

Можно сделать вывод, что система объектов гражданских прав – это структура, состоящая из элементов, представляющих собой определенные виды объектов. При этом указанные элементы находятся во взаимосвязи друг с другом, позволяющей говорить о единстве системы, т.е. с одной стороны есть возможность отличить друг от друга, а с другой есть общие правила, которым они подчиняются.

Из буквального толкования – ст. 128 ГК можно выделить пять групп объектов гражданских прав:

- 1) вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;
- 2) работы и услуги;
- 3) нераскрытая информация;
- 4) исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;
- 5) нематериальные блага.

Поскольку данная система имеет нормативную определенность, а цель исследования – выявление места доменного имени в существующей системе объектов гражданских прав, в рамках настоящего исследования предлагается руководствоваться именно ей.

Анализируя природу доменного имени, Е. И. Гладкая пишет, что ему присущи общие признаки гражданских прав, такие как дискретность, нормативно гарантированная возможность правового закрепления, а также возможность отчуждения и перехода другому лицу [7, с. 49].

В свою очередь, Р.С. Нагорный подчеркивает, что «самостоятельность доменного имени как объекта гражданских прав очевидна и не вызывает сомнений. Поэтому, по нашему мнению, с точки зрения гражданского законодательства право на доменное имя должно классифицироваться именно как имущественное право, заключающееся в возможности лица, зарегистрировавшего доменное имя, разместить в сети Интернет информационный ресурс, доступ к которому осуществляется пользователем сети Интернет путём набора определенных символов, составляющих доменное имя» [8, с. 128].

Рассмотрение права на доменное имя как имущества согласуется с позицией плеяды ученых, таких как С. В. Дмитриев, В. О. Калятин, В. Б. Наумов, А. В. Попцов, О. А. Рузакова, А. Г. Серго, относящих доменное имя к средствам индивидуализации.

Цивилисты Российской Федерации, в основном, рассматривают доменное имя в качестве неохраняемого средства индивидуализации. В своих научных исследованиях В. О. Калятин отмечает, что доменное имя можно было отнести к зарождающейся новой системе СИ информационных ресурсов, в будущем к данной категории все равно придется вернуться, поскольку необходимость её введения обусловлена потребностями современного экономического оборота [9, с. 75].

Доменные имена, как и средства индивидуализации, обладают коммерческой ценностью, права на них участвуют в гражданском обороте (передаются на основании определенных видов договоров); срок действия, по истечению которого право утрачивается без возникновения особых условий, отсутствует; необходимым требованием к возникновению прав является регистрация государственным органом / юридическим лицом-регистратором; доменные имена, как и средства индивидуализации, обладают уникальностью для возникновения прав на них, и возможность проверки на уникальность предусмотрена; установлены ограничения для содержания слов, входящих в объекты; и доменные имена, и средства индивидуализации выполняют общую функцию идентификации продукции, работ и услуг и предприятий (в случае с доменным именем, если оно индивидуализирует ресурс с предложением товаров, работ, услуг).

Тем не менее, можно выделить ряд признаков, отличающих доменное имя от средства индивидуализации: обладателем прав на доменное имя может быть, наряду с юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем, физическое лицо; сфера использования не ограничена применением в области предпринимательской деятельности; отсутствуют территориальные пределы в силу особенности сети Интернет; доменное имя индивидуализирует, в первую очередь, какой-либо интернет-ресурс, но может идентифицировать товары, работы или услуги; доменное имя в каждой отдельно взятой доменной зоне уникально; доменное имя имеет не только содержательные ограничения (принадлежность слов стоп-листу регистратора), но и технические (например, количество символов и состав символов); невозможность совместного правообладания.

Теория доменного имени как средства индивидуализации сыграла значительную роль в формировании представлений о правовой природе доменного имени, ввиду того, что она последовательно отстаивает представление о доменном имени как самостоятельном объекте, права на который носят имущественный характер.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что доменное имя – фактически объект гражданских прав, не включенный в официальный перечень ГК, неохранный результат интеллектуальной деятельности, технически выполняющий функцию адресации в сети Интернет, в предпринимательской деятельности выполняющий функции индивидуализации сетевых ресурсов и товаров, работ, услуг и предприятий при наличии организационной связи с сайтом в сети Интернет.

В юридической литературе сложилось несколько противоречивых точек зрения относительно правовой природы доменных имен: доменное имя не является самостоятельным средством индивидуализации, объектом интеллектуальной собственности и приравнивается к телефонному номеру или почтовому адресу, доменное имя может быть вообще никак не связано со средством индивидуализации какого-либо конкретного лица или его продукции, но может являться самостоятельным средством индивидуализации информационного ресурса; доменные имена являются новым средством индивидуализации с особым правовым режимом.

В настоящий момент сформировались следующие теории относительно правовой природы доменных имен:

1. доменное имя как услуга;
2. доменное имя как имущество;
3. доменное имя как средство индивидуализации.

Первые две теории получили своё развитие в зарубежной правовой доктрине. Среди цивилистов Российской Федерации популярна третья теория.

Как отмечает В. А. Колосов, возможно выделить две основные точки зрения на юридическую природу прав на доменное имя. Можно отнести доменное имя к имуществу, а можно воспринимать доменное имя лишь как услугу регистратора по заключенному договору, поскольку права на доменное имя возникают на основании договора и из него, они носят относительный характер и могут реализовываться только на основании договора с соответствующим регистратором и в рамках условий такого договора [10].

При этом исследование Д.В. Кожемякина показало, что доменное имя как объект гражданских прав не является услугой регистратора, поскольку не удовлетворяет таким признакам услуги как: связь с исполнителем, моментальное потребление и несохраняемость [11, с.170].

Как отмечает Д. В. Федотов, бестелесное имущество «в английском и американском праве представляет собой совокупность обладающих имущественной ценностью и охраняемым правом нематериальных объектов, прежде всего субъективных прав», что соотносится с пониманием данной группы объектов гражданских прав в римском праве, континентальной правовой науке и отечественной цивилистике [12].

Возвращаясь к вопросу отнесения доменного имени к имуществу, необходимо указать, что в данном случае в качестве объекта гражданских прав выступать будет не само доменное имя как техническое решение и не обозначение в нем содержащиеся, а то имущественное право в отношении него, которым обладает администратор. Только право на доменное имя может быть причислено к бестелесному имуществу.

Представляет особый интерес подход Т.З. Шалаевой, которая рассматривает доменное имя как объект правоотношений и предлагает его исследовать с позиций объекта исключительного права, средства индивидуализации информационных сетевых ресурсов: доменное имя в данном случае приравнено к результатам интеллектуальной деятельности либо средствам индивидуализации, приравненным к ним [13, с. 44].

Принимая во внимание, что в настоящее время доменные имена участвуют в белорусском гражданском обороте и на указанные объекты передаются некие объемы прав [14; 15], представляется целесообразным в научном исследовании определить правовую природу доменного имени, выявить возможный объем приобретаемых и передаваемых прав на доменные имена, и на основании полученных результатов предложить правовое определение доменному имени.

Среди отечественных и зарубежных юристов существует несколько точек зрения относительно правовой природы доменного имени.

По мнению С.В. Петровского [16], доменное имя по определению не может являться средством индивидуализации лица, услуги или продукции, выступая в качестве средства индивидуализации информационного ресурса.

По утверждению А.Г. Серго, доменные имена являются абсолютно новым с правовой точки зрения СИ, которое нуждается в особом правовом режиме. Эту точку зрения поддерживают Б.В. Андреев, В.О. Калятин, Р.С.Нагорный, В.Б. Наумов и многие другие.

Определить правовую сущность исследуемого понятия можно при помощи выявления его основных функций. Правовед Звягин В.А., к примеру, определил следующие функции доменных имен: адресная, идентификационная, информационная, функция географической привязки. Адресная функция, по его мнению, является первоочередной, по той причине, что доменное имя и было создано для направления пользователя к информационному интернет-ресурсу. В последующем, когда пользователь уже был адресован на нужный ему ресурс, наступают фазы идентификации и индивидуализации. Доменное имя выступает как средство индивидуализации сетевого ресурса. Функция географической привязки

имеет место не всегда, ведь согласно законодательству некоторых стран, не обязательно являться резидентом страны, чтобы зарегистрировать доменное имя в данной национальной зоне [17, с. 9–10].

В странах Европы определяющее значение в спорах по доменным именам играет Европейский Суд по правам человека. Подход Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по природе прав на доменное имя отражено в следующей ситуации. При рассмотрении дела «PAEFFGEN GMBH против Германии» в 2007 году Европейский Суд по правам человека четко изложил свой подход к вопросам о правах на доменное имя. По мнению Суда, любое лицо обладает исключительным правом на пользование и распоряжение своим имуществом, в том числе объектами интеллектуальной собственности и лицензиями. Так как доменное имя само по себе обладает экономической ценностью, к вопросу о соотношении права на доменное имя и права на товарный знак следует подходить индивидуально в каждом конкретном случае. Следует с особым вниманием разрешать споры по доменным именам, таким образом, чтобы не нарушить права на близкие им или одноименные средства индивидуализации. В своем решении по вышеупомянутому делу Европейский Суд указал на то, что владелец доменного имени может определять способы его использования, что сближает его с объектом собственности и что позволяет при защите прав на доменное имя обращаться к статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [10].

Теория собственности, описанная в ст. 1 Протокола №1, «имеет самостоятельное значение, которое не ограничивается владением только материальными вещами и которое не зависит от формальной классификации в национальном праве. Другие конкретные права и интересы, образующие имущество, также могут рассматриваться как «права собственности», а соответственно, и как «объекты собственности» в целях данной статьи» (цитата из решения ЕСПЧ [102]). Для определения, является ли какой-то объект объектом прав собственности, необходимо установить, затрагиваются ли при его использовании финансовые интересы и имеется ли экономическая ценность у такого объекта.

Таким образом, Европейский Суд, признал, что интеллектуальная собственность или лицензии на использование имущества определенным способом являются объектами собственности: доменное имя рассматривается как имущество [18].

Если проанализировать систему правового регулирования сферы доменных имен в странах с романо-германской системой права, то отдельно можно выделить Германию. В этой стране доменное имя признано не только средством индивидуализации, но и аналогом имени. Поэтому если доменное имя схоже или полностью копирует имя лица, то это лицо может апеллировать к ст. 12 Германского гражданского уложения, охраняющей неприкосновенность имени физического или юридического лица. Причем право на имя является одним из приоритетных и часто акцентируемых норм в Германии. При этом гибкость немецкого законодательства можно проследить на том факте, что в делах, где задействованы коммерческие компании, часто фигурирует и применяется нормативная база по товарным знакам и недобросовестной конкуренции. В целях борьбы и профилактики киберсквоттинга немецкие законодатели предусмотрели также и то, что неиспользуемые доменные имена зачастую представляют собой объекты судебных разбирательств, связанных с киберсквоттингом и шантажом владельцев одноименных товарных знаков и фирменных наименований [19, с.85].

Права на доменные имена могут возникнуть в силу заключения соответствующего договора с аккредитованным регистратором доменных имен, или, заключив договор на приобретение прав на доменное имя у лица, которое таким правом уже владеет. Право владения в данном случае подтверждается регистрацией прав на данный объект.

Из изложенного следует, что доменные имена, в отличие от нематериальных благ, можно отчуждать, то есть они способны быть объектами гражданского оборота и способны участвовать в нем.

Профессор К.Б. Ярошенко отмечает, что нематериальные блага «лишены материального (имущественного) содержания, их нельзя оценить в денежном выражении и, во-вторых, они неразрывно связаны с личностью их носителя, что означает невозможность их отчуждения или иной передачи другим лицам ни по каким основаниям» [20]. А природа доменных имен такова, что им не только возможно дать надлежащую денежную оценку, в отличие от нематериальных благ, но и в Республике Беларусь, и за рубежом в настоящее время существуют организации, количество которых постоянно увеличивается, осуществляющие оценку и перепродажу доменных имен; функционируют специализированные аукционы по продаже доменных имен, а оборот доменных имен превышает десятки миллионов долларов США.

Кроме того, доменные имена не имеют жесткой привязки к личности их владельцев. Владельцами доменных имен могут быть, как физические и юридические лица (любых организационно-правовых форм), так и органы государственной власти и местного самоуправления.

Такие черты, как нематериальность и коммерческая ценность также присущи объектам интеллектуальной собственности.

Анализируя вышесказанное, можно выделить ряд специфических отличительных черт доменного имени как объекта гражданского права. Среди них:

1. Основная функция доменного имени – индивидуализация информационного ресурса в сети Интернет;
2. Уникальность доменного имени, обусловленная технической невозможностью существования двух абсолютно идентичных имен;
3. Символьный характер обозначения, и, как следствие, возможность совпадения со словами на некоторых языках, именами и т.п.;
4. Заявительный характер регистрации доменного имени и ее возмездность.

Доменные имена не только выполняют функцию адресации пользователей в сети Интернет, но и индивидуализируют информационный ресурс в сети Интернет, обладают коммерческой ценностью и участвуют в гражданском обороте, то есть являются по своей правовой природе средством индивидуализации.

Сомнений в том, что доменное имя является средством индивидуализации, сегодня уже нет, хотя бы по той причине, что доменное имя индивидуализирует соответствующий сайт, не говоря о других объектах. Его коммерческая ценность, масштабы использования и практика злоупотребления правом со стороны правообладателей других средств индивидуализации только подтверждают это.

Целесообразно отметить, что правоотношения, связанные с использованием доменных имен могут носить международный характер – ввиду того, что осложнены иностранным элементом (к примеру, субъект(ы) – принадлежат разным государствам; правоотношение возникает, осуществляется или прекращается, находится за пределами страны, которой принадлежит хотя бы один из участников правоотношения; юридический факт, послуживший основой возникновения, изменения или прекращения обязательства, имел место за пределами государства, к которому принадлежит одна из сторон правоотношения). В том случае, когда в гражданско-правовых отношениях, связанных с использованием доменных имен, присутствует один из таких видов элемента, говорят, что в данных правоотношениях присутствует иностранный элемент, и данные правоотношения представляют сферу международного частного права.

К примеру, статус владельца доменного имени в зоне «.COM» определяется регламентирующими документами ICANN (применимость Единообразной политики в отсылочной форме установлена в типовом регистрационном соглашении, служащем стандартной проформой для договоров, заключаемых между аккредитованными ICANN регистраторами и их клиентами), с помощью которых могут устанавливаться «честные обычаи» в сфере регистрации и использования доменных имен. Натурализация «честных обычаев» и локально-правового регулирования ICANN позволяет рассматривать по аналогии также иные принципы и нормы в отношениях, связанных с использованием доменных имен, осложненных иностранным элементом, формируемые в процессе деятельности международных организаций в сфере Интернета как составную часть национальной правовой системы.

В свою очередь, международное частное право сочетает в себе нормативные правила и предписания в большинстве своем национального характера, что обеспечивает реальную возможность их исполнения, и, одновременно, отражает особенности правоотношений с иностранным элементом, что является необходимым, учитывая специфику Интернета как глобальной сети. Качественной отраслевой характеристикой международного частного права является наличие в нем коллизионных норм, главное назначение которых составляет помощь в определении применимого права для регулирования конкретного правоотношения.

Всемирная организация интеллектуальной собственности в 1999 г. признала, что доменные имена являются средствами индивидуализации, имеющими коммерческое значение, а это фактически означает, что доменные имена были признаны объектами права [21].

Стоит отметить, что в настоящее время на международном уровне фактически не выработано общего подхода к пониманию места доменного имени в системе объектов гражданских прав. Вопрос о том, какая подотрасль права должна служить регулятором данного вида отношений, вызывает определенный научный интерес.

Доменное имя – фактически объект гражданских прав, не включенный в официальный перечень ГК, средство индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, выражаемое в форме символьного обозначения, служащее для идентификации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, право на которое обладает способностью участвовать в хозяйственном обороте, зарегистрированное в установленном законом порядке.

Список источников

1. Инструкция о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет: утв. Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республике Беларусь 06.03.2012. текст по состоянию на 20 дек. 2019 г [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.12.2020.
2. Чеговадзе, Л.А. Система и состояние гражданского правоотношения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Л.А. Чеговадзе. – Москва, 2005. – 585 л.
3. Гражданское право: в 2 т. Том 1: учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов – 2 изд., перераб. и доп. – М.: Издательство: БЕК, 2000. – 816 с.
4. Шершеневич, Г.Ф. Авторское право на литературные произведения / Г.Ф. Шершеневич. – Казань: Типография Императорского университета, 1891. – 313 с.
5. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. – Ленинград: ЛГУ, 1959. – 88 с.
6. Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc99p0/%0binstrum2232/item2238.html>. – Дата доступа: 01.09.2021.

7. Гладкая, Е.И. Правовая квалификация доменного имени / Е.И. Гладкая // Цивилист. – 2009. – № 4. – С. 48–53.
8. Нагорный, Р.С. Доменное имя как объект гражданского права / Р.С. Нагорный // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 122–132.
9. Калятин, В.О. Доменные имена / В.О.Калятин. – М.: ИНИЦ «Патент», 2006. – 188 с.
10. Колосов, В.А. Природа прав на доменное имя / В.А. Колосов // Юридическая фирма «Вадим.Колосов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kolosov.info/kommentarii>. – Дата доступа: 12.01.2021.
11. Кожемякин, Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д. В. Кожемякин. – Москва, 2016. – 197 л.
12. Федотов, Д. В. Учение о бестелесном имуществе в юриспруденции государств англо-саксонской правовой системы / Д. В. Федотов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-obestelesnom-imuschestve-v-yurispruden%0btsii-gosudarstv-anglo-saksonskoj-pravovoy-sistemy>. – Дата доступа: 01.01.2021.
13. Шалаева, Т.З. Доменное имя как объект исключительных прав / Т.З. Шалаева // Проблемы правовой информатизации, 2006. – №2. – С.42–45.
14. Использование в сети Интернет, в том числе в доменном имени, товарного знака или фирменного наименования без разрешения их владельца для оказания услуг, однородных, в отношении которых предоставлена правовая охрана на территории Республики Беларусь, является нарушением исключительного права владельца товарного знака и права на фирменное наименование: Решение Судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь, 15 декабря 2008 г. (извлечение) // Судовы веснік. – 2009. – №1. – С. 8–11.
15. Судебная практика по гражданским делам: вопросы материального и процессуального права: сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, обзоров судебной практики, постановлений, решений и определений судебных инстанций за 2000-2010 гг. / сост. Н.А. Бабий. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – 975 с.
16. Правовые аспекты использования Интернет-технологий / Д.В. Головеров [и др.]; под общ. ред. Д.В. Головерова. – Минск: Книжный мир, 2002. – 410 с.
17. Звягин, В.А. Проблемы правового регулирования использования исключительных прав на фирменные наименования и прав на доменные имена / В.А. Звягин // дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2011. – 227 л.
18. Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека: Отдел по проведению исследований. Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_internet_RUS.pdf. – Дата доступа: 08.01.2021.
19. Садыгов, З. Практика разрешения споров, связанных с доменными именами: Германия / З. Садыгов // Современное право. – 2006. – № 1. – С. 84–86.
20. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. О.Н. Садикова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 940 с.
21. Final Report of the WIPO Internet Domain Name Process «The Management of Internet Names and Addresses» 30.04.1999 [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: <http://www.wipo.int/amc/en/processes/process1/report/index.html>. – Date of access: 08.01.2021.

Э.В. Скурят

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ «ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКИ» КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ
ДЛЯ УСПЕШНОЙ РЕПУТАЦИИ БРЕНДА**

В статье анализируется концепция «Зеленой экономики» как стратегический приоритет для успешной репутации бренда. Описаны основные проблемы реализации и внедрения концепции и пути их решения. Результатом является определение глобализации и стандартизации как эффективных способов решения проблемы. Реализация указанных предложений позволит в дальнейшем с меньшими усилиями установить концепцию устойчивого развития.

Бренд, как элемент маркетинга, указывает на определенные качества товара и характеристику производителя. Целью является получение прибыли, для этого бренд должен быть узнаваем, права на его использование защищают юридически. Также одной из важных составляющих бренда является репутация. Как отдельных сотрудников компании, так и компании в целом, а также своей продукции.

Общее регулирование осуществляется Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК). В п.2, 3 ч.1 ст. 980 установлено, что товарный знак является интеллектуальной собственностью.

Концепция устойчивого развития, рост благосостояния населения, повышение его правовой культуры породило требование по наличию качественно новой продукции. Таким путем человечество вносит свой вклад в реализации экоориентированной экономики.

Появилась продукция и услуги, которая в своем названии имеет такие термины, как «зеленая», «экологически чистая» и «без ГМО». Часто, подобные заявления о наличии экологичности не имеют под собой никакого основания.

Устаревание законодательства в данной сфере очевидно, несмотря на вносимые изменения и дополнения оно не отвечает современным вызовам экономики: существует необходимость урегулировать отношения посредством стандартов и нормативных правовых актов, точно определяющих критерии для присвоения экологичности.

На данный момент современная экономическая система переходит на концепцию зеленой экономики, важно понимать, что указанная концепция не должна противоречить целям устойчивого развития.

Концепция «зеленой» экономики – это модель, которая ведет к улучшению здоровья и социальной справедливости населения, а также к значительному снижению опасных воздействий на окружающую среду и к снижению экологического дефицита. Таким образом, «зеленая» экономика, в ее простейшей форме, может рассматриваться как низкоуглеродная, ресурсосберегающая и социально инклюзивная модель экономики [1]. Основным достоинством концепции является прямая взаимосвязь с экономической составляющей.

На международном уровне функционирует множество организаций, содействующих развитию зеленого маркетинга как напрямую (Международная торговая палата, Международная организация по стандартизации и Международная сеть защиты прав потребителей и правоприменения – разработка непосредственно связанных с зеленым маркетингом документов по коммуникациям, заявлениям, маркировке и т.д.), так и косвенно (ООН,

ЮНКТАД и ВТО – разработка документов глобального стратегического характера по устойчивому развитию и зеленой экономике). Некоторые организации (ЮНЕП и ОЭСР) имеют комплексное влияние через разработку как одних, так и других документов [2]. Это подтверждает значимость концепции устойчивого развития и установления новых законов рыночных отношений, основанных на экологическом качестве.

Наиболее важным достижением для экономики является наличие общеустановленного стандарта в отношении конкретных вещей и технологических процессов, именно для этого существует Международная организация по стандартизации, которая разработала серию добровольных экологических стандартов ISO 14000 [2].

Прогресс и достижение целей невозможно без реализации дополнительных программ, которые смогут обеспечить поток технологий и инноваций на рынок, что позволит значительно сократить себестоимость товаров, составит конкуренцию с продукцией из более дешевого, но более вредного сырья. Технологии смогут носить также пометку «зеленый», именно этот фактор может привести к становлению новой налоговой системы для субъектов хозяйствования.

С этой целью была создана в конце 2013 года платформа «Зеленая ВОИС», задача которой состоит в катализации инновационной деятельности и распространении чистых технологий, помощи авторам технологий и поставщикам услуг наладить контакты с заинтересованными во внедрении таких решений лицами [3]. Платформа достигает целей, т.к. на момент 2014 года ее членами являлись 53 организации из пяти континентов, а база насчитывала свыше 1700 наименований (технологии, услуги, объекты интеллектуальной собственности).

Указывается, что самым ценным ресурсом платформы являются ее участники, ведь они осуществляют все возможное для внедрения таких технологий:

Центр климатических инноваций Кении – производство биотоплива из прессованной биомассы;

В рамках инициативы Ганы «Бамбуковый велосипед» был создан инновационный велосипед;

«General Electric» и сотрудничество с индийскими компаниями – создание и внедрение первой в мире ветротурбины, спроектированной с учетом климатических особенностей Индии;

«Simpra Networks» помогает решить проблему дефицита топлива в Индии с помощью программы «солнечный лизинг»;

В Уганде в рамках программы «Африканское партнерство в поддержку чистой энергии» создается подстанция на солнечной установке для обработки сельскохозяйственной продукции;

«TEIJIN Ltd» разработала новую технологию очистки сточных вод, основанную на использовании биологического носителя, нейтрализующего микроорганизмы;

«JGC» разработала новую конструкцию выемочного столба высокой проходимости снижающий ущерб окружающей среде от действий нефтехимических предприятий [3].

Указанная программа способствует решению общей цели – достижение экологического и экономического равновесия во всех сферах жизнедеятельности, тем самым распространение инновационных «зеленых» технологий имеет фундаментальное значение для всего международного сотрудничества.

Создавая партнерские программы и сетевые системы, платформа «Зеленая ВОИС» создает условия, позволяющие всем государствам воспользоваться удивительными инновационными достижениями в сфере современных чистых технологий [3].

Ведущими организациями регионального уровня регулирования зеленого маркетинга являются ЭСКАТО, Европейская комиссия, а также Омбудсмен по защите прав потребителей северных стран [2].

Современные государства, на данный момент, недостаточно урегулировали отношения с рекламной деятельностью и экобрендингом. Главный упор на национальном уровне следует уделить именно соблюдению требований норм по маркетингу. Основной целью необходимо ставить искоренение практики введения в заблуждение, когда экологически нейтральная продукция выставляется некачественной и непригодной к использованию, употреблению, что приводит к снижению вклада людей в развитие зеленых субъектов хозяйствования, а самих субъектов вынуждает не снижать первоначальные затраты.

Видится необходимость введения в действие норм, касающихся именно маркетинговой составляющей, которая позволит указывать экологически чистую продукцию эко-нейтральной.

Прослеживается аналогия с требованиями для получения знака кошерности путем следования в технологии производства на основе норм кашрута. Это открывает возможность для новых рынков сбыта, т.к. на территории Европейского союза востребована именно качественная продукция, которая соответствует международным стандартам в этой области.

Следует рассмотреть механизм признания за предприятием звания «экологически нейтрального». Существует три известных способа: спонсирование экопрограмм, разработка таковых и выпуск экологической продукции (так называемый «зеленый маркетинг»).

Для зеленого маркетинга стоит определить, что такое экологически чистые продукты (далее – ЭЧП). ЭЧП – это продукт, произведенный из экологически чистого сырья или натуральный продукт. Также это безопасный продукт, прошедший при производстве жесткий контроль соблюдения санитарно-гигиенических стандартов, продукт, который должен храниться, транспортироваться и реализовываться только при определенных условиях [4, с. 772].

Наиболее эффективно такой маркетинг строится на двух составляющих: привлечение внимания к продукции и внимания к экологии и здоровому образу жизни. Три стратегии, с помощью которых достигается поставленная цель:

- упор на экологичность;
- покупка «зеленых» брендов;
- создание «зеленых» продуктов.

Такой стратегии придерживался Илон Маск при покупке «Tesla Motors», при его грамотном руководстве, рекламе, а также за счет крайне опытного и инициативного бюро разработок, линейка автомобилей «Tesla» пополнилась большим рядом моделей. Компания все еще проводит работы по снижению себестоимости и экологизации своей продукции, участвует в экопрограммах. Наиболее известным является проект по установке аккумуляторных батарей на территории Австралии для электроснабжения.

Белорусская экономика развивалась по пути отсутствия собственных экобрендов и основными производителями и поставщиками на рынок были именно зарубежные компании. Белорусская ЭЧП представлена в основном подсобным хозяйством и немногочисленными субъектами хозяйствования.

Причины непопулярности экотоваров:

- Отсутствие массового спроса (продукция направлена на очень небольшой сегмент потребителей).
- Отсутствие отечественной системы сертификации ЭЧП.

– Необходимость выполнения розницей образовательной и разъяснительной работы с покупателями.

– Фермерские продукты относятся к премиальному сегменту, их основные потребители – это представители среднего и выше класса.

Последний пункт справедлив для большинства стран постсоветского пространства, экопродукция в указанных странах по себестоимости значительно выше, чем конкурирующая, не являющаяся ЭЧП.

Стоит привести примеры стран, в которых на данный момент зеленая экономика составляет значительный процент.

Дания. Омбудсмен Дании по защите прав потребителей разработал Руководство по использованию зеленых и этических заявлений в маркетинге, основанное на Законе № 1389 от 12.12.2005 г. «О маркетинговой практике», базирующемся на директивах Европейского союза по защите прав потребителей. В Руководстве указаны общие, специальные требования к использованию заявлений об экологичности или климатической нейтральности; перечислены субъекты, которые ответственны за подобные заявления; рассмотрены особенности создания «зеленой» репутации; уточнены вопросы использования схем маркировки, символов и сертификатов.

Норвегия. За регулирование «зеленой» рекламы ответственен Омбудсмен по защите прав потребителей. Основными документами являются Общие рекомендации по использованию зеленых и этических заявлений в маркетинге, Руководство по использованию заявлений как «климатически нейтральный» и подобных заявлений в маркетинге, «Использование зеленых заявлений в маркетинге транспортных средств в соответствии с Законом о контроле за маркетингом», Руководство по использованию зеленых заявлений в маркетинге энергии для отопления домов, Руководство по заявлениям об устойчивости, используемым в маркетинговых целях. В них представлена законодательная основа для зеленой маркетинговой деятельности; рассмотрены различные типы заявлений и техник, влияющих на стимулирование потребителя к совершению покупки; перечислены различные заявления для создания имиджа компании; проанализировано применение экомаркировок; представлены рекомендации по маркетинговой коммуникации с потребителем по вопросам климата, а также приведены конкретные примеры использования «климатических» заявлений [2].

Именно предоставление относительно широких полномочий и учет общего законодательства Европейского союза позволяет снизить риск нанесения экономического ущерба при реализации концепции зеленого маркетинга.

Изучив условия международной практики в области экобрендинга стоит рассмотреть соответствие таковой белорусского законодательства.

Существует два понятия в ГК: фирменное наименование, на которое юридическое лицо имеет исключительное право использования на товарах, их упаковке, в рекламе, вывесках, проспектах, счетах, печатных изданиях, официальных бланках и иной документации, связанной с его деятельностью, а также при демонстрации товаров на выставках и ярмарках, которые проводятся на территории Республики Беларусь; товарный знак и знак обслуживания (далее – товарный знак) – обозначение, способствующее отличию товаров, работ и (или) услуг одного лица от однородных товаров, работ и (или) услуг других лиц [5].

Основой связи является право на использование фирменного наименования в товарном знаке. Именно это позволяет отличать товар.

На территории Беларуси действует исключительное право на наименование, зарегистрированное в Республике Беларусь в качестве обозначения юридического лица [5]. Такой подход ограничивает действие многих производителей, т.к. не позволяет ускоренно

выходить на рынок Беларуси, а также создает проблемы по защите своих прав на территории государства. Открывает возможность для задержки международных корпораций (многим, для более низкой налоговой нагрузки и льгот требуется регистрация). Существует исключение, предусмотренное законодательством.

В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные обозначения, включая имена собственные, сочетания цветов, буквенные, цифровые, изобразительные, объемные обозначения, включая форму товара или его упаковку, а также комбинации таких обозначений [5]. Основным требованием для регистрации является отсутствие сходства с иным товарным знаком. Примером может служить шоколад «AlpenKrone», «AlpenGold». Срок действия регистрации составляет 10 лет с правом неограниченного продления.

Для существования экобренда может иметь значение коллективный знак, который предназначен для обозначения производимых и реализуемых товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг, обладающих единичными качественными или иными общими характеристиками [5]. Кооперация способствует ускоренному развитию отрасли.

Отношения, связанные с добросовестным копированием бренда, регулируются ст.1022, 1023 ГК. Введение в заблуждение можно трактовать как несоответствие производимой продукции общим качественным характеристикам. Для лицензии действует субсидиарная ответственность.

Регистрация товарного знака осуществляется в патентном органе [5], который точно определен в Законе Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон О товарных знаках) в лице «Национальный центр интеллектуальной собственности» [6].

Существуют бренды, которые специализируются на выпуске экопродукции и которые по своей сущности могут выражать этот факт, однако налагаются ограничения на применение характеристик в товарном знаке, согласно подп.1.4 п.1 ст.4 Закона О товарных знаках: не допускается регистрация таких знаков, доминирующее положение в которых занимают знаки и (или) указания, используемые для обозначения вида, качества, количества, свойства, назначения, ценности товаров, а также времени, места и способа их производства или сбыта [6]. Не допускается регистрация ложных обозначений или способных ввести в заблуждение.

Международная регистрация производится на основании международного договора и свидетельства о такой регистрации в Республике Беларусь, допускается преобразование международной регистрации в национальную заявку, замена национальной регистрации товарного знака международной регистрацией [6]. Такой подход защищает от ложной регистрации и предотвращает от дискредитации на международном рынке.

В случае известности бренд может быть признан общеизвестным. Такой товарный знак приобретает право на защиту независимо от регистрации.

Особым правовым режимом обладает сельскохозяйственная продукция, признанная экологическим продуктом. Регулируется Законом Республики Беларусь 9 ноября 2018 г. № 144-З «О производстве и обращении органической продукции» (далее – Закон Об органической продукции). Этот законодательный акт составляет будущее правового регулирования экобрендов, однако требует изменений, ввиду того что является нововведением.

Органическая продукция определяется как «продукты растительного, животного и микробиологического происхождения, предназначенные для употребления человеком в пищу или использования в качестве корма для животных, продовольственное сырье, предназначенное для производства пищевых продуктов, семена, полученные в результате производства органической продукции» [7]. Довольно абстрактная и неопределенная категория, но все же сущность понятия содержится в нормах.

Закон Об органической продукции выделяет лишь отдельную группу вещей, и во многих вопросах является межотраслевым (ст.2). Перечень объектов, подпадающих под правовое регулирование, приведен в ст.4. В качестве объекта выделяют земельные участки, водные объекты и (или) их части, на которых осуществляется производство органической продукции.

Требования к органической продукции приведены в главе 3, там же содержится термин «параллельное производство», который используется для производства обыкновенной, не «премиальной» продукции. Кроме соблюдения требований, необходима добровольная сертификация [7] согласно ГОСТ 33980-2016, техническим кодексам ТКП 635-2019 (33170), ТКП 580-2016 [8]. Именно соблюдение вышеуказанных условий позволяет сельскохозяйственный бренд, часть продукции, считать «экологическим продуктом».

Делая выводы и строя заключения можно отметить наличие собственной концепции, разработанной и применяемой исключительно в отношении экономических отношений. По своей природе она не противоречит концепции устойчивого развития.

Популяризация и доступность достигается на различных уровнях: международной, региональной и национальной, а также внутри самих субъектов хозяйствования. На международном уровне действует множество организаций по развитию «зеленого» маркетинга.

Наибольший успех и эффект у платформы «Зеленая ВОИС», на базе которой происходит обмен знаниями, технологиями, средствами для реализации экопроектов. И следует отметить, что интеграция достигла высокого уровня.

Полезным нововведением было бы создание международного института, который будет обладать схожей природой, как и указанная платформа. Указанный институт, изобретая стандартные шаблоны, которые смогут позволить государства любого достатка, приведет к популяризации ЭЧП и улучшению здоровья населения, а также сделает бессмысленным конкуренцию не экоориентированных производителей с такими шаблонами (т.е. создание общего стандарта и требований к минимально допустимой продукции).

В Беларуси субъектам хозяйствования следует руководствоваться международным стандартом в области ЭЧП. Следует также разработать собственную систему защиты прав потребителей и права на охрану здоровья, основанную на ЭЧП, учитывающую опыт успешных в этом зарубежных стран.

Указанные предложения позволят ускорить процесс перехода на продукцию и услуги нового потребительского стандарта. Экобренды – как воздух, достояние человечества.

Список источников

1. Green Economy Belarus [Электронный ресурс] : Что такое "зеленая экономика"?. – Режим доступа: <https://greeneconomy.minpriroda.gov.by/ru/zelenaya-economika/>. – Дата доступа: 07.04.2021.
2. Михайлова, А. Мировой опыт регулирования зеленого маркетинга / А. Михайлова // Банковский вест. – 2021. – № 6/695. – С. 63–172.
3. Всемирная организация интеллектуальной собственности : «Зеленая ВОИС»: год спустя. – Режим доступа: https://www.wipo.int/pressroom/ru/stories/wipo_green.html. – Дата доступа: 07.04.2021.
4. Ярв, И. В. «Зеленый маркетинг» или как рекламировать экобренд / И. В. Ярв // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : материалы международной науч.-практ. конф., творческой молодежи, Красноярск, 6-10 апр. 2015 г. : в 2 т. / Сибирский гос. ун-т и техн. имени академика М.Ф. Решетнева ; редкол.: Ю. Ю. Логинов (гл. ред.) [и др.]. – Красноярск, 2015. – Т. 1. – С. 774.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Республики 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 фев. 1993 г. № 2181-XII : с изм. и доп. от 18 дек. 2019 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
7. О производстве и обращении органической продукции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 нояб. 2018 г. № 144-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
8. Госстандарт [Электронный ресурс] : Основные НПА и ТНПА в области производства и обращения органической продукции. – Режим доступа: <https://gosstandart.gov.by/basic-nla-and-tnla-in-the-field-of-production-and-circulation-of-organic-products>. – Дата доступа: 08.04.2021.

К.В. Хаменок

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

Институт интеллектуальной собственности в Республике Беларусь включает две относительно самостоятельных составных части: институт авторского права и смежных прав и институт права промышленной собственности. Основным отличием между ними является система охраны прав. В данной статье мы рассмотрим роль и права интеллектуальной собственности в фармацевтической промышленности, а также, затронем понятие товарного знака применительно к данной сфере.

Фармацевтика является одной из наиболее важных отраслей промышленности, зависящих от надежности охраны прав интеллектуальной собственности. Несмотря на нарушение прав в сфере интеллектуальной собственности, производители оригинальных лекарств продолжают вкладывать средства в разработку новых лекарств более быстрыми темпами. Объем инвестиций также прямо пропорционален уровню доверия и, соответственно, уровню защиты интеллектуальной собственности.

Инновационные западные фармацевтические компании, стремящиеся вывести свои новые продукты на российский рынок, часто сталкиваются с нарушениями своих прав и существующих патентов. Российское законодательство, в свою очередь, не запрещает регистрировать препараты-копии инновационных препаратов, которые защищены патентом. Но в результате, компании, производящие копировальные препараты, нарушают права интеллектуальной собственности тех, кто владеет патентом. Если вы считаете, что нарушили ваши права, можете обратиться в суд. Однако на самом деле судебные дела в области фармацевтики длятся не более двух лет. Производители фармацевтической продукции тратят время и немалые деньги, хотя производство лекарств не прекращается на время проведения разбирательств.

Что касается Республики Беларусь, согласно ст. 8 Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» от 20 июля 2006 г. № 161-З, все лекарственные средства, используемые на нашей территории, должны быть зарегистрированы в соответствующем полномоченном органе [1]. Этот орган ведет государственный реестр лекарственных средств. В Республике Беларусь таким органом является РУП «Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении». В Республике Беларусь действует отдельный Закон «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 5 февраля 1993 года [2]. Регистрация товарного знака в Беларуси осуществляется в «Национальном центре интеллектуальной собственности» (НИПЦ). Товарный знак может принадлежать юридическим или физическим лицам, ассоциациям, союзам или иным объединениям юридических лиц.

Обсуждая важность и место интеллектуальной собственности в фармацевтической промышленности, следует отметить, что регистрация изготовленных лекарственных средств и используемых торговых наименований в качестве объектов интеллектуальной собственности позволяет обеспечить защиту и уникальность прав производителей лекарственных средств. Лекарственное средство является результатом творческого труда человека, а патентование как изобретение допускает исключительный режим использования и обеспечивает монополию на производство лекарственного средства в течение срока действия прав на изобретение. Регистрируя торговое наименование лекарственного

средства в качестве товарного знака, производитель обеспечивает защиту от недобросовестных конкурентов, которые могут использовать название лекарственного средства для выпуска поддельных лекарственных средств.

В Республике Беларусь, все отношения, касающиеся интеллектуальной собственности, регулируются национальными нормативными правовыми актами (Гражданский кодекс Республики Беларусь (раздел V «Интеллектуальная собственность», главы 60-67), Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 года «Об авторском праве и смежных правах» и др.) [3]. А также международными актами, такими как: Договор о патентном праве, Договор ВОИС по авторскому праву, Ниццкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков, Конвенция учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности и иные.

Национальный центр интеллектуальной собственности (НЦИС) является основным государственным органом, который реализует политику в сфере интеллектуальной собственности нашей страны. Также, данный орган обеспечивает охрану прав на объекты интеллектуальной собственности, осуществляет международное сотрудничество и обеспечивает выполнение международных обязательств Республики Беларусь. Вдобавок ко всему вышесказанному, Национальный центр интеллектуальной собственности выступает в качестве патентного органа.

Гарантия защиты прав на объекты интеллектуальной собственности считается обязательной, а также особо значимой составляющей законодательства каждого государства, равно как в сфере промышленной собственности, так и в сфере авторского права и смежных с ним прав.

Совершенствование законодательной базы обеспечивает основу, фундамент для нормального развития научно-инновационной интеллектуальной деятельности. Кроме того, совершенствование национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности на основании современных международных норм даёт возможность: повысить международный авторитет данного государства; гарантировать права человека на результаты интеллектуальной собственности; усовершенствовать охрану прав на интеллектуальную собственность при балансе интересов; увеличить интеллектуальный потенциал, создать условия для сохранения и укрепления международной культуры; предоставить доступ к мировым информационным ресурсам; усилить экономическую безопасность государства.

Законодательство Республики Беларусь об интеллектуальной собственности в своей основе построено на положениях международных актов в сфере интеллектуальной собственности, например, это касается сроков в авторском праве, выплаты компенсаций в случае нарушения прав автора и других положений, содержащихся в Законе Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах». Это же утверждение верно и в отношении других нормативных правовых актов, в частности, Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания», Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», и др. В последнем случае, характерным примером являются нормы данного Закона о сроках действия патента, об условиях предоставления правовой охраны изобретению, полезной модели, промышленному образцу, о нарушении исключительного права патентообладателя, о заявке на получение патента и т.д.

Характерным для сферы правового регулирования отношений в области интеллектуальной собственности является наличие специальных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в связи с созданием и использованием конкретного объекта интеллектуальной собственности. Таким образом, практически каждый объект интеллектуальной собственности имеет свой нормативный правовой акт. Например, отношения по поводу создания, регистрации и использования товарных знаков регулируются нормами Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания».

В качестве недостатка существующей в Республике Беларусь системы законодательства об интеллектуальной собственности можно указать на отсутствие кодифицированного акта – кодекса, хотя положительные примеры систематизации известны мировой практике. В качестве примера можно привести Францию, где был разработан и долгое время действует Кодекс Об интеллектуальной собственности.

Также в качестве недостатка существующей в Республике Беларусь системы законодательства об интеллектуальной собственности можно указать и на отсутствие специальных правовых регуляторов в отношении таких сфер деятельности, как фармацевтика, здравоохранение, спорт и туризм. В этих сферах, также обращаются объекты интеллектуальной собственности, и такие правоотношения обладают характерными особенностями.

Существует два определения: товарный знак, а также знак обслуживания. Данные определения способствуют различию товаров и услуг одних производителей от товаров и услуг других производителей. Основной функцией товарного знака является индивидуализация товаров и их изготовителей на рынке. Установлено, что знак обслуживания используется в отношении услуг, в то время как сам термин «товарный знак» закреплен за товарами. Однако в законодательстве два понятия объединили в одно. Термин «товарный знак» в обыденном понимании подразумевает идентификацию товаров и услуг.

Если говорить о ключевых видах товарных знаков, то в Республике Беларусь могут быть зарегистрированы: словесные обозначения (к ним относятся слова, словосочетания, предложения, либо же обычное сочетание букв); изобразительные обозначения (изображения различных предметов, фигур, живых существ, также допускается изображение цифр и букв в графическом исполнении); объемные обозначения (объекты или фигуры в трёх измерениях); сочетание цветов, а также различные комбинации вышеупомянутых видов (товарный знак может быть зарегистрирован в любой цветовой гамме).

Один из важных вопросов возникает почти у каждого, кто соприкасается с понятием товарного знака, а именно, почему же его следует защищать. К сожалению, не все понимают, насколько плачевным может оказаться результат невыполнения требований законодательства по регистрации товарного знака. Для некоторых осознание этого приходит с опозданием, однако последствия уже непоправимы. Возможно, именно по этой причине в нашей стране стал распространен такой вид мошенничества, как захват чужих товарных знаков с целью перепродажи. В обиходе такое явление называется «пиратством». Лица, занимающиеся пиратством, в первую очередь, обращают внимание на непредусмотрительность владельцев товарных знаков, которые продвигают свой товар на территории страны, не позаботившись о получении регистрации товарного знака на ее территории. Поскольку известно, что регистрация товарного знака носит территориальный характер. «Пираты» регистрируют на себя чужой товарный знак, а после вынуждают владельцев выкупать их. Суммы таких выкупов иногда достигают до десятков тысяч долларов.

Некоторые крупные иностранные и отечественные компании-производители, являющиеся владельцами товарных знаков, осознают значимость регистрации и уделяют этому огромное значение. Такие владельцы, не жалеют своих денег и отслеживают нарушения своих товарных знаков.

Конкуренты очень часто прибегают к компаниям, которые постоянно борются с имитациями (копируя цветовые гаммы и элементы известных брендов, либо регистрируют их похожие названия). Такие компании постоянно отслеживают свои нарушения исключительных прав на товарные знаки, а также используют всевозможные механизмы защиты, такие как: отправление предупредительных писем нарушителям; подача возражений в Апелляционный совет против регистрации сходных до степени смешения товарных знаков с их товарными знаками, которые обладают более ранним приоритетом; обращение

в антимонопольные органы в связи с недобросовестной конкуренцией; подача исковых заявлений в Верховный Суд в связи с нарушением прав на товарные знаки в Республике Беларусь.

В связи с этим, нужно понимать, что даже, несмотря на верную подачу заявки и регистрацию товарного знака, данная регистрация может быть закончена, однако лица могут остаться вовлеченными в длительные, и весьма разорительные, судебные дела. На данный момент, на практике отработаны эффективные механизмы защиты прав владельцев товарных знаков в Республике Беларусь. Можно привести в пример ряд конфликтов товарных знаков, которые разрешались в судебном порядке, можно назвать споры по следующим товарным знакам: «Nimesil» и «Nimesin Plus», «Аспирин» и «Aspirin», и иные.

Большое число отечественных фармацевтических, а также медицинских компаний стремительно изучают вопросы об официальной регистрации и разработке собственных товарных знаков. К изучению данных вопросов подтолкнуло развитие экономических отношений. Товарный знак – это нематериальный актив организаций. Он создает ассоциации между фармацевтическим продуктом и его производителем, который становится инициатором спроса на данную фармацевтическую продукцию, а также дает возможность небезуспешно конкурировать с продукцией других производителей. Следует подчеркнуть большое социально-экономическое значение товарных знаков, используемых в фармацевтической промышленности в том понимании, что речь идет о здоровье населения, о его социальном благополучии.

В течение последнего времени, фармацевтическая промышленность претерпевает большие изменения. Мы можем вывести формулу, в которой: «Новейшие разработки (главный движущий фактор БИЗНЕСА) – МАРКЕТИНГ препаратов распространенных фирм (задачей является создание известного коммерческого продукта и сохранение его уровня продаж на высокой ступени при истечении срока патента).

Огромное количество предприятий фармацевтической промышленности имеют свои собственные символы и эмблемы. Но это не значит, что все они зарегистрированы как товарный знак. Многие компании не удовлетворяют законодательным требованиям товарного знака. Нередко компании, не имея своего уникального товарного знака, используют всем известную чашу со змеей, которая дает понять, что данная компания как-то связана с медициной, однако такие компании никак не ассоциируются у потребителей с конкретно этой организацией. Часто допускают ошибку и используют в качестве товарного знака символы или изображения популярных эмблем, которые говорят о своей принадлежности к какой-либо отрасли промышленности. Это является одной из проблем, поскольку законодательство о товарных знаках требует уникальности, которая позволит потребителю узнавать и отличить различные компании.

Товарные знаки – часть института интеллектуальной собственности совершенно любой страны. Если правильно подходить к использованию товарного знака, создающего имидж компании, то последняя существенно увеличит объем продаж в области фармацевтики, а также увеличит прибыль с реализации, и соответственно получит преимущества на рынке.

На наш взгляд корректным была бы постановка вопроса о необходимости пересмотра взглядов на товарный знак, как на универсальное правовое явление и универсальный объект интеллектуальной собственности. Представляется целесообразным считать товарный знак в фармацевтике самостоятельным правовым явлением с последующей его идентификацией применительно к задачам и целям деятельности фармацевтической промышленности. Одним из вариантов решения данного вопроса могла бы стать кодификация законодательства об интеллектуальной собственности.

Проанализировав судебную практику по делам интеллектуальной собственности в фармацевтической промышленности, в частности разбирательства по поводу товарного знака "Аспирин" немецкой фирмы Bayer, можно сделать следующие выводы. Товарный знак следует считать родовым наименованием, в случае, если он полностью утрачивает в глазах широкой общественности или в коммерческих кругах все признаки, присущие товарному знаку. Однако, не следует придавать большого значения включению зарегистрированного товарного знака в словари и справочники, а также аналогичные им печатные издания.

В Высший арбитражный суд обратилось предприятие с иностранной инвестицией «Медика Украина» при участии на стороне истца ОАО «Концерн Стирол», с иском к Государственному патентному ведомству Украины, г.Киев (далее — Госпатент Украины) и фирме «Байер АГ», ФРГ о признании недействительными решений о регистрации знаков для товаров и выданных фирме «Байер АГ» на словесные знаки для товаров «ASPIRIN» и «Аспирин» по 5 классу Международной классификации товаров и услуг; признании частично недействительными решений о регистрации знаков для товаров и выведении из-под правовой охраны слов «ASPIRIN» и «Аспирин» в комбинированных знаках, на которые фирме «Байер АГ» выданы свидетельства Украины на знаки для товаров по 5 классу Международной классификации товаров и услуг; Госпатенту Украины внести соответствующие изменения в Государственный реестр свидетельств Украины на знаки для товаров и услуг и произвести публикацию в официальном бюллетене «Промышленная собственность» наименований различных товаропроизводителей: слово «Аспирин» — одно из них.

Использование ацетилсалициловой кислоты в качестве лекарственного вещества и в качестве лекарства не позволяет отождествить ее с готовым лекарственным средством «Аспирин». Товар с обозначением «Аспирин» не может выступать действующим веществом и составной частью каких-либо препаратов, созданных на основе или с добавлением ацетилсалициловой кислоты. Это подтверждается рецептурным составом лекарств, в том числе лекарства «Аспирин УПСА», выпускаемого истцом. Также понятие «ацетилсалициловая кислота» как вид товара употребляется в нормативно-правовых актах и в официальных документах [4]. Наличие лекарств с совпадающим наименованием «Аспирин», но выпускаемых разными производителями и имеющих разный химический состав, фармакокинетическое действие и побочные явления, ведет к смешению товаров и вводит в заблуждение потребителей.

Суд не принял во внимание ссылку истца на словари и материалы социологического исследования как доказательство общеупотребительности слова «Аспирин». В решении по делу отмечено также то обстоятельство, что действующее законодательство только заявителю предоставляет право обжаловать решение по заявке, в связи с чем, исковые требования о признании недействительными решений о регистрации знаков не подлежат удовлетворению. Неосновательными являются также требования о выведении из-под правовой охраны отдельных слов в комбинированных знаках для товаров, поскольку правовая охрана предоставляется знаку в целом, а не отдельным его элементам.

ОАО «Концерн Стирол» также обратилось с заявлением, в котором просит проверить решение по делу в порядке надзора и отменить его, принять новое судебное решение о выведении из-под правовой охраны слова «Аспирин» в знаках для товаров и услуг и признании свидетельств № 6455, № 6456 недействительными. Заявление мотивировано тем, что, в соответствии с законодательством, не допускается предоставление правовой охраны таким обозначениям, которые не обладают различительной способностью,

т.е. не дают возможности отличать товары одних юридических лиц от однородных товаров других юридических лиц. Слово «Аспирин» вызывает в сознании устойчивую ассоциативную связь с определенным видом жаропонижающих средств, независимо от изготовителя. Указанное обстоятельство подтверждается данными социологического исследования, различными словарями, учебниками.

Также в течение последних нескольких лет первенство в фармацевтической сфере однозначно занимают два спора между Публичным акционерным обществом "Фармак" ("Фармак") и Частным акционерным обществом "Фармацевтическая фирма "Дарница" ("Дарница") относительно знаков "Корвалол-Дарница" и "Корвалол CORVALOLUM". По спору о признании недействительным свидетельства на знак для товаров и услуг "Корвалол-Дарница", Публичное акционерное общество обосновало иск тем, что регистрация торговой марки "Корвалол-Дарница" нарушает права на знак "Корвалол Corvalolum", который признан хорошо известным в Украине. Но на время рассмотрения данного спора вступило в законную силу постановление Киевского апелляционного хозяйственного суда о признании недействительным решения о признании знака "Корвалол Corvalolum" хорошо известным [5]. В связи с указанным, суды всех инстанций (включая Верховный Суд) пришли к выводу, что обозначение "Корвалол Corvalolum" не получало правовой охраны как знак, признанный общеизвестным в Украине, а, следовательно, права интеллектуальной собственности «Фармак» не нарушены регистрацией знака "Корвалол-Дарница". Верховным Судом было отмечено, признание недействительным решения о признании знака "Корвалол Corvalolum" хорошо известным является достаточным основанием для отказа в удовлетворении иска, безотносительно к другим обстоятельствам и заключению эксперта [6]. Сейчас «Фармак» обратился в Хозяйственный суд города Киева с заявлением о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, иное законодательное решение является отражением достигнутого на данном этапе развития общества, консенсуса интересов различных слоев. Сферой публичного интереса является то, что доступность фармацевтических препаратов всегда остается важнейшей социальной потребностью. Однако правовой режим защиты интеллектуальных прав на лекарственные средства отражает в большей степени частный интерес. Патентная система призвана не только защищать права лиц, создающих изобретения, полезные модели, промышленные образцы, но и обеспечивать доступность инноваций обществу. Именно поэтому сроки патентной защиты, а также возможности использования результатов интеллектуальной собственности иными лицами в коммерческих и иных целях подлежат законодательной регламентации.

Список источников

1. О лекарственных средствах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2006 г. № 161-З : в ред. от 29 июня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 февр. 1993 г., № 2181-XII : в ред. от 18 дек. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. №218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: с последними изменениями от 05.01.2021 г. // Консультант Плюс: Беларусь. [Электронный ресурс] – Дата доступа: 17.04.2021.

4. Справочник лекарственных препаратов Республики Беларусь «VIDAL»: интернет-портал [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.vidal.by/poisk_preparatov/acetylsalicylic-acid/. — Дата доступа: 13.04.2021.
5. Решение о признании обозначения «Корвалол CORVALOLUM» по отношению к АО «ФАРМАК»: интернет-портал [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://pravo.ua/vs-otmenil-reshenie-o-priznanii-oboznachenija-korvalol-corvalolum-horosho-izvestnym-na-imja-ao-farmak//>. — Дата доступа: 10.04.2021.
6. Ключевые судебные дела фармацевтических компаний 2019 года»: интернет-портал [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://biz.ligazakon.net/ru/>. — Дата доступа: 21.04.2021.

Е.В. Янтикова

**ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА УБЫТКОВ ИСХОДЯ ИЗ ДОХОДА НАРУШИТЕЛЯ
ПРИ НАРУШЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА**

В статье рассматриваются основные подходы по расчету убытков исходя из дохода нарушителя при нарушении исключительного права на производство. Указанные подходы нашли отражение в рекомендательном акте Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (далее – ГКНТ), определяющим методику расчета убытков и компенсации при нарушении исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Автором раскрывается понятие «доход нарушителя», отмечается восстановительная природа убытков и необходимость ограничения убытков в виде дохода нарушителя в соответствии с положениями гражданского законодательства о недопустимости злоупотребления правом и неосновательном обогащении.

Авторское право, являясь одним из субъективных гражданских прав, установленных законодательством, позволяет его обладателю контролировать использование результата творческой деятельности третьими лицами. По мнению ряда авторов такое право уже включает в себя возможность осуществления защиты в случае посягательств со стороны третьих лиц. С другой стороны, понятие «защиты» является составной частью более широкого понятия «охраны», и возникает у правообладателя только с момента нарушения права.

Реализация права на защиту это право, а не обязанность правообладателя. Этим и объясняется ситуация, когда авторы или иные правообладатели по каким-то причинам не защищают свои нарушенные авторские права, не идут в суд, административные и правоохранительные органы, в результате чего нарушитель остается ненаказанным и продолжает незаконно использовать произведение, что зачастую сопровождается получением значительного дохода, положенного по закону автору.

Наказание нарушителя «рублем» возможно через возмещение убытков или взыскание компенсации от 1 до 50 000 базовых величин в зависимости от характера нарушения в соответствии со статьей 56 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах (далее — Закон)» [1], а также через наложение штрафа по статьям 10.15 Кодекса Республики Беларусь «Об административных нарушениях» [2] и 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3].

Правообладатель и нарушитель заинтересованы в предварительном подсчете размера убытков от нарушения исключительного права на производство при ведении переговоров по претензии, а также при подаче иска в суд. При квалификации состава преступления по статье 201 УК правоохранительным органам также требуется определение размера ущерба, причиненного нарушением исключительного права на производство, и дохода нарушителя в крупном размере.

Основной причиной необращения правообладателей в судебные и правоохранительные органы является сложность в расчете и доказывании размера причиненного им имущественного ущерба. Следствием нереализации права на защиту является недостаточное количество судебной практики по делам, где осуществляются расчеты убытков автора

от нарушения его исключительного права, что не позволяет судам обобщить ее и определить методику расчета убытков и компенсации, дохода нарушителя в крупном размере, ущерба в крупном размере, выделить критерии, которые влияют на размер имущественных потерь автора или иного правообладателя.

Приказом Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 122 были утверждены «Методические рекомендации по определению размера убытков в связи с нарушением исключительного права на объекты интеллектуальной собственности и размера компенсации за такое нарушение» (далее — Методические рекомендации) [4]. Данный рекомендательный документ разработан с учетом международного опыта, в том числе судебной практики Российской Федерации и других стран Евразийского экономического союза [5]. Методические рекомендации будут способствовать наработке практики по досудебному и судебному урегулированию споров в сфере интеллектуальной собственности, что позволит привлекать нарушителей к ответственности, предупреждать нарушения авторских прав в будущем, а также корректировать, в случае необходимости, с учетом складывающейся практики подходы расчета убытков и компенсации за нарушение исключительного права автора.

Целью настоящей статьи является характеристика основных подходов расчета убытков исходя из дохода нарушителя исключительного авторского права, заложенных в Методических рекомендациях, что может быть использовано в правоприменительной практике.

При нарушении исключительного права на произведение правообладатель (автор, наследник, наниматель в отношении служебного произведения, издатель, производитель аудиовизуального произведения, лицо, к которому исключительное право перешло по договору), а также лицо, которое вправе обратиться за защитой нарушенного имущественного права на произведение (лицензиат по исключительной лицензии, организация по коллективному управлению имущественными правами) могут воспользоваться таким общим способом защиты гражданских прав, как возмещение убытков (ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) [6]).

В соответствии с п. 1 ст. 14 ГК убытки состоят из реального ущерба, включающего расходы на восстановление нарушенного права и стоимость утраченного или поврежденного имущества, а также упущенной выгоды, т. е. неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Согласно п. 2 ст. 14 ГК если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем такие доходы. Таким образом, упущенная выгода может рассчитываться двумя способами: исходя из потенциальных доходов правообладателя либо исходя их дохода, полученного нарушителем. При этом кроме дохода нарушителя может быть взыскан также реальный ущерб.

В соответствии с п. 1 ст. 14 ГК убытки должны быть взысканы в полном объеме, за исключением случаев, предусмотренных в законодательных актах или в соответствующих законодательству договорах. Однако это не означает, что убытки исходя из расчета дохода нарушителя будут присуждены судом в полном объеме, если их размер слишком велик по сравнению с существом нарушения и другими обстоятельствами, например, в случаях, когда правообладатель злоупотребляет своим правом и имеет цель обогатиться, когда имущественный ущерб правообладателя незначительный по сравнению с доходом нарушителя (реализован большой тираж книги, в которой размещено четверостишие с нарушением исключительного права автора). В таких случаях ограничение размера

убытков, в том числе определяемых исходя из дохода нарушителя, будет основано на положениях ст. 9 ГК о пределах осуществления гражданских прав и ст. 971 о неосновательном обогащении.

Расчет упущенной выгоды через доход нарушителя может быть выбран как альтернатива расчету упущенной выгоды через потенциальный доход правообладателя в зависимости от того, какой подход наиболее выгоден правообладателю.

Выбор расчета дохода нарушителя выгоден в ситуации, когда произведение создано в новой технике или имеет иные уникальные характеристики и правообладатель еще не успел продать его экземпляры, оно еще не присутствует на рынке. В то же время произведение было незаконно получено нарушителем и контрафактные экземпляры такого произведения были впервые распространены нарушителем. В такой ситуации как раз можно воспользоваться расчетом по модели дохода нарушителя.

Следует иметь в виду, что подсчет упущенной выгоды через доход нарушителя для правообладателя может быть недоступен в случае отсутствия у него доступа к информации о цене и количестве контрафактной продукции, поскольку она хранится или контролируется нарушителем. В таком случае следует воспользоваться расчетом убытков исходя из потенциального дохода правообладателя или расчетом компенсации.

В соответствии с п.п. 3.3. Методических рекомендаций под доходом нарушителя понимается совокупная сумма выручки (дохода для индивидуальных предпринимателей, применяющих общий порядок налогообложения) от реализации товаров, работ, услуг с нарушением исключительного права на объекты интеллектуальной собственности без учета понесенных им затрат.

Исходя из указанного определения, можно сделать вывод о том, что доходом нарушителя является его прибыль от нарушения, поскольку затраты, которые понес при получении дохода нарушитель, не учитываются в этой сумме, т. е. вычитаются.

Однако из определения не следует, какие затраты должны учитываться при определении дохода нарушителя. Представляется, что к таким затратам должны относиться только расходы, связанные с деятельностью, которая привела к нарушению исключительно авторского права, а не общие расходы нарушителя, осуществляемые им обычно, например, расходы на заработную плату работникам, расходы на уборку помещений и т. п.

Возмещение правообладателю прибыли нарушителя достаточно распространенный способ восстановления имущественных потерь автора для зарубежных юрисдикций. Для стран Европейского союза (далее – ЕС) прибыль, несправедливо полученная правонарушителем, учитывается в качестве дополнительных убытков согласно статье 13(1)(a) Директивы 2004/48/ЕС [7].

В большинстве случаев нарушающие действия связываются с контрафактными товарами, т. е. материальными носителями, в которых произведения используются с нарушением исключительного права, т. е. без разрешения правообладателя. При этом стоимость контрафактных товаров рассчитывается на основе рыночной цены контрафактных товаров и их количества.

Методические рекомендации при подсчете дохода нарушителя от реализации контрафактных товаров придерживаются более широкого подхода, отдавая предпочтение рыночной цене товара, но учитывая также ситуации, когда рыночную цену определить затруднительно. В таком случае будет использована установленная нарушителем отпускная цена контрафактного товара (п. 20 Методических рекомендаций).

Кроме того, если нарушитель в своей деятельности не реализует товары, а выполняет работы или оказывает услуги, которые приводят к нарушению исключительного

права, в таком случае доход нарушителя подсчитывается исходя из всех доходов, полученных им от противоправных действий (п. 21 Методических рекомендаций). Такая ситуация характерна для оказания услуг в отношении нелицензионного программного обеспечения, доходы от которых во многом превышают стоимость самих контрафактных компьютерных программ.

На практике возникают вопросы в отношении включения в доход нарушителя дохода за сопутствующие товары или за многокомпонентные товары, в которых контрафактным является один или несколько незначительных в отношении всего товара компонентов (например, одно четверостишие в сборнике стихов). По общему правилу, исходя из определения экземпляров произведения и контрафактных экземпляров (ст. 4 и 57 Закона), контрафактным экземпляром будет признаваться весь многокомпонентный товар (книга), доход нарушителя будет считаться вместе с доходом за сопутствующие товары. Однако должна быть доказана причинно-следственная связь между основным контрафактным товаром и сопутствующим, которая доказывает, что нарушение исключительного права связано с реализацией контрафактных товаров вместе с сопутствующими и причинило ущерб правообладателю. Размер убытков должен оцениваться судом с учетом того, насколько спрос на компонентный товар или услугу зависит от контрафактного компонента [7].

В настоящее время произведения часто используются не в вещественной, а в цифровой форме в сети Интернет. В таком случае доход нарушителя будет рассчитываться исходя из тех бизнес-моделей получения дохода в Интернете, которыми пользуются аудиовизуальные сервисы. К самым распространенным бизнес-моделям можно отнести: 1) получение дохода от рекламы с бесплатным доступом к произведению; 2) абонентская плата (подписка) за доступ к произведению с возможностью его воспроизведения (скачивания). В таком случае количественные показатели объема нарушения и цены носителя будут иными, чем при реализации контрафактных экземпляров. При расчете дохода нарушителя могут учитываться количество абонентов, подписчиков и цена абонентской платы, подписки, объем переданных данных, воспроизведенных (скачанных) произведений и другие (п. 13 Методических рекомендаций).

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что под доходом нарушителя следует понимать выручку, полученную нарушителем от реализации товаров, работ, услуг, нарушающих исключительное право автора или иного правообладателя за вычетом расходов, непосредственно связанных с нарушением исключительного права. При определении размера убытков, в том числе через доходы нарушителя, суд исходит из существа нарушения и иных обстоятельств дела, включая положения ст. ст. 9 и 971 ГК о недопустимости злоупотребления правом и неосновательном обогащении. Убытки от реализации сопровождающих и многокомпонентных товаров возмещаются в размере, зависящем от оценки их влияния на потребительский спрос и причинно-следственной связи с нарушением исключительного права. При нарушении исключительного права автора в сети Интернет при расчете убытков через доход нарушителя используются количественные показатели объема нарушения, свойственные бизнес-моделям аудиовизуальных сервисов.

Список источников

1. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З, с изм. и доп. // Онлайн-сервис готовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.
2. Кодекс Республики Беларусь «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] : Принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г., с изм. и доп. // Онлайн-сервис готовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г., с изм. и доп. // Онлайн-сервис готовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.
4. Методические рекомендации по определению размера убытков в связи с нарушением исключительного права на объекты интеллектуальной собственности и размера компенсации за такое нарушение / Приказ ГКНТ, 26 мая 2021 г., № 122 // НЦИС. 2021. – Режим доступа: https://www.ncip.by/upload/doc/2021/Met_rek.pdf. Дата доступа: 22.08.2021.
5. Янтикова, Е.В. Вопросы расчета убытков и компенсации за нарушение авторского права и смежных прав по законодательству Республики Беларусь // Е.В. Янтикова // Объекты авторского права и смежных прав и их правовой режим по гражданскому законодательству РФ : монография / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – Москва : Проспект, 2021. – С. 127-135.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Принят Палатой представителей 29 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. ; с изм. и доп. // Онлайн-сервис готовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.
7. Оценка ущерба в разбирательствах по делам, связанным с нарушениями прав интеллектуальной собственности: доклады, подготовленные Колумбией, Иорданией, Марокко, Соединенным Королевством и Международной ассоциацией по охране интеллектуальной собственности / ВОИС, 2018. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/enforcement/ru/wipo_ace_13_9/pdf. – Дата доступа: 22.08.2021.

M. Vahabava

THE PROBLEM OF DIGITALIZATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY ON THE BASIC OF THE UE'S DIGITAL SERVICE ACT (DSA) AND DIGITAL MARKET ACT (DMA)

This article deals with the topic of digitization in the field of intellectual property protection, highlighting the new challenges dictated by the evolution of new technologies and the need to protect the segment still not well regulated. Examples are given of the European regulation. The question of the non-patentability of AI algorithms is addressed and if, within certain limits, legal recognition is possible on the basis of Article 52 of the EPC. Are analyzed the difference between human creations obtained with the assistance of AI and those generated autonomously by AI under EU legislation. Finally, the impact that the recent global pandemic had in the field of the protection of IP is brought to attention. The two EU legislative proposals are briefly analyzed: the UE's Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA) and what interaction they could have on the protection of IP.

1. Introduction. Technological development in the field of artificial intelligence creates new questions about the intellectual property rights of the subjects involved, placing scholars in front of the need to interpret current legislation and think about possible future adjustments. The way in which intellectual property rights are configured in the context of artificial intelligence (AI) is becoming particularly complex considering the development of increasingly sophisticated algorithms.

Today, the issue is no longer limited to determining who owns a software, but goes much further, to the point of assuming that intellectual property rights are owned by the AIs themselves.

The ability of a country to attract tangible and intangible investments, to favor the business of companies, including foreign ones, is an essential component of its being competitive. Continuous innovation, the development and protection of intellectual property, a global vision of markets and opportunities are the strengths of "doing business".

A correct strategy of managing intangible assets must involve, in addition to the direct exercise of the rights of economic exploitation like directly distribute the work of the ingenuity, market, the invention covered by the patent, affix the trademark on your products, etc., also the stipulation of assignment or license agreements.

Investing in research and innovation not only give a competitive advantage over competitors, but also give companies the opportunity to exploit their results commercially.

The digitization of content - for example, the transformation of drawings, music, videos into digital formats and, therefore, reproducible by any computer - opens up a new world for companies to enhance their products and services. It is possible to distribute music and movies on the net (through e-commerce portals) according to the model launched by Apple with the iTunes Store. It is also possible to create attractive internet portals in which companies can promote and/or distribute their products and services. This commercial transaction will increase both the companies' sources of income and the intrinsic value of the related intellectual property rights.

Legislation must also follow technological evolution and the European Union was one of the first to open the discussion and make legislative proposals to be implemented in the individual Member States. Among the very recent legislative proposals we can highlight the UE's Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA).

2. The non-patentability of AI algorithms on the basis of Article 52 of the European Patent Convention.

The algorithms on which AI is based are real "mathematical methods" within the meaning of the European Patent Convention, which establishes its non-patentability, as well as scientific discoveries and theories.

The Article 52 of the Convention protects inventions provides that "which are new, in implied by inventiveness and are suitable in industrial application", explicitly excluding mathematical methods from this category.

When it comes to intellectual property, two opposing requirements must be taken into account. On the one hand, we have the importance of remunerating the creator of the invention, so as to encourage his work. On the other hand, the works of ingenuity are intangible and, therefore, unrivalled assets: their simultaneous use by several subjects does not decrease their value. On the contrary, it increases the possibility that other individuals, starting from that work, will come to create new inventions. This characteristic of intellectual works makes its free movement desirable, but it is restricted by intellectual property rights.

At the basis of the exclusion of the Article 52 of the European Patent Convention is precisely the need to promote the exchange of information, which in some cases of "basic knowledge" (for example a scientific theorem) prevails over the importance of remunerating the creator.

However, the Article 52(3) contains the conditions for the patentability of algorithms that are used as part of an AI system that contributes to further technical effect: if the mathematical method is part of a more complex system, which has all the elements of inventions established in the first paragraph of the Article 52 (novelty, inventive activity and industrial application), then the whole system is patentable, including the mathematical method used.

Under EU law, therefore, it would appear that an artificial intelligence system as a whole can be patented if it meets the above requirements, but not the algorithm itself.

3. The difference between human creations obtained with the assistance of AI and those generated autonomously by AI under European legislation.

There is also a further profile of protection of the developer's work: the software is protected by copyright legislation, regarding the elements resulting from and expression of the author's creativity. We are faced with a real text and, therefore, it is treated by copyright as if it were a novel.

Now, AIs cannot be considered rightsholder's because they do not have legal personality. This is what the European Patent Office stated in its Decision of 27 January 2020 (CBE) and which was clearly reiterated in the recent European Parliament Resolution on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies that was adopted on 20 October 2020 (2020/2015(INI)).

The European standard shows that AI and related technologies are based on the creation and execution of computer programs, which as such are subject to a specific copyright protection regime under which only the expression of the computer program can be protected and not the ideas, methods and principles underlying one of its elements.

This assessment focus on the impact and implications of AI and related technologies under the current system of patent law, trademark and design protection, copyright and related rights, including the applicability of the legal protection of databases and computer programs, and the protection of undisclosed know-how and business information (like trade secrets) against their unlawful acquisition, use and disclosure (...); emphasizes.

Further, the need to assess whether contract law ought to be updated in order to best protect consumers and whether competition rules need to be adapted in order to address market failures and abuses in the digital economy, the need to create a more comprehensive legal

framework for the economic sectors in which AI plays a part, thus enabling European companies and relevant stakeholders to scale up, and the need to create legal certainty.

The rule states that in any case the protection of intellectual property must always be reconciled with other fundamental rights and freedoms of EU.

There are the difference between AI-assisted human creations and AI-generated creations, with the latter creating new regulatory challenges for intellectual property rights protection, such as questions of ownership, inventorship and appropriate remuneration, as well as issues related to potential market concentration.

Further considers that IPRs for the development of AI technologies should be distinguished from IPRs potentially granted for creations generated by AI. Therefore, in cases where the AI is used only as a tool to assist an author in the process of creation, the current IP framework remains applicable.

All European Union member states must transpose the EU's copyright directive into national law by 7 June 2021. However, with fears that Article 17 of the plans, designed to ensure that platforms would no longer make copyright-infringing work available online, could result in online upload filters being used, some member states are dragged their feet.

As of 30th of September 2020, the following countries have certainly started the process of transposition of the Directive: Belgium, France, Germany, Ireland, Italy, Holland, Czech Republic and Hungary.

4. The impact of the global pandemic on the digitalization in the field of intellectual property. Brief thoughts on the UE's Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA).

Since the pandemic started last year, European citizens have had to radically realign their lives to the new reality. For the most part, this has meant rapidly migrating their personal and professional lives online. The same changes have also affected people residing outside the European context. With this comes a broad range of policy measures aimed at reinforcing Europe's connectivity and heightening cybersecurity standards across 2021.

Two new and very recent legislative proposals are coming from the EU Commission to regulate digital services and digital markets, which are set to revolutionize the digital services market, including social media, online marketplaces and other online platforms operating in Europe.

These are, respectively, a Digital Services Act (DSA) and a Digital Markets Act (DMA). Among the main aims, alongside ensuring more effective protection of consumers and their fundamental rights online through an organic framework of rules - overcoming the situation of recent years that has seen repeated rulings by the Court of Justice, often in order to fill a legislative gap - there is also to make the digital markets themselves fairer and more open for all, users and businesses.

On the one hand, it expects the new body of legislation to contribute to the creation of new, better and reliable online services, while trusting that the new framework will promote innovation, growth and competitiveness of operators, in particular by supporting the expansion of smaller platforms, small and medium-sized enterprises and start-ups, facilitating access to customers throughout the single market and at the same time reducing compliance costs.

The Commission consulted a wide range of stakeholders in preparation of this legislative package. These stakeholders included the private sector, users of digital services, civil society organizations, national authorities, academia, the technical community, international organizations and the general public. An array of complementary consultation steps were also carried out to fully capture stakeholder views on issues related to digital services and platforms.

In particular, the Commission consulted stakeholders to further support its work in this area during the summer of 2020. The evidence was used to identify specific issues that may require EU-level intervention in the context of the DSA and the DMA. European and non-European citizens and organizations were welcome to contribute to this consultation.

Therefore the EU Commission has launched an open public consultation on the announced Data Act aiming to create a fair data economy by ensuring access to and use of data. The consultation seeks to gather views from citizens, businesses, online platforms, academics, civil society, administrations and all interested parties. It is open until 3 September 2021.

The proposed Digital Services Act (DSA) regulation is based on an awareness of changes in the digital services sector in the twenty years since Directive 2000/31/EC on electronic commerce was adopted. Online intermediaries have taken on great importance in the process of digital transformation and a leading role has been played. In particular, by online platforms which owe significant benefits both to consumers and to intra- and non-EU cross-border exchanges of businesses and traders.

With the DSA, the internal processes of online platforms will become more transparent and businesses will be able to make business decisions in greater knowledge of the facts. especially: disincentives for companies to take voluntary measures to protect their users from illegal content, goods or services will disappear; companies will use new simple and effective mechanisms to report illegal content and goods that infringe their rights, including intellectual property rights, or represent unfair competition; companies may also become "reliable whistleblowers" of illegal content or goods.

The Digital Markets Act (DMA) proposes the introduction of harmonized rules defining and prohibiting unfair practices by "digital market access controllers"(gatekeepers), providing for an application mechanism based on market surveys.

The legislative proposal immediately appeared to raise a defense shield against the excessive power of Big Tech, among which there are first and foremost the large American companies.

The DMA, in fact, aims to face the negative consequences deriving from certain behaviors of online platforms that have assumed the role of gatekeepers: the name indicates the role of access point through which business users reach consumers enjoying a consolidated and lasting position on the digital market, it is the intermediaries between companies and customers, who often take advantage of their position of advantage.

The DMA aims to regulate platform/business relations, building on the findings of the Online Platform Economy Observatory and the Commission's extensive experience of online marketplaces through the application of competition law.

With the DMA, innovative companies and technology start-ups will have new opportunities to compete and innovate in the online platform environment without having to comply with unfair conditions that limit their development. The legislative instrument will ensure greater legal certainty for businesses and in particular: companies selling goods and services through the digital market will be able to access certain data held by gatekeepers and will be able to choose between different platforms, and will also have greater opportunities to change and combine services according to their needs; business users (businesses) will know what to expect when dealing with gatekeepers; gatekeepers will clearly know the obligations applicable to them; there will be clearly defined procedural rules to ensure rapid decisions which will quickly benefit both business users and consumers.

Conclusions. In conclusion, works produced independently by artificial agents and robots may not be eligible for copyright protection, in order to respect the principle of originality, which is linked to a natural person, and since the concept of "intellectual creation" concerns

the personality of the author. It is necessary to have a horizontal approach, based on concrete and technologically neutral data on common and uniform provisions on copyright applicable to works generated by the in the European Union, if it is considered that such works could be considered eligible for copyright protection. It is essential that ownership of any rights is assigned only to natural or legal persons who have created the work lawfully and only if the copyright holder has granted authorization in the case of the use of copyright-protected material, unless exceptions or limitations apply in the field of copyright. The European Parliament stresses the importance of facilitating data access and data sharing, as well as open standards and open source technology, while encouraging investment and stimulating innovation. Stresses the need for the European Commission to aim to provide balanced and innovation-driven protection of intellectual property, for the benefit of European AI developers, to strengthen the international competitiveness of European companies.

In a context in which the pandemic situation has made the discourses on the need for an economic recovery increasingly central, and with the awareness of what is the value and contribution of these realities in this direction, it is increasingly important to reflect on the ways in which small and medium-sized enterprises can develop, and at the same time protect themselves, within the markets. And this is precisely the objective that was placed at the base of the discussion on the occasion of World Intellectual Property Day 2021: to highlight the fundamental role of small and medium-sized enterprises for the economy, and how they can use intellectual property rights to build stronger, more competitive, and resilient companies, protecting their creativity and innovative scope and consequently contributing to economic development.

Small and medium-sized enterprises account for 90% of companies worldwide, with 70% of employment globally. In the European Union alone, they make up 99% of companies.

A joint research of 2019, by the European Patent Office (EPO) and the European Union Intellectual Property Office (EUIPO), "High Growth Firms and Intellectual Property Rights", highlighted a close correlation between the growth potential of small and medium-sized enterprises and their ability to manage and enhance intellectual property rights (patents, trademarks, design, copyright). Research has shown that a small or medium-sized company in a low-tech sector is 172% more likely to become a high-growth company if it holds one or more patents. And companies that manage all intellectual property rights in an integrated manner are 33% likely to become high-growth companies.

Therefore, in addition to a regulatory evolution, it is necessary to push for an evolution of the awareness of the competitive advantages of the correct protection of intellectual property. The importance of knowledge sharing should also not be underestimated. Knowing how to draw on the immense heritage of open data and open resources can be a huge stimulus to the growth of competitiveness.

In the era of exponential growth, open innovation and ecosystems, unfortunately too often this system ends up being in sharp contrast with sustainable and inclusive innovation. We need an epochal change of the IP paradigm, but the current paradigm means that such a revolution would generate too many injustices towards too many.

In this context, the European Union has proposed the important legislative innovations represented by Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA).

If it is true, for example, that the value of a trademark is closely connected with the knowledge of the same by consumers, then using the trademark on the net, in the countless possibilities offered, allows the owner to multiply its visibility and, therefore, its value.

Intellectual property - understood in a dynamic key as a tool for certifying the innovative and creative capacity of a company (which is, as such, able to attract finance and risk capital) -

must be considered in the round, that is to say as a set of certifications that acquire and increase in value also on the basis of the degree of interdependence and complementarity that they are able to establish between them. In these cases, in fact, the value of the intellectual property portfolio must be considered as a whole, which is higher than the value of the assets themselves individually considered.

IP can, therefore, constitute an important intangible asset. However, it is only in recent years that there has been a growing awareness of the strategic role of intellectual property which, in fact, does not exclusively play a defensive function of company income, but can be monetized, that is, transformed into an additional source of income for companies. The traditional legal or defensive approach is therefore accompanied by a business-oriented approach in the management and evaluation of intellectual property, identifying intellectual property as a competitive and financial tool.

ABBREVIATIONS

AI – Artificial Intelligence;

EU – European Union;

EPC – European Patent Convention;

DSA – Digital Service Act;

DMA – Digital Market Act;

IPR – Intellectual Property Rights;

EUIPO – European Union Intellectual Property Office.

BIBLIOGRAPHY

1. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce') available on: https://wiki2.org/en/Electronic_Commerce_Directive_2000.
2. European Parliament resolution of 20 October 2020 on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies (2020/2015(INI)), Intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies, P9_TA(2020)0277, available on line: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277_EN.html.
3. European Patent Convention (EPC), European Patent Office, 17th edition / November 2020, pag. 10, also available on: <https://www.epo.org/law-practice/legal-texts/epc.html>.
4. Operational guide to the intellectual property system in Italy, by the Guglielmo Tagliacarne Institute and De Tullio & Partners, Ministry of Economic Development, Department for Business and Internationalization – Directorate General for the fight against counterfeiting, Italian Patent and Trademark Office, available on: <https://www.unipi.it/ricerca/applicata/brevetti/guide-prop/guida.pdf>.
5. Stéphane Séjourné, Report on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies (2020/2015(INI)), adopted by European Parliament on Plenary sitting, A9-0176/2020, 2.10.2020, available on line: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/PV-9-2020-10-19_EN.html.

SITOGRAPHY (WEBSITES)

1. <http://www.iprhelpdesk.eu/services>;
2. <https://www.unipi.it/ricerca/applicata/brevetti/guide-prop/guida.pdf>;

3. <http://www.epo.org/about-us/office.html>;
4. <http://oami.europa.eu/ows/rw/pages/index.it.do>;
5. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277_EN.html;
6. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package#:~:text=The%20European%20Commission%20proposed%20two%20legislative%20initiatives%20to,of%20all%20users%20of%20digital%20services%20are%20protected%3B>;
7. https://wiki2.org/en/Electronic_Commerce_Directive_2000;
8. <https://www.techeconomy2030.it/2021/04/26/il-ruolo-della-propriet%C3%A0-intellettuale-per-un-o-sviluppo-sostenibile-nella-dell'innovazione-digitale/>;
9. <https://www.euipo.europa.eu/ohimportal/it/web/observatory/ip-contribution>;
10. <https://www.unipi.it/ricerca/applicata/brevetti/guide-prop/guida.pdf>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Богоненко В.А. Заведующий кафедрой гражданского права, кандидат юридических наук, доцент. Полоцкий государственный университет (Беларусь)
- Боровская Е.А. Кандидат экономических наук, доцент. Белорусский государственный университет. Оценщик объектов интеллектуальной собственности (Беларусь)
- Борулёва Е.Д. Студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА) (Россия)
- Бурханова Л.М. Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического Университета (Узбекистан)
- Бшоян Л.Д. Студентка Института государства и права Сургутского государственного университета (Россия)
- Гончарова Т.В. Начальник отдела сопровождения научных исследований. Полоцкий государственный университет (Беларусь)
- Горшкова С.А. Студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА) (Россия)
- Долгая К.С. Студентка Полоцкого государственного университета (Беларусь)
- Затирахин В.Д. Старший преподаватель кафедры гражданского права. Полоцкий государственный университет (Беларусь)
- Зозулин А.С. Студент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск (Россия)
- Иванова Д.В. Заведующий кафедрой права интеллектуальной собственности юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент. Белорусский государственный университет (Беларусь)
- Иванкович А.Д. Студент Полоцкого государственного университета (Беларусь)
- Каминский Д.В. Национальный центр интеллектуальной собственности, специалист отдела больших прав и компьютерных программ Управления авторского и смежных прав (Беларусь)
- Кириенко А.С. Декан гуманитарного факультета, кандидат технических наук, доцент. Полоцкий государственный университет (Беларусь)
- Ландо Д.Д. Кандидат юридических наук, доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета. Белорусский государственный университет (Беларусь)
- Леанович Е.Б. Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений. Белорусский государственный университет (Беларусь)
- Лосев С.С. Кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Минск (Беларусь)
- Максуров А.А. Кандидат юридических наук. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль (Россия)
- Мехмонов К.М. Доцент кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета (Узбекистан)

Недвецкий Д.И.	Управляющий, патентный поверенный Республики Беларусь (Беларусь)
Покровская А.В.	Студентка магистратуры МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, эксперт по зарубежному патентованию ЦИС Сколково (Россия)
Савицкая К.Д.	Старший преподаватель кафедры гражданского права, магистр юридических наук. Полоцкий государственный университет (Беларусь)
Сатвалдиева Ю.Х.	Старший преподаватель кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического Университета (Узбекистан)
Семёнова Т.В.	Старший преподаватель кафедры гражданского права, магистр юридических наук. Полоцкий государственный университет (Беларусь)
Скурят Э.В.	Студент Полоцкого государственного университета (Беларусь)
Хаменок К.В.	Студентка Полоцкого государственного университета (Беларусь)
Янтикова Е.В.	Начальник отдела законодательства в сфере авторского и смежных прав управления правового и кадрового обеспечения Национального центра интеллектуальной собственности, Минск (Беларусь)
Maryna Vahabava	Italian qualified lawyer in Private and International Commercial Law, PhD student, assistant of Professor of University of Teramo (Италия)